

САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК

№ 1 (19)

2010

САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК

**Общественно-политический
и научный журнал**

УЧРЕДИТЕЛЬ

Самарский государственный
университет

Издается с 1997 г.

Регистрационное свидетельство
№ С1388, выдано 31 мая 1996 г.

Поволжским

Региональным Управлением
регистрации и контроля
за соблюдением законодательства РФ
о средствах массовой информации
Комитета Российской Федерации
по печати

© Самарский государственный университет, 2010
© Оформление. Издательство «Самарский университет», 2010
© «Самарский земский сборник», 2010

**2010
№ 1 (19)**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

П.С. Кабытов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Н. Завальный
(заместитель главного редактора)
Н.Н. Кабытова
И.А. Носков
П.И. Савельев
Ю.Н. Смирнов

*Ответственный секретарь -
Э.Л. Дубман*

*Художественный редактор -
Л.В. Крылова*

*Компьютерная верстка, макет -
О.А. Карасева*

*Корректор -
Т.А. Мурзинова*

Подписано в печать 23.12.2009. Формат 70x108 /16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,65; уч.-изд. л. 8,25
Гарнитура «NewtonС». Тираж 150 экз. Заказ 430.

Издательство «Самарский университет»
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. 334-54-23.

Отпечатано в типографии ООО «Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82.

ПРОФЕССОР МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ЛЕОНОВ

*(к 70-летию доктора исторических наук,
профессора кафедры российской истории СамГУ)*

В 2010 г. исполняется 70 лет почетному работнику высшего профессионального образования РФ, доктору исторических наук, профессору Михаилу Ивановичу Леонову, труды которого по истории общественно-политических процессов в имперской России рубежа XIX – XX вв. получили широкую известность и признательность научной общественности.

М.И. Леонов родился 27 декабря 1940 г. в северном селе Аксарка Тюменской области. Начавшаяся через полгода Великая Отечественная война оставила семью без отца, заставив испытать все тяготы голодного времени. Окончив в 1958 г. с отличием среднюю школу, Михаил вынужден был пойти работать, чтобы иметь хоть какие-то средства для поездки в город с целью продолжения образования. Уже тогда он приобрел опыт учебно-воспитательной работы, обучая грамоте работающую молодежь, коренные народы Севера, воспитывая детей в школе-интернате. В 1960 г. М.И. Леонов, выдержав большой конкурс, поступил в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова на исторический факультет, который окончил с отличием в 1965 г. По окончании университета он в 1965–1968 гг. работал по распределению в Хабаровском политехническом институте, где преподавал историю КПСС. Привыкнув все делать вдумчиво и основательно, Михаил Иванович, преподавая историю большевистской партии, рассматривал ее деятельность в контексте эпохи и спектре других политических партий и общественных организаций. Однако сфера его научно-исследовательских интересов еще со студенческой скамьи была сосредоточена на изучении партии социалистов-революционеров. Под руководством известного ученого доктора исторических наук, профессора Е.Д. Черменского он написал дипломное исследование о партии эсеров, затем, в 1968–1971 гг., обучаясь в аспирантуре МГУ, продолжил рассмотрение данной многоаспектной темы. С 1972 г. по настоящее время М.И. Леонов работает на кафедре российской истории исторического факультета Самарского государственного университета, за это время он прошел путь от ассистента до профессора.

Жизненный путь ученого-историка – это его научные труды, отражающие не только вклад в изучение той или иной проблемы, но и гражданскую позицию автора через преломление прошлого в настоящем. Научные изыскания М.И. Леонова, его прогностические оценки и выводы интересны, оригинальны и познавательны. Им опубликовано более 100 работ, из которых: 3 авторские монографии, главы в 8 коллективных трудах, более 70 научно-исследовательских и 20 научно-методических статей (причем книга и 17 статей – в центральной печати).

* © Кабытова Н.Н. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

Научные интересы М.И. Леонова сформировались в студенческие годы. Выбирая специализацию, он обратился к профессору Е.Д. Черменскому с инициативной темой по изучению истории партии социалистов-революционеров. Даже в период «хрущевской оттепели» это был смелый и неординарный поступок молодого исследователя. До начала 1960-х гг. деятельность политических противников большевиков историки почти не рассматривали, а если упоминали о них, то только в негативном плане. Скрупулезно работая над темой, он мобилизовал значительный корпус исторических источников, подвергнув их внутренней и внешней критике. Анализируя основные этапы деятельности эсеров, Михаил Иванович сделал интересные и оригинальные выводы о неонародническом социализме, его месте и роли в общественно-политической жизни России начала XX столетия. Блестяще защитив дипломное сочинение, Михаил Иванович был рекомендован для поступления в аспирантуру, однако реализовать такую возможность ему удалось лишь спустя три года.

В 1968–1971 гг., во время подготовки в аспирантуре МГУ под руководством своего научного руководителя профессора Е.Д. Черменского, М.И. Леонов значительно расширил источниковую базу своего исследования, апробировал его результаты на кафедральном семинаре. Однако для защиты диссертации необходимо было дождаться публикации научных статей, а в те времена это было делом долгим и сложным.

По окончании аспирантуры МГУ в 1972 г. М.И. Леонов приехал в недавно созданный Куйбышевский (Самарский) университет и стал работать на кафедре истории СССР. Вспоминая первые годы восстановления университета, характеризуя место и роль молодых преподавателей в нем, Михаил Иванович замечал: «Новички, что новобранцы. Они должны уметь делать все и всегда». Сам он свято выполнял этот завет: читал общие и специальные курсы по всем периодам отечественной истории, проводил семинарские занятия, руководил написанием курсовых и дипломных работ студентов. Да мало ли у преподавателей учебных и внеучебных, больших и малых дел! Например, учебно-научно-методическая работа: составление учебно-методических комплексов, программ читаемых курсов, планов семинарских занятий, написание научно-методических статей и различного рода рекомендаций – все эти виды поручений Михаил Иванович исполнял неукоснительно и ответственно. При этом он проявил способности к организации методической работы – и вот уже тридцать лет является председателем учебно-методической комиссии исторического факультета.

Преподавательская деятельность в вузе забирает много духовных и физических сил. Кандидатскую диссертацию Михаил Иванович защитил в 1975 г., и она стала для него своеобразным трамплином в большую науку. В последовавшее за этим двадцатилетие он расширил методологическую основу исследования партийно-политической системы имперской России периода кризиса системы, значительно пополнил источниковую базу проблемы, прежде всего за счет архивных материалов, ранее недоступных историкам. Это позволило ему мобилизовать и стратифицировать огромный эмпирический материал, сформулировать и решить новые научно-значи-

мые задачи, сделать обоснованные выводы. Таким образом, его разработки не только корректировали общие представления о революционной эпохе в России, но и по целому ряду дискуссионных вопросов имели прогностический характер. Данный плодотворный этап научно-исследовательской работы М.И. Леонова получил логическое завершение в 1995 г. защитой докторской диссертации.

После утверждения в докторской степени и получения профессорского звания талант Михаила Ивановича, ученого и преподавателя, проявился еще ярче. В 1997 г. в Москве, в издательстве «РОССПЭН» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, была опубликована его монография «Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг.» В ней впервые были представлены структура, численность, состав, социальная доктрина, тактика одной из самых значительных партий того времени. В книге развернута широкая панорама революционных событий 1905–1907 гг. и, как их составная часть, эсеровский террор, деятельность партий среди крестьян, рабочих, военных, учащихся. Особый интерес вызывают взаимоотношения эсеров с другими политическими партиями, союзами, общественными организациями: социал-демократами, народными социалистами, кадетами, октябристами, эсерами-максималистами, выявлено их участие в Советах рабочих депутатов, Всероссийском крестьянском союзе, группах трудовиков I и II Государственных дум. По сути, в этом исследовании выявляются глубинные причины потрясений, которые переживала Россия, рассматриваются характерные черты партийно-политической рефлексии на фоне социально-экономических требований потенциальных революционных потоков.

В настоящее время Михаил Иванович завершает работу над книгой, посвященной разработке теоретических и практических аспектов социализма, его интерпретации в позднеимперской России, социопсихологическим аспектам революционного террора, включая его гендерную стратификацию. Он охотно занимается учебно-методической и воспитательной работой со студентами, магистрантами, аспирантами. Под его научным руководством 14 аспирантов успешно защитили диссертации и стали кандидатами исторических наук. Профессор М.И. Леонов постоянно участвует в проведении Всероссийской научной конференции молодых ученых «Платоновские чтения», являясь бессменным руководителем секции «Историография и история общественной мысли в России». Свой вклад внес Михаил Иванович также в изучение социально-политической истории Самарского края в начале XX в., участвуя в написании и публикации таких коллективных трудов, как: «Земля Самарская», «История Самарского Поволжья», «Самарское Поволжье в XX веке», «Историко-культурная энциклопедия Самарского края», «Энциклопедия Самарской области» и др.

Свой юбилей доктор исторических наук, профессор Михаил Иванович Леонов встречает в расцвете творческих сил. Несомненно, его научно-педагогическая деятельность и в дальнейшем будет стимулировать поиск молодых исследователей в стремлении к исторической истине.

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ

М.А. Ицкович*

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Большое значение в современных исторических исследованиях приобретает категория исторической памяти, которая несет не только информацию о прошлом, но и эмоциональное отношение к вспоминаемым событиям и явлениям, их оценку в определенной «системе координат». Особый интерес представляет изучение исторической памяти об эпохах, отмеченных крупными историческими переменами: оно позволяет понять, насколько эти перемены укоренились в жизни общества и в его сознании.

Исторический период, названный впоследствии «эпохой Великих реформ», обычно отождествляется с временем правления императора Александра II – временем правительственных преобразований, быстрого роста институтов общественного мнения, развития университетов и подъема журналистики, социальных волнений. Все это воспринималось многими современниками как символические события вселенского масштаба¹. К концу XIX – началу XX веков свидетели той эпохи еще в большинстве своем активно участвовали в общественной и литературной жизни, а значит, и в формировании исторической памяти о периоде Великих реформ. Задача настоящей работы – проследить, какой образ реформаторской эпохи складывался в мемуарной литературе рубежа XIX–XX веков, выявить точки соприкосновения и расхождения между мемуаристами разных взглядов.

В мемуаристике присутствует широкий спектр мнений и оценок эпохи в целом, движущих сил преобразований, позиций различных социальных групп и политических деятелей. Вместе с тем можно выделить комплекс некоторых устойчивых представлений, характерных для подавляющего большинства мемуаристов, вне зависимости от их политических убеждений.

Прежде всего, это причинно-следственная связь между поражением России в Крымской войне и началом Великих реформ. Военная катастрофа стала в общественном сознании сильнейшим аргументом против крепостнических порядков в экономике, политике, культуре. По словам Н.В. Шелгунова, «думать заставил Севастополь, и он же пробудил во всех критическую мысль... Все стали думать, и думать в одном направлении, в направлении свободы»². Буквально в тех же выражениях высказал свою мысль идеологический противник Шелгунова, цензор Е.М. Феоктистов. С его точки зрения,

---

* © Ицкович М.А. – аспирант кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

«севастопольский страшный суд» подорвал веру в порядок вещей, который еще недавно считался само собой разумеющимся, и в этом смысле поражение сыграло определенную благотворную роль: «Россия, хоть и побежденная, все-таки вздохнула свободно»³.

Представление о реформах как о последствии неудачной войны было чем-то самоочевидным в широком общественном мнении той эпохи — не только среди интеллектуалов, но и в провинциальной крестьянской, мещанской и помещичьей среде⁴, — и неудивительно, что эта идея прочно вошла в историческую память, отразившись в сознании мемуаристов. Контрастирует с ней только мнение крайнего консерватора В.П. Мещерского, который полагал, что поражение в Крымской войне было следствием ряда частных проблем (непорядка в управлении, бездорожья, коррупции, технической отсталости), но никак не проявлением банкротства всей социально-экономической и политической системы. Мнение Мещерского можно считать исключением, подтверждающим общее правило: его точка зрения была маргинальной, в чем он и сам признавался⁵.

В целом ряде мемуаров зафиксированы настроения тревоги, неопределенности, растерянности перед грядущими преобразованиями, которые у одних выражались в чувствах страха и раздражения, у других — в виде смутных ожиданий и надежд. Распространение в народе разнообразных слухов, зачастую фантастических и противоречивых, рост крестьянских волнений, таинственные предзнаменования — таковы типичные знаки времени. В такой атмосфере всякое событие, например, установка телеграфа в провинциальном городе, воспринималось как предвестие грядущих перемен⁶. В воспоминаниях Мещерского, который с самого начала довольно скептически относился к реформам, обращает на себя внимание частое употребление неопределенных местоимений, например, в такой фразе: «Умы постепенно начинали выходить из-под опеки старых преданий и переходить в новую область какого-то стремления к чему-то новому, каких-то сетований на прошлое и каких-то претензий к настоящему»⁷. Будучи сторонним наблюдателем, Мещерский верно уловил неопределенный, аморфный характер социального настроения, господствовавшего в тот период. Вместе с тем у этого настроения был общий знаменатель, общий лозунг — *свобода*. Постепенно из «хаоса желаний, стремлений и порывов» выкристаллизовалась «точно определенная центральная идея» — освобождение крестьян⁸.

По вопросу об отмене крепостного права сложился широкий общественный консенсус — в диапазоне от наиболее дальновидных консерваторов до радикальных социалистов. В мемуаристике это кратковременное единство мнений нашло отражение в многочисленных описаниях «надежд», «весны» второй половины 1850-х гг. «Высокое одушевление», «золотая идиллия», «чад молодости, который зовется любовью», «опьянение восторга», «розовые надежды», «светлые упования», «торжество человеческого духа» — красноречивый ряд определений, которым характеризовали это время люди самых различных взглядов⁹. Отмена крепостного права оценивалась как шаг, продиктованный гуманистическими, нравственными и религиозными соображениями¹⁰. В начальный период реформ большинству мемуаристов

было свойственно безграничное доверие к верховной власти, вера в благие намерения царя и желание помочь ему в проведении назревших преобразований¹¹.

Идиллический образ «весны» второй половины 1850-х гг. можно также считать одним из устойчивых элементов исторической памяти. Иллюзия всеобщей гармонии и совпадения противоположных взглядов могла возникнуть лишь в обстановке неопределенности, о которой уже упоминалось выше, и могла существовать до тех пор, пока большинство интеллектуалов было объединено абстрактным чувством неприятия «старого» и необходимости реформ. Но насколько далеко следует идти в отрицании старого и какими именно должны быть эти реформы? Подобные вопросы неизбежно должны были рано или поздно возникнуть и разрушить всеобщее единство.

Резкая поляризация разных направлений общественной мысли наглядно проявляется не только в оценке того варианта освобождения крестьян, который был реализован в 1861 году, но и в описании позиции и настроений различных сословий русского общества. В консервативной интерпретации реформы 1861 г. ее главной действующей силой была либеральная столичная бюрократия, которая не знала реальных условий русской жизни, действовала исходя из «политической ненависти» к дворянству и стремилась к его максимальному разорению. Помещики проявили смирение и самопожертвование; крестьяне, хотя и не отблагодарили своих прежних хозяев как следует, реформой в целом были удовлетворены¹².

Сами реформаторы в своих воспоминаниях рисуют иную картину. Главную заслугу в осуществлении реформы они приписывают «непреклонной твердости» и решимости императора довести задуманное дело до конца вопреки отчаянному противодействию со стороны своего ближайшего окружения, высших правительственных чиновников и дворянства. Александр II достоин того, чтобы войти в историю не только России, но и Европы как «восстановитель прав человека, которые попирались в течение многих веков»¹³. Манифест 19 февраля 1861 г., по оценке Д.А. Милютина, был встречен народом с радостью и глубокой признательностью, хотя упоминает и о крестьянских беспорядках, вызванных превратным толкованием Манифеста, «отчасти злоумышленным, а большею частию по невежеству»¹⁴.

Мемуаристы радикального лагеря в своих оценках близки к мнению Н.А. Некрасова о том, что крестьянская реформа ударила «одним концом по барину, другим — по мужику». С одной стороны, в их воспоминаниях подчеркивается неприкрытая враждебность большинства дворян к реформе, к правительству и царю, доходившая до того, что в некоторых губерниях помещики расстреливали царские портреты¹⁵. С другой стороны, отмечается недовольство крестьян тем, что «попы да паны» скрыли от них «настоящую волю», которую дал царь¹⁶.

Земская, судебная, университетская, военная реформы Александра II воспринимались в мемуаристике как «эхо» крестьянской реформы, как логическое продолжение заданного ею импульса — ликвидации сословно-правового неравенства, поэтому рассматривались не сами по себе, а как средство, способствующее демократизации общества и одновременно как

символ этой демократизации. Одной из ярких примет времени, зафиксированных в исторической памяти, стали гласные суды, где разбирались претензии слуг к своим господам за оскорбительное или грубое обращение, и победа нередко оставалась за «простолюдинами». Отношение к таким фактам зависело от социальной позиции и политических взглядов мемуариста: разночинец и будущий народник Н.А. Чарушин испытывал «радость и торжество» от обвинительного приговора «какой-нибудь разряженной барыне», а стойкий консерватор и аристократ В.П. Мещерский возмущался «умышленно либеральным образом действий новых судей», которые относились с подчеркнутым неуважением к знатым лицам. И тот, и другой мемуарист оценивали новые суды как явления революционные, подрывавшие основы всего прежнего строя¹⁷.

Аналогичным образом различалось и отношение к земской реформе. Консерваторы обличали легкомысленный «земский либерализм», притязания земств на политическую роль, что, по их словам, только препятствовало действительно полезной работе местного самоуправления. «Лучше было давать земству поменьше прав при его учреждении, чем, давши много, отнимать часть данного, раздражая умы» — этот рецепт В.П. Мещерского характеризует отношение консервативной части русской общества не только к земской, но и к остальным Великим реформам¹⁸. В противоположном политическом лагере, напротив, сетовали на излишний и мелочный контроль местной администрации над земством, и сожалели о том, что «земская весна» была непродолжительной, а правительство сделало все возможное, чтобы превратить земских гласных в простых чиновников при сборе налогов¹⁹.

Отличительной особенностью эпохи стали не только преобразования «сверху», но и кардинальное изменение характера отношений в системе «власть — общество». С самого начала Великих реформ наблюдался всплеск общественной активности, который часто обозначался в мемуаристике термином «пробуждение». Чуть ли не всякий грамотный человек брался за перо, чтобы писать проект какой-либо реформы. Студенческие аудитории стали местом немислимых ранее дискуссий. Появилось огромное количество различных кружков и обществ с различными целями, от культурно-просветительских до революционных. Возникла «обличительная литература», в том числе неподцензурная, и вместе с ней — «новый читатель» с «общественными чувствами и интересами». Журналист стал влиятельным и уважаемым человеком в обществе, и даже некоторые чиновники стали в своих поступках ориентироваться на «общественное мнение». Изменился сам образ мыслей: власть и ее действия перестали восприниматься как нечто незыблемое, установленное свыше и неподвластное разумению «обычного человека», политическая сфера стала подвергаться критическому анализу с рациональной и моральной точки зрения²⁰. Не случайно во многих воспоминаниях противоположность эпохи Великих реформ с предшествующим временем выражается в противопоставлении статичности и динамики. На одном полюсе — инерция, упорядоченность, принуждение; на другом — движение, беспорядок, свобода.

Для консерваторов этот второй полюс был безусловным злом. Они возмущались, что журналисты предстают в виде «вершителей судеб Русского госу-

дарства», а правительственных чиновников обвиняли в «доброте слабости», в «трусости и малодушии» перед лицом крамолы. «Шатания правительства» провоцировали «безалаберность общества». Студенческих беспорядков, польского восстания, роста революционных настроений можно было бы избежать, если бы во власти нашлись энергичные и умные люди, которые не побоялись бы пресечь мятеж на корню. Власть слишком сильно «отпустила вожи», руководствуясь либеральными догмами²¹.

Как ни странно, сами либеральные реформаторы пришли к похожим выводам: «хватали через край», «смягчение перешло в распушенность». Военный министр Д.А. Милютин с сожалением отмечал, что «уже не подчиненные трепетали, как прежде, пред начальством, а наоборот, начальство старалось заслужить благорасположение подчиненных»²². Подобно консерваторам, либералы считали необходимым сдерживать «слишком резкие» выпады печати, бороться с «политической заразой» и «очищать» столичные города «от неблагонамеренности», были убеждены в том, что революционное движение в России инспирировалось поляками, а корни «крамолы» уходили на Запад. Оправдывая полицейские меры правительства как вынужденные и необходимые, они при этом понимали, что в такой обстановке невозможна реализация тех либеральных преобразований, к которым они искренне стремились. Консервативную и либеральную мемуаристику объединяет также мотив «неблагодарности общества», которое вместо «доверия и терпения» стало требовать от власти невозможного²³. Радикалы же рисуют прямо противоположную картину: косность власти, ее приверженность старым методам управления, боязнь инициативы снизу и чрезмерное полицейское усердие — все это оттолкнуло интеллигенцию от правительства. В ситуации, когда «элементарная честность становится неблагонадежной», самые крайние революционные акты встречали широкое сочувствие в образованном обществе²⁴.

Общей для мемуаристов всех направлений является интонация разочарования при подведении итогов эпохи, восприятие ее как «времени упущенных возможностей». Радикалы были неудовлетворены тем, что их завышенные ожидания коренных демократических преобразований не осуществились; консерваторы — тем, что власть зашла слишком далеко в «потрясении устоев»; либералы — тем, что, оказавшись «между двух огней», не смогли реализовать свои замыслы. Значительную долю вины за такой печальный исход представители враждующих лагерей возлагали не только друг на друга, но и на императора Александра II. По единодушному мнению, он был человеком слабым, несамостоятельным, легко поддававшимся сторонним влияниям, причем в разных вариантах обвинений это могло быть либо влияние «неумных и злобных сатрапов», либо либеральных чиновников-дилетантов, зараженных космополитизмом²⁵. Стоит отметить всеобщую убежденность в том, что если бы император вел себя по-другому или призвал бы себе на помощь других советников, то его царствование закончилось бы так же прекрасно, как и началось. При этом сам царь рассматривался скорее не как виновник, а как жертва трагического стечения обстоятельств, как человек, который оказался не на своем месте²⁶. Такое единодушное свидетельство

о том, что в исторической памяти рубежа XIX–XX веков «роль личности в истории», и в особенности роль верховной власти оценивалась весьма высоко. Независимо от того, насколько такие представления соответствуют действительности, нельзя не заметить, что они представляют собой специфическое отражение в общественном сознании характерного для России феномена «революции сверху» и во многом сохраняют свою силу вплоть до наших дней.

Примечания

- ¹ Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996. С.10.
- ² Шелгунов Н.В. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 191.
- ³ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С.106–108.
- ⁴ Ясинский И.И. Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С. 15; Короленко В.Г. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. Л., 1990. С. 72.
- ⁵ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 24, 26, 43.
- ⁶ Короленко В.Г. Указ. соч. С. 70; Ясинский И.И. Указ. соч. С. 15.
- ⁷ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 97.
- ⁸ Шелгунов Н.В. Указ. соч. С. 95.
- ⁹ Красноперов И.М. Записки разночинца. М.; Л., 1929. С. 61; Ковалевская С.В. Избранные произведения. М., 1982. С. 272; Шелгунов Н.В.Указ. соч. Т.1. С. 82; Милютин Д.А. Воспоминания. М., 1999. С. 40; Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 65; Козлинина Е.И. За полвека. Пятьдесят лет в стенах суда. М., 1913. С. 26.
- ¹⁰ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 40; Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899. С. 226; Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 166.
- ¹¹ Водовозова Е.Н. На заре жизни: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 35; Воспоминания о студенческой жизни. С. 225, 226.
- ¹² Мещерский В.П. Указ. соч. С. 92–94, 100–102, 152.
- ¹³ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 40–41; Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1997. №1. С. 98; №3. С. 63.
- ¹⁴ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 67.
- ¹⁵ Ясинский И.И. Указ. соч. С. 37; Короленко В.Г. Указ. соч. Т. 4. С. 213; Водовозова Е.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 143–147.
- ¹⁶ Водовозова Е.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 162–165.
- ¹⁷ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 79, 323; Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 41.
- ¹⁸ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 251, 312, 324.
- ¹⁹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 277–279; Чарушин Н.А. Указ. соч. С. 62.
- ²⁰ Шелгунов Н.В. Указ. соч. С. 94, 113, 114; Мещерский В.П. Указ. соч. С. 47, 97; Короленко В.Г. Указ. соч. Т. 4. С. 157–158, 284.
- ²¹ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 111, 118; Мещерский В.П. Указ. соч. С. 98, 124, 145, 152, 155.
- ²² Милютин Д.А. Указ. соч. С. 42–44.
- ²³ Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1997. №1. С. 102; № 3. С. 61.
- ²⁴ Короленко В.Г. Указ. соч. Т. 4. С. 501.
- ²⁵ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 578; Короленко В.Г. Указ. соч. Т. 5. С. 194.
- ²⁶ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 405; Милютин Д.А. Указ. соч. С. 45, 71; Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 118, 122, 196; Мещерский В.П. Указ. соч. С. 578, 582.

А.Ф. Галузин*

ОБ ИСТОРИИ ПРОКУРАТУРЫ И ПРОКУРОРАХ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Самарская прокуратура – ровесница Самарской губернии, открытой 1 января 1851 г. по старому или 13 января по новому стилю во исполнение Указа императора Николая I от 06.12. 1850 г. «Об образовании на левом берегу Волги новой Самарской губернии» с населением 1304218 человек в восьми уездах, двух тысячах поселений и 8 городах¹. Впервые этот день прокуратура Самарской области отметила в январе 2009 г. как свое 158 -летие.

В томе XXV Полного собрания Законов Российской империи за 1851 г. находим Высочайше утвержденное 20 декабря 1850 г. императором Николаем I мнение Государственного совета, опубликованное 30 декабря 1850 г., «Об утверждении во вновь открываемой Самарской губернии присутственных мест и должностных лиц ведомства Министерства Юстиции» и их финансировании начиная с 1 января 1851 г. или со времени открытия губернии из государственного казначейства в размере 56978 руб. 5 копеек и 857 руб. 70 копеек из земских сборов². Штаты присутственных мест Министерства юстиции в губернии были утверждены по представлению генерал-прокурора и министра юстиции России³, которым, совмещая эти должности в 1839– 1862 гг., был граф Виктор Никитич Панин⁴.

Генерал-прокурору В.Н. Панину в 1851 г. было пятьдесят лет. Он двенадцатый год служил министром юстиции и генерал-прокурором, восемь лет был членом Государственного Совета, до этого десять лет прослужил в дипломатических миссиях в Испании, Греции. Являясь министром правительства, он не поощрял прокуроров в опротестовании действий других министерств и их присутствий в губерниях, что снижало авторитет прокурорской власти, а губернаторы и губернские присутственные места подчас игнорировали протесты прокуроров. По отзывам современников, В.Н. Панин в служебных делах был совершенным деспотом. Служебный долг подчиненных понимал однозначно – беспрекословное исполнение его повелений⁵.

Город Самара становился губернским городом: создавались губернские присутственные места под началом первого гражданского губернатора – тайного советника и Кавалера Степана Григорьевича Волховского⁶. Министерство финансов России письмом от 5 марта 1851 г. разрешило губернской казенной палате «для поощрения чиновников к поступлению на службу в Самарскую губернию и скорейшего замещения должностей» выделять «всем определяющимся в должности прогоны по расстоянию, а также жалованье по прибытии по требованию губернатора»⁷.

Присутственными местами Министерства юстиции в Губернии стали:

- палата уголовного и палата гражданского судов, возглавляемые их председателями, имевшими годовое содержание 1142 рублей 80 копеек;
- Совестьный суд в составе судьи, двух заседателей от дворян и двух от купечества;

* © Галузин А.Ф. – кандидат юридических наук, профессор, заместитель прокурора Самарской области, 2010

– губернский прокурор, получивший годовое содержание в 1277 руб. 36 копеек, в подчинение прокурору были приданы два губернских стряпчих (один из них по уголовным делам, второй – по казенным), письмоводитель, четыре писца, восемь уездных стряпчих, имевших по два писца⁸.

Палаты уголовного и гражданского судов, Состыный суд начали свою работу с 30 апреля 1851 г.⁹ Первым самарским губернским прокурором стал тайный советник и Кавалер Никита Васильевич Гордиенко (назначен в должность 24 декабря 1850 г. и служил по 3 января 1854 г.)¹⁰. В цитируемых книгах «Годы и события. Хроники» и «Встать! Суд идет» не указывается участие прокурора в открытии губернии, и причина этого пока неизвестна. Допустимо предположить, что с момента назначения в должность 24 декабря 1850 г. прокурор не имел возможности своевременно прибыть в Самару в день открытия губернии. Но имеются основания полагать, что губернский прокурор и его канцелярия приступили к работе ранее судов и фактически с открытием губернии, о чем свидетельствуют сохранившиеся и доступные для изучения в Самарском государственном архиве документы. Так, на прошении на имя прокурора Гордиенко Н.В. от начальника Симбирского губернского правления, коллежского секретаря Жданова П.И. о принятии его на службу в канцелярию Самарского губернского прокурора письмоводителем имеется запись: «Получено с почтой 12 февраля 1851 г.»¹¹ Для написания и посылки этого прошения на имя Гордиенко Н.В. из другой губернии почтой, доставляемой на лошадях, очевидно, потребовалось не несколько дней, а несколько недель, включивших время, необходимое для того, чтобы узнать данные прокурора, его присутствия и о нахождении самого прокурора в Самаре.

Прокурорские работники подбирались и приезжали со всей страны. Из сохранившихся в фондах Самарского архива писем прокурора Гордиенко Н.В. губернатору Волховскому С.Г. о выдаче подорожных и жалования прокурорским работникам узнаем, что в марте 1851 г. из Санкт-Петербурга прибыл коллежский регистратор Александр Осипов, который сначала работал в канцелярии, а с 19 июля исполнял обязанности бугурусланского уездного стряпчего и был утвержден в этой должности высочайшим указом 15 июля 1851 г. Так же высочайшими указами были назначены в 1851 г. в должности письмоводителей канцелярии губернского прокурора: работавший в г. Пензе губернским секретарем Михаил Каурцев, прибывший в Самару 22 мая 1851 г., титулярный советник Василий Четвертков, приехавший из г. Саратова и приступивший к службе 26 сентября 1851 г.¹²

По рапорту Гордиенко Н.В. от 6 апреля 1851 г. товарищу министра юстиции Ильичевскому П.Д. 6 июля 1851 г. из С.-Петербурга управляющим типографией второго отделения его Императорского Величества Канцелярии были высланы и 14 августа 1851 г. получены прокурором 35 томов Свода законов, Уложение о наказаниях, Свод счетных уставов¹³.

Прокурорский надзор по Своду законов имел своим назначением охранение общего благоустройства губернии, надзор за казенными делами, судом и расправой, а у губернских прокуроров были два основных направления деятельности: опротестование незаконных действий губернской админи-

страции, судов и направление судебной-административной информации генерал-прокурору. Важно, что в тот период только губернский прокурор имел надзорные полномочия опротестовывать незаконные решения, а уездные стряпчие таковых не имели. Это и сдерживание генерал-прокурором В.Н. Паниным надзорной инициативы прокуроров снижало и заметно ослабляло авторитет прокурорской власти. Деятельность прокуратуры обюрокрачивалась, усиливалась власть губернаторов, также осуществлявших надзор за исполнением законов судами и полицией. Современники отмечали, что даже при желании, усердии и способностях в прокурорский труд по самой механической его громадности нельзя было внести необходимой основательности, что контроль одного губернского прокурора над несколькими присутственными местами в одно и то же время невозможен. Например, насчитывалось до 30 различного рода судебных процедур специальных судов: отдельно для дворян, живших в городах и сельской местности; отдельно для купечества, мещан, ремесленников, крестьян государственных, крепостных и др. К тому же судебные и следственные функции, помимо надзорных, исполняли генерал-губернаторы и органы полиции¹⁴.

Длительность судебной защиты прав была несравнима с современной. Приведем эпизод многолетней судебной тяжбы крестьянина Сиротского — крепостного жены штабс-капитана Федора Порфирьевича Стрелкова, который «чинил препятствие» засвидетельствованию «отпускной», выданной его женой своему дворовому человеку по месту нахождения имения в Бузулуке (ныне Оренбургская область) примерно в 200 км от Самары. В архиве сохранилась начатая в марте 1852 г. и завершившаяся осенью 1855 г. переписка Департамента Палаты гражданского суда Санкт-Петербурга с Министерством юстиции России, Самарским губернским правлением и прокурором, Бузулукскими земским судом, стряпчим, городничим и приставом по исполнению Предписания указанной судебной палаты об устранении штабс-капитаном Стрелковым Ф.П. препятствия, состоявшего в том, что Стрелков не внес в связи с «отпускной» 75 рублей в Московский опекунский совет. Переписка завершилась повторным направлением в Санкт-Петербург объяснения Стрелкова вместо утерянного в пересылке. Стрелков пояснил, что 75 рублей не внесены по причине продажи имения ротмистру М.И. Никитину, который в порядке расчета за имение и по доверенности Стрелкова должен был внести 75 рублей в опекунский Совет¹⁵. На получение объяснения суду потребовались почти четыре года.

Князь Долгоруков П. в докладе царю в 1857 г. назвал русское судопроизводство «истинным омутом взяток и плутней», а сам министр юстиции и генерал-прокурор В.Н. Панин вынужден был давать взятку за засвидетельствование «рядной записи» в пользу своей дочери¹⁶. В фондах Самарского архива сохранились докладные записки уездных стряпчих губернскому прокурору за 1851–1855 гг. объемом до 40 рукописных страниц, об утрате дел, волоките и других нарушениях законов в Бузулукском и Новоузенском уездных судах¹⁷.

Эффективность прокурорского надзора снижалась и из-за обширности и неопределенности поднадзорной сферы, побуждавшей называть прокурор-

ский надзор общим. Ныне широко известным является факт учреждения Прокуратуры России Петром I 12 января 1722 г. по старому или 25 января 1722 года по новому стилю¹⁸. Но не всем известно, что Петр I создал прокуратору, не похожую ни на один европейский образец. В 90-е годы XX в. потребовались устанавливающие это фундаментальные исследования, актуальные в связи с незнанием и непониманием за рубежом¹⁹ исторически сформировавшегося назначения и функции прокуратуры в Российском государстве и распространенным ошибочным мнением о наличии неких стандартов прокурорского надзора, несоответствии им российской прокуратуры. Исследования показали отсутствие таких стандартов во всем мире как сегодня, так и когда Петр I, учтя опыт фискалитета Германии (введен в России в 1711 г. и в 1722 г. включен в систему прокуратуры), прокуратуры Франции, омбудсменов Швеции, создал прокуратуру²⁰, не имевшую изначально и не имеющую поныне аналогов своему надзору за исполнением законов судами и органами административной (исполнительной) власти, получившему в юридической науке XIX в. название административный или общий надзор. В «Учреждении судебных установлений» 1864 г. прокурорский надзор за судебными установлениями был прямо назван общим²¹. «Положение о Верховном Суде Союза ССР и о Прокуратуре Верховного Суда СССР» 1929 г. устанавливало надзор за судом, определенным общим надзором²². Общий надзор был востребован в государственном строительстве последователями Петра I, в советский период и современной Россией, только в Законе «О Прокуратуре Российской Федерации» общий надзор назван надзором за исполнением федерального законодательства²³.

В правление Екатерины II усиление прокурорского надзора было осуществлено организацией губернских прокуратур, прошедшей в два этапа: учреждения провинциальных прокуроров реформой 1763 г. и их замена губернскими прокурорами с введением губернских и уездных стряпчих прокурора губернской реформой 1775 г.²⁴

В 1862 г. Александр I утвердил «Основные положения о прокуратуре», в которых впервые было сформулировано назначение прокуратуры — «наблюдение за точным и единообразным исполнением законов в Российской империи», а также принципы ее организации и деятельности, такие как «единство и строжайшая централизация», «подчиненность нижестоящих прокуроров», «независимость прокуроров от местных влияний»²⁵, которые были сохранены в законодательстве о Прокуратуре СССР, РСФСР и современной Прокуратуре России.

Судебная реформа в Самарской губернии началась спустя пять лет после начала действия Судебных уставов 1864 г. открытием в 1869 г. мировых судов, а 25 ноября 1870 г. — Самарского окружного суда (округ Казанской судебной палаты) по специальному Указу Императора²⁶. Самарский губернский прокурор стал прокурором Самарского окружного суда, его помощники-стряпчие стали товарищами прокурора. Прокурор окружного суда начал работать в том же самом здании на площади Революции, в котором сегодня работает Самарский областной суд. Первым прокурором Самарского окружного суда стал Головинский А.А.²⁷

Должность Самарского губернского прокурора исполняли многие известные в России люди. В 1870 г. губернским прокурором работал выдающийся российский юрист Анатолий Федорович Кони (ему было 26 лет), а в том же году он был прокурором Казанского окружного суда, откуда был назначен прокурором Санкт-Петербургского окружного суда²⁸. В этом году, но уже прокурором Самарского окружного суда работал представитель известного дворянского рода Валерий Николаевич Бестужев-Рюмин²⁹, состоявший в государственной службе с 1851 г.: в Министерстве юстиции — с 1869 г. и в должности прокурора — с 1871 г. При назначении в должность прокурора Самарского окружного суда он характеризовался как человек сухой, без сердца, грубый³⁰.

Судебная реформа предполагала значительное сокращение общего надзора и развитие прокурорского надзора как власти «обвинительной». Впервые было узаконено участие в судах адвокатов — присяжных поверенных. Известно, что основатель Российской Советской Федеративной Социалистической Республики В.И. Ленин по окончании экстерном юридического факультета Санкт-Петербургского университета в 1892–1893 гг. работал в Самарском окружном суде помощником присяжного поверенного, занимаясь научной и революционной деятельностью.

Следствие стали осуществлять судебные следователи, надзор за которыми, с правом дачи письменных указаний, утверждения обвинения и направления дела в суд, остался за прокурором. Дознанием полиции прокуроры фактически руководили. В архивных уголовных делах и нарядах товарищей прокурора окружного суда сохранились указания прокуроров судебным следователям и дознавателям о необходимости проведения дополнительных следственных действий, экспертиз, о квалификации преступлений, заключения (резюми) прокуроров об обоснованности отказов в возбуждении уголовных дел. Этой же работой заняты и современные прокуроры, отчеты о работе современных следователей аналогичны по структуре и форме отчетам судебных следователей, направлявших их товарищам прокурора³¹.

Юристы того времени обращали внимание на самостоятельность прокуратуры и ее надзора в системе органов власти³², а по сути говорили о необходимости наряду с тремя ветвями власти (законодательной, исполнительной, судебной) выделять четвертую — надзорно-контрольную. Определяя место прокуратуры в системе государственной власти, выдающийся российский ученый правовед XIX в. И.Я. Фойницкий отмечал, во-первых, что построение прокурорской власти как части власти административной представляет серьезные опасности дескредитацией прокурорской власти, является жертвой начала законности удобству администрации, во-вторых, еще менее может быть одобрено построение прокуратуры в составе суда вследствие смешения судебных функций с обвинительными. И приходил к выводу правильности построения прокуратуры как отдельного установления, стоящего между судом и правительством и имеющего во главе представителя из прокуратуры, но при судебном контроле³³, что было достигнуто проведением судебной реформы в 90-е годы прошлого века.

Многие юристы, либералы и консерваторы подвергали критике сокра-

шение в ходе судебной реформы общего надзора прокуратуры в угоду исполнительной власти, подчеркивая, что он был нужен, но связывал руки всесильной администрации³⁴. Идеи сокращения или прекращения общего надзора высказывались и до принятия Закона «О Прокуратуре Российской Федерации» 1992 г., но не были реализованы потому, что отмена или ослабление прокурорского надзора за исполнением закона (административного или общего надзора), как показывает российская история и современность, дезорганизует применение федеральных законов и обеспечиваемую их исполнением вертикаль власти, усиливает правовой нигилизм и административный произвол, размывает единую российскую законность, ослабляет правопорядок. Современные исследования прослеживают закономерность востребованности прокурорского надзора в механизме государственной власти России с эпохи Петра I и в последующие периоды до и после революции 1917 г.: прокуратуре сокращали, а затем вынужденно восстанавливали и расширяли общенадзорные полномочия³⁵.

Органы прокуратуры стали самостоятельной системой органов государства в советский период: в 1933 г. прокуратура была отделена от Верховного Суда СССР и в 1936 г. выведена из Министерства юстиции СССР³⁶. После революции 1917 г. действовавшие суды были распущены, прокуратура отменена, функции надзора были рассредоточены в органах партийного, административного, народного (рабоче-крестьянские инспекции – РКИ) контроля, комиссариата юстиции и т. д. Российская прокуратура была воссоздана как советская прокуратура по инициативе В.И. Ленина 28 мая 1922 года Постановлением ВЦИК как отдел Министерства юстиции³⁷ для обеспечения «вертикали» государственной власти посредством законности – точного и единообразного исполнения федеральных законов по всей республике. Заместитель министра юстиции был назначен Генеральным прокурором.

В советской юридической науке прокурорский надзор определяли как форму осуществления государственной власти и, отрицая теорию разделения властей и ее терминологию, выделяли четыре формы государственной деятельности³⁸. При наличии системы органов, осуществлявших контрольно-надзорную функцию (народного контроля, партийного контроля, а также горного, санитарного, пожарного надзора и т. д.), прокурорский надзор по отношению к ним был высшим. Конституции СССР 1936 г., 1973 г. и союзных республик называли прокурорский надзор высшим надзором и по причине надзора за судами, что подвергалось обоснованной критике с отнесением к высшему надзору только судебного, конституционного надзора и контроля³⁹. Современные российские ученые обосновывают наличие самостоятельной «прокурорской власти» в системе контрольно-надзорной власти⁴⁰. Некоторые ученые определяют прокурорский надзор как инструмент контроля и сдерживания в системе сдержек и противовесов трех фундаментальных ветвей власти⁴¹.

Прокуратура Самарской губернии была воссоздана 21 августа 1922 г. Постановлением ВЦИК РСФСР в составе прокурора, его заместителя, шести помощников и была размещена в здании окружного суда на площади

Революции г. Самары. Губернским прокурором в октябре 1922 г. стал 27-летний Виктор Зиновьевич Карпов, петербуржец, из рабочих, член РСДРП с 1914 года, работавший в Самаре председателем коллегии ревтрибунала. На работу в органы прокуратуры Самарской губернии были направлены по приказу Губернского Совета народных судей сотрудники губернского отдела юстиции⁴².

Прокурор Карпов В.З. писал о работе прокуроров того времени следующее: достигая единства законности, прокурорский надзор прорабатывал всю практику работы отдельных волостных исполкомов и сельских советов, выявлял и опротестовал все их постановления, противоречащие распоряжениям центра. Актуальной была борьба со злоупотреблениями властью должностных лиц, участвовавшими в растратах и воровством в низовых кооперативах, с конокрадством, нарушениями в работе земельных комиссий, защита бедняков, вдов и малолетних детей от ущемлявших их в заработной плате богатеев и кулаков, участие в гражданских делах. Прокуроры использовали в осуществлении надзора сигналы рабочих и сельчан (рабкоров, селькоров) в печати, осуществляли выезды на места с докладами, проводили вечера вопросов и ответов⁴³ — правовую пропаганду и правовое воспитание, как мы сказали бы сегодня. Работавший с 1923 г. народным следователем Старобуянской, Елховской, Красноярской, Большекаменской и Троянской волостей Самарской губернии, а с 1933 по 1937 гг. помощником прокурора области Бредихин Н.В. (1892–1990 гг.), получивший в 1916 г. высшее юридическое образование на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета, в своих мемуарных записках отмечал, что в 1923 г. — губерния не оправилась от голода 1921 г., в обширных лесах между Красным Яром и г. Самарой бродили банды дезертиров и всякой иной нечисти, нападавшие на крестьянские обозы, на сельских богатеев и нэпманов, грабившие и убивавшие их. Потребительская кооперация и кредитные товарищества засорялись спекулянтами, мошенниками, жульем, работодатели не выплачивали зарплату своим работникам⁴⁴. Следователи и судьи в первые годы советской власти при своей юридической неграмотности и революционной законности руководствовались в принятии решений классовым чутьем, классовой справедливостью и, как свидетельствовал очевидец Бредихин Н.В., «порой творили бог знает что»⁴⁵.

В 1925 г. прокурор Карпов В.З. инициировал издание брошюры «Советская прокуратура и революционная законность на местах», разъяснив цель ее издания так: «Несмотря на то, что уже в течение почти трех лет Советская власть всеми средствами проводит в жизнь революционную законность, что для этого создан особый орган власти — прокуратура, многие еще не знают, в чем суть этой «революционной законности», и хотя теперь трудно, вероятно, найти гражданина, который не слышал бы слова «прокурор», но все же многие не знают достаточно ясно, что такое «советский прокурор», зачем он существует и что он должен делать. Без этого знания широкие массы населения не могут прийти на помощь Советской власти в ее задаче — соблюдении всеми самой строгой и полной революционной законности»⁴⁶. Далее автор разъяснил, что слово «прокурор» «долгие годы» царского строя

было ненавистно трудящимся тем, что прокуратура следила за исполнением законов, написанных для защиты интересов помещиков и капиталистов. Указав, что прокуратура необходима при любом строе, подчеркнул, что советская прокуратура охраняет законы, защищающие рабочих и крестьян, что советский прокурор — плоть от плоти и кость от кости рабочих и крестьян, что прокурор обвиняет действительно виновных и обязан оправдывать невиновных, что он не только прокурор губернского суда, но осуществляет надзор за исполнением, издаваемых центром законов всеми органами губернской власти, что прокурор независим от местной власти и подчиняется народному комиссару республики. Автор особо выделил задачи советского прокурора: 1) чтобы на местах точно и неуклонно всеми соблюдались установленные для данной местности законы; 2) чтобы законы не только не нарушались, но и не извращались; 3) чтобы законы толковались однообразно по всей республике, несмотря ни на какие различия; 4) чтобы на местах не издавались свои законы, противоречащие законам, издаваемым центром. Революционную законность прокурор понимал как уничтожение законов, охранявших царский строй, как установление новых законов, закрепляющих завоеванные революцией позиции и не связывающих революционный почин и волю масс в победе революции, подъеме разрушенного хозяйства, как постоянную изменяемость законов в построении коммунистического общества по праву революции. Революционную законность автор назвал и советской законностью.

В сентябре 1926 г. прокурора Карпова В.З. сменил 27-летний Жалнин Николай Петрович, работавший до этого председателем губернского суда. Он был из крестьян Пензенской губернии, членом РКП(б) с 1918 г. В должности прокурора Самарской губернии и прокурора Средневолжского края, в который входила Самарская губерния, Самара была его столицей, проработал с 1926 по 1931 и с 1933 по 1937 гг.⁴⁷ Знавший Н.П. Жалнина с 1926 г., в том числе по совместной работе в 1931—1933 гг. в Казахстане, в 1933—1937 гг. в качестве помощника прокурора Средневолжского края и Самарской области, Бредихин Н.В. в своих мемуарных заметках отмечал, что его друг Жалнин Н.П. был истинным самородком: окончив приходское училище и два класса начальной школы, он с 1914 г. последовательно занимал начальные должности в волостном управлении, члена волостного исполкома, помогал крестьянам поднимать разрушенные в гражданской войне хозяйства. Не имея ни достаточного общего, ни юридического образования, он упорно осваивал специальные науки и стал квалифицированным правоведом. На работе буквально горел, не считаясь со временем, не думая о личных интересах. Был исключительно добросовестным и бескорыстным. Любимым его выражением было: «Мы работаем не для себя, а для Революции»⁴⁸.

Прокуратура с 1927 г. не только осуществляла надзор за исполнением законов, единство законности социалистических преобразований, но и уголовное преследование, в том числе «вредителей» и «врагов народа», к которым относили противников власти. «Враги народа» определялись руководителями коммунистической партии и государства.

Накал классовой борьбы, политических разногласий и связанных с ними юридических оценок конкретных фактов как преступлений был таким, что при расхождении политических взглядов широко применялось уголовное преследование инакомыслящих – самое действенное средство борьбы с политическими противниками, которых объявляли «врагами революции», «врагами народа», «вредителями», шпионами, антисоветчиками. В расследовании допускалось применение физического воздействия для получения признательных показаний, грубо нарушалась уголовно-правовая квалификация фактических обстоятельств.

В совершенно секретной шифротелеграмме секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина от 20 января 1939 г. секретарям обкомов, крайкомов, начальникам УНКВД подтверждалась допустимость и необходимость применения мер физического воздействия к арестованным, разрешенного в 1937 г. ЦК ВКП(б) органами НКВД в порядке исключения в отношении явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, тормозят разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, следовательно, продолжают борьбу с советской властью. В шифротелеграмме Сталин особо подчеркнул, что этот метод загажен превращением его из исключения в правило и виновные наказаны, что этот метод применяют буржуазные разведки и он должен применяться социалистической разведкой впредь в виде исключения. И обязал при проверке УНКВД руководствоваться этим разъяснением⁴⁹.

Уголовным репрессиям подвергались и прокурорские работники за свою профессиональную деятельность: за то, что препятствовали грубым нарушениям уголовного и уголовно-процессуального законодательства в уголовном преследовании, за то, что в выполнении партийных директив о репрессировании «врагов народа», с одной стороны, не привлекали к уголовной ответственности отдельных хозяйственных руководителей, с другой – допускали массовые ошибки в привлечении к уголовной ответственности работников колхозов, в том числе и по причине юридической малограмотности прокурорских работников, судей, получивших в большинстве своем начальное юридическое образование на краткосрочных курсах, в правовых школах.

Необходимо отметить и то, что в применении закона в то время преобладало политическое, а не правовое сознание или знание закона. Например, в декабре 1937 г. надзорная инстанция Верховного Суда СССР по протесту прокурора СССР Я. Вышинского прекратила по вновь открывшимся обстоятельствам дело осужденного в марте 1936 г. к условному наказанию, а в декабре 1936 г. к лишению свободы начальника Утевского НКВД за превышение должностных полномочий – аресты и содержание под стражей лиц без санкции прокурора. Вновь открывшимся обстоятельством стало лишь то, что инициаторами возбуждения этого законно возбужденного дела и приговора были разоблаченные в 1937 г. как «враги» народа прокурор области Жалнин Н.П., его заместитель Ледвич П.Б. и другие⁵⁰. Важно отметить, что в те годы указание прокурорам о привлечении лиц к уголовной ответственности, согласие на арест членов ВКП (б) давали руководители партийных органов. В 1937 г. сначала решениями партийных собраний были исключе-

ны из членов ВКП(б) за связи с «врагами народа», а затем были арестованы с согласия секретарей Куйбышевского областного комитета ВКП(б) и незаконно осуждены к смертной казни первый прокурор Самарской губернии В.З. Карпов, сменивший его на посту прокурора области Н.П. Жалнин, прокурор Богатовского района Чудаев Афанасий Иванович, сотрудник прокуратуры области Бабицкий Михаил Потапович.

Уголовное дело против Жалнина Н.П. было начато по заявлению в партийные органы Чеботкова (член ВКП(б) с 1917 г., участник гражданской войны в 1919–1923 гг., работавший после окончания в 1925 г. годичных юридических курсов следователем НКВД, прокуратуры г. Самары), который, по словам Жалнина Н.П., был «следователь очень неважный, мало и плохо работающий», за что и был уволен из прокуратуры в апреле 1935 г. после критики министром юстиции Н.В. Крыленко во время его приезда в г. Куйбышев «безобразно расследованного» Чеботковым уголовного дела. Последовавшие после увольнения жалобы Чеботкова с обвинением Жалнина, Ледвича, Рудакова и других «в защите троцкистов и правых, орудовавших в аппарате областной прокуратуры и в области» в 1935-признавали необоснованными в 1935–1936 гг., а в 1937 г. возбудили уголовное дело по ранее отвергавшимся проверками доводам Чеботкова, в том числе о недооценке Рудаковым и Жалниным квалификации Чеботкова, его деловых качеств, работы, о необоснованном его увольнении из прокуратуры в порядке гонений «за разоблачение всех антисоветских проявлений Рудакова, Жалнина и других»⁵¹.

Жалнин Н.П. следствием и судом был причислен наряду с другими партийными и советскими руководителями области к антисоветской, шпионо-вредительской, террористической, правотроцкистской организации, имевшей целью свержение существующего строя в СССР. Организация якобы действовала в Казахстане (Жалнин Н.П. с 1931 по 1933 гг. работал комиссаром снабжения республики, спасая население от голода, охватившего страну) и в Куйбышевской области, сохраняла в рядах ВКП (б) троцкистов и препятствовала исполнению директив ВКП (б). Вредительством Жалнина Н.П. в обвинении было названо, во-первых, то, что он по заданию первого секретаря Самарского обкома ВКП (б) в 1933–1936 гг. «подрывал» карательную политику тем, что подчиненные ему прокуроры городов и районов предали суду, а те осудили большое количество колхозного крестьянства в 1933–1936 гг., в том числе и не всегда обоснованно в силу своей юридической малограмотности и приверженности «революционной законности» и партийным директивам; во-вторых, за то, что «мариновал» (сейчас сказали бы волокитил) расследование следователями прокуратуры области и г. Самары ряда уголовных дел и «смазывал» (прекратил, обоснованно не направил в суд из-за отсутствия доказательств. — *авт.*) дела на хозяйственных руководителей. В довесок к этому Жалнина голословно обвинили в получении задания совершить террористический акт над Генеральным прокурором СССР Я. Вышинским. Жалнин подписал явно заранее напечатанные на машинке протоколы своих самозабвенно самоизобличающих и признающих обвинение показаний об участии в контрреволюционной организации, отнесении

к ее членам, кажется, всех, с кем только Жалнин был знаком и работал в Казахстане, Куйбышевской области, в том числе Ледвича, Чудаева, Бабицкого, Бредихина и других работников прокуратуры. В деле сохранилась справка следствия с выводом о ложности всех признательных показаний Жалнина, исходящим из того, что заглавные буквы кратких предложений признательного по тексту заявления Жалнина следствию означали: «показание ложно»⁵². Очевидно, что признательные показания добывались применением мер физического воздействия. Позже Жалнин прямо заявлял на допросах, очных ставках с Ледвичем и другими о ложности своих признательных показаний и обвинения. В 1938 г. суд возвращал дело Жалнина для дополнительного расследования.

Подследственный Жалнин Н.П. писал заявления о своей невинности, о готовности работать на самых опасных участках, просил не репрессировать жену и двух несовершеннолетних сыновей, воспитанных исключительно в коммунистическом духе, мечтавших о защите советских рубежей, о службе в Красной Армии⁵³. Свидетелей в суде не допрашивали, вину в предъявленном обвинении в суде Жалнин Н.П. не признал, учли ранее данные признательные показания. Осужден 10 марта 1939 г. по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР 1927 г. и сразу же расстрелян. Семью репрессировали: жену осудили к восьми годам лагерей, двоих сыновей отдали в детский дом⁵⁴. Жалнин Н.П. был в 1955 г. реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР отменой приговора и прекращением уголовного дела за отсутствием состава преступления посмертно. Родственники в 1955 г. получили одновременно справку о реабилитации и о смерти Жалнина Н.П. 9 июня 1940 г. от склероза сердца. Младший сын Жалнина Виталий Николаевич, 1925 г. рождения, став военным летчиком, воевал с октября 1943 г. и погиб 22 февраля 1944 г. В 1945 г. было отказано в присвоении ему звания Героя Советского Союза, которое было присвоено Указом Президента России 15 июня 1996 г.⁵⁵

Также за участие в антисоветской шпионо-вредительской террористической правотроцкистской организации, а фактически, как и Жалнин Н.П., — за «перегибы» в уголовных репрессиях крестьянства в 1933–1936 гг. и обоснованное прекращение уголовных дел на хозяйственных руководителей, то есть за исполнение профессиональных обязанностей, были арестованы осенью 1937 г. и осуждены в ноябре 1940 г. к длительным срокам лишения свободы прокурор области Ледвич Павел Борисович, 1895 г. рождения, назначенный в эту должность после ареста Жалнина весной 1937 г. с должности заместителя прокурора Самарской области, прокурор города Самары Рудаков Петр Николаевич, 1898 г. рождения, председатель Куйбышевского областного суда Даниэлус Иван Иванович, 1892 г. рождения. Отметим, что ни Ледвич, ни Рудаков, ни Даниэлус не имели не только среднего образования, но и юридического, которое восполняли самообразованием, причем Ледвич и Даниэлус категорически возражали против назначения их руководителями, осуществленного без учета их мнения партийными органами⁵⁶.

«Избыточность» уголовной репрессии в Куйбышевской области в 1933–1936 гг. установила в 1937–1938 гг. комиссия Комиссариата юстиции и Верховного Суда СССР. Верховным Судом часть уголовных дел была пе-

решотрена, а Комиссариат юстиции и Прокуратура СССР дали в октябре 1937 г. указание всем областным и республиканским судам СССР пересмотреть в трехмесячный срок дела 1934–1936 гг. Председатель Куйбышевского областного суда Вайков 15 апреля 1937 г. отчитался о пересмотре 2109 дел 1934 г., 11962 – 1935 г., 6958 – 1936 г., из которых были изменены приговоры по 5947 делам 1934 г., 9234 – 1935 г., 4808 – 1936 г., в том числе соответственно в отношении колхозников – 1470, 2025, 1554, председателей сельсоветов и райсполкомов – 145, 151, 121. Были сняты судимости с 4357 осужденных в 1935 г., 7774 – в 1936 г., 4054 – в 1937 г., а за отсутствием состава преступления были оправданы 1290 осужденных в 1935 г., 1110 – в 1936 г., 516 – в 1937 г.⁵⁷

От расстрела Ледвича спасло то, что он был прокурором области полгода и о явных «перегибах» в привлечении к уголовной ответственности и принимаемых им лично против этого мерах докладывал устно и письменно лично прокурору РСФСР Нюриной. Например, в мае 1937 г. после ареста Жалнина Н.П. Прокуратура РСФСР проверила организацию работы прокуратуры Куйбышевской области и на оперативном совещании при прокуроре республики констатировала отсутствие кадров в 14 районных прокуратурах, необходимость замены кадров в 10 районах и обучения 30 % прокурорских работников, неукомплектованность аппарата областной прокуратуры кадрами на одну треть, а также – провал по общему надзору, самотек в обследовании областной прокуратурой районных прокуратур и незнание в достаточной степени их работы, слабый надзор за соблюдением органами расследования Сталинской Конституции и другие. Совещание постановило: возбудить перед Куйбышевским обкомом ВКП (б) ходатайство об укреплении кадров прокуратуры Куйбышевской области, поручить прокурору Ледвичу выработать конкретные мероприятия по изживанию недочетов в работе, укрепить отдел общего надзора работниками⁵⁸. Причем ни одна комиссия, ни следователи, расследовавшие дела в отношении Жалнина, Ледвича, Рудакова, Даниэлюса, не обращали внимание на перегруженность работников прокуратуры и следователей, в производстве которых в месяц было до шестидесяти уголовных дел и проверочных материалов, как на одну из основных причин следственных и судебных ошибок в следственно-прокурорско-судебном конвейере репрессий 1933–1936 гг. под руководством партийных органов. Это подтверждают цитируемые тома уголовного дела Ледвича, Рудакова, Даниэлюса, на половину состоящие из протоколов оперативных и партийных собраний, справок о работе прокуроров, суда, конкретных решений следователей и прокуроров, явно осознававших свои недостатки, упущения, сложности в работе и принимавших посильные меры к их устранению.

Ледвич П.Б. после отбытия в ноябре 1946 г. на Колыме 9 лет лишения свободы, вместо 8 лет, назначенных судом, потеряв семью (жена, сын и дочь погибли в г. Харькове во время оккупации), работал начальником планового отдела завода «Стройдеталь» г. Коростень Житомирской области Украины, женился и после рождения сына в июне 1951 г. был арестован и осужден в ссылку на поселение в Красноярский край снова за то, что в 1936 г. яко-

бы состоял в антисоветской организации и проводил контрреволюционную деятельность, то есть повторно осужден за одно и то же, а доказательством «вины» были материалы архивного уголовного дела 1937 г. В 1956 г. Ледвич П.Б. был реабилитирован, оба дела были прекращены за отсутствием состава преступления. Из материалов уголовного дела 1951 г. узнаем, что следователи в 1937 г. его избивали (применяли меры физического воздействия) и заставляли подписывать заранее подготовленные ими тексты признательных показаний в протоколах допросов, очных ставок. По этой причине он «признал» на первом допросе предъявленное обвинение, подтвердил свои признательные показания на допросе и очной ставке в суде с Жалниным Н.П., уже отрицавшим предъявленное ему и Ледвичу обвинение. Затем Ледвич отказался от всех признательных показаний, писал неоднократно жалобы о своей невинности и об оговоре Жалнина Н.П., повторял это следователям на последовавших неоднократных допросах, приводил доводы, указывал на оправдывающие его доказательства. Но лишь признательные показания Ледвича использовали в обвинении Жалнина, Рудакова, Даниэлюса и еще 52 человек, которые также были незаконно осуждены и треть из них к высшей мере наказания — расстрелу⁵⁹. Впоследствии все они были реабилитированы, как и десятки тысяч жителей Самарской области.

В годы Великой Отечественной войны г. Самара становится запасной столицей и промышленным тылом: в Самару были эвакуированы промышленные предприятия из Москвы, Ленинграда, Воронежа и др. Прокурорский надзор в 1941–1945 гг. во исполнение законодательства военного времени решал задачи мобилизационного характера, актуальной была борьба с преступностью военнослужащих и лиц, работающих на железнодорожном, водном транспорте, борьба с дезертирством, хищениями социалистической собственности, соблюдением трудовой дисциплины⁶⁰. Работавший следователем, а с марта 1944 г. — заместителем прокурора г. Куйбышева Константин Николаевич Калачев в своих воспоминаниях о расследованных и направленных им в суд в годы войны уголовных делах выделил наиболее актуальные: взрывы двигателей боевых самолетов из-за неусиленной шпильки коленчатого вала и нарушения технологии сборки и установки подшипника распределительного вала; о преждевременном разрыве минометных боеприпасов вследствие отступления от технологических инструкций; о злоупотреблениях управляющего Куйбышевским зернотрестом, сорвавшим заготовку зерна 1941 г.; о злоупотреблениях и хищении строительных материалов, зарплаты рабочих руководителями строительно-монтажного треста; о хищении московскими метростроевцами поставляемых из г. Самары в г. Москву продуктов на 8 миллионов рублей; о реальном вредительстве — убийстве семьи специалиста авиационного завода его знакомым, предлагавшим потерпевшему до эвакуации в г. Самару из г. Риги перейти на службу к врагу; об избличении японского шпиона, работавшего при посольстве Японии в г. Самаре; об избичении секретаря английского посольства самарскими «горчишниками»; о мошенничестве польского авантюриста Малашевского в г. Самаре и др.⁶¹

Прокурором области с 1937 по 1941 гг. был Николай Васильевич Болдырев, с ноября 1941 по 1946 гг. — Яков Иванович Терниевский, с 1946 по 1952 гг. Кирилл Алексеевич Назарюк, с 1952 по 1953 гг. — Ветров Иван Дмитриевич,

с 1953 по 1967 гг. — Федор Андреевич Полозков, с 1967 по 1969 гг. — Казначеев Виктор Иванович⁶².

В связи с развитием в Самаре оборонной промышленности 1 июня 1959 г. была создана Самарская прокуратура за исполнением законов на особо режимных объектах: заводе «Прогресс», ЦСКБ, НПО «Труд», машиностроительном и авиационном заводе, моторостроительном объединении им. М.В. Фрунзе и др. Первым ее прокурором был Фадеев Петр Павлович, который возглавлял ее 16 лет. Затем прокурорами работали Полубояров Николай Петрович, Ткаченко Виталий Владимирович, а с 1997 г. по настоящее время — Миронов Владимир Филиппович. В 2001 г. спецпрокуратура вошла в состав прокуратуры Самарской области. Осуществляя надзор, прокуратура содействовал качеству изготавливаемой космической продукции (ракет-носителей, спутников, ракетных и авиационных двигателей), обеспечивала защиту прав работников режимных объектов, охрану государственной тайны, интеллектуальной собственности, экологическую безопасность. Расследовала уголовные дела по фактам аварий ракет-носителей, самолетов, хищений. Миронов В.Ф. лично расследовал уголовные дела по фактом аварий и гибели во время запуска двух ракет «Союз» - одной с космодрома «Байконур», другой — «Плесецк» в связи с отключением на 20-й и 40-й секунде автоматики двигателей из-за разрушения замков обтекателей ракет, которым из-за дефицита металла снизили запас прочности, причем, как показало расследование, необоснованно⁶³.

С 1969 по 1981 гг. Прокуратуру Куйбышевской области возглавлял Николай Александрович Баженов, 1921 г. рождения, уроженец с Ковернино Горьковской области. По окончании школы он работал в колхозе, окончил военное училище, воевал и был демобилизован в 1943 г. после тяжелого ранения. Затем — юридическая школа в г. Горьком и работа в органах прокуратуры Горьковской области, Чувашии, Узбекистана. Он был прокурором Приморского Края, а до назначения прокурором Куйбышевской области — начальником управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры РСФСР. Внес значимый вклад в организацию надзора и воспитание работников Прокуратуры Самарской области. Под его началом построено нынешнее здание прокуратуры области на ул. Чапаевской, 151. Тогда оно было одним из лучших в России, в нем проводились совещания, семинары Прокуратурой Российской Федерации⁶⁴.

В 70-е годы наступила эпоха застоя, проявлявшаяся ростом приписок выпускаемой продукции, хищений госсобственности, дефицита продуктов, товаров, услуг. Прокуратура усиливала надзор за исполнением пятилетних планов развития народного хозяйства, принимаемых Верховным Советом СССР в качестве закона. Прокурор Баженов с присущей ему энергией и настойчивостью направлял общий надзор и следствие правоохранительных органов на борьбу с хищениями, приписками, выпуском некачественной продукции на фабриках, заводах, АвтоВАЗе, во всех отраслях народного хозяйства, особенно в сельском, известна борьба прокуроров за повышение надоев молока, сбор пшеницы, с простоями железнодорожных вагонов и т. д. На это нацеливал Генеральный прокурор СССР А.М. Рекунков, вникая лично в тонкости хо-

зайствованного механизма, требуя наведения порядка в сборе, хранении сельскохозяйственной продукции. Широко известны проводимые им совещания по борьбе с хищениями на ВАЗе, когда срыв поставок комплектующих деталей угрожал остановке главного автомобильного конвейера страны⁶⁵. После проверок были созданы прокуратура и районный отдел внутренних дел Автозаводского района г. Тольятти⁶⁶.

В 1981 г. Н.А. Баженов стал первым заместителем Генерального прокурора СССР и прокурором области был назначен Соболев Александр Васильевич, уроженец с. Суровка Ульяновской области, из крестьянской семьи. По окончании Ульяновского медицинского техникума, а в 1959 г. – Куйбышевского филиала Всесоюзного юридического института (ВЮЗИ) работал в прокуратуре Калининской области следователем, помощником прокурора, прокурором района. В 1990 г. его сменил Вячеслав Васильевич Казаков, уроженец с. Волжская коммуна Чкаловской (Оренбургской) области, который по окончании в 1966 г. ВЮЗИ работал в прокуратуре Куйбышевской области в должности следователя, прокурором Нефтегорского, Кинельского районов, Куйбышевским транспортным прокурором, прокурором г. Куйбышева (Самары), прокурором впервые созданной в СССР природоохранной прокуратуры – прокуратуры Каспийского водного бассейна⁶⁷. С 1996 по 2005 гг. прокуратуру Самарской области возглавлял Александр Федорович Ефремов, уроженец г. Барыш Ульяновской области. По окончании в 1981 г. юридического факультета Куйбышевского государственного университета работал в прокуратуре Куйбышевской (после переименования – Самарской) области следователем, помощником прокурора, заместителем и прокурором Кировского района⁶⁸.

С 2006 г. прокуратуру области возглавляет Юрий Дмитриевич Денисов, уроженец г. Белгорода, работавший по окончании в 1989 г. юридического факультета Дальневосточного госуниверситета следователем, заместителем и прокурором Сахалинской транспортной прокуратуры, заместителем и прокурором Сахалинской области. С его участием связано открытие 12 января 2010 г. в здании областной прокуратуры музея прокуратуры Самарской области, в экспозицию которого положено и представленное исследование, которым установлен день открытия Самарской губернской прокуратуры, а 13 января 2009 года впервые отмечалось 158-летие прокуратуры Самарской области. До этого днем ее образования считалось 21 августа 1922 года – день воссоздания Советской властью прокуратуры Самарской губернии.

Примечания

¹ Годы и события. Хроника: в 2 т. Администрация Самарской области, Управление по делам архивов. Самара, 2000. Т. 1, С. 16.

² Полное собрание Законов Российской Империи. Собрание второе, том XXV. С.- Петербург: Изд. Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1851. С. 297, 307.

³ Там же. С. 307.

⁴ Под сенью Русского Орла. Генерал-прокуроры России. М.: СПИКА, 1996. С. 80.

⁵ Там же.

⁶ Годы и события. Хроника: в 2 т. Т.1. С. 16.

- ⁷ Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО). Ф. 228. Оп. 1. Д. 5. С. 3,4.
- ⁸ Полное собрание Законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XXV. Отд. 2. С. 297.
- ⁹ Годы и события. Хроника: в 2 т. Т. 1. С. 18.
- ¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1349. Оп. 3. Д. 575. Л. 103–117.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 7. С. 2.
- ¹² ГАСО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 5. С. 1,2, 5–10.
- ¹³ ГАСО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 7. С. 1,2.
- ¹⁴ Бессарабов В.Г. Правозащитная деятельность Российской прокуратуры (1722–2002): история, события, люди. М., 2003. С. 65–68.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 221. С. 1–47.
- ¹⁶ Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 69.
- ¹⁷ ГАСО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 223. С. 1–14. Д. 228. С. 1–55.
- ¹⁸ Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 128.
- ¹⁹ Рябцев В. Адекватность представлений о российской прокуратуре за рубежом // Законность. 2007. № 4. С. 44–46.
- ²⁰ Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 125–135; Казарина А.Х. Прокурорский надзор. Экономика. Законность. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2008. С. 22, 23.
- ²¹ Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 79.
- ²² Положение о Верховном Суде Союза ССР и Прокуратуре Верховного Суда ССР. // История советской прокуратуры в важнейших документах. М.: Гос. изд. юридич. литературы, 1952. С. 420–422.
- ²³ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 8. С. 366.
- ²⁴ Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 56.
- ²⁵ Там же. С. 76.
- ²⁶ Встать! Суд идет (история самарской фемиды). Самара: ООО «Офорт», 2005. С. 73, 78, 79.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. С. 5.
- ²⁸ Встать! Суд идет (история самарской фемиды). С. 86,87.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. С. 1–3.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 529. Д. 464. Л. 6,7.
- ³¹ ГАСО. Ф. 741. Оп. 1. Д. 5. Ф. 744. Оп. 1. Д. 1, 2, 7, 13.
- ³² Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 81.
- ³³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1966. С. 518, 519
- ³⁴ Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 83, 84.
- ³⁵ Там же. С. 54–56, 65–67, 122–129.
- ³⁶ Постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 20.06.1936 «Об образовании народного комиссариата юстиции Союза СССР» из системы народных комиссаров юстиции союзных и автономных республик выделены органы прокуратуры и следствия и подчинены непосредственно Прокурору Союза ССР. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 05.11.1936 «О структуре Прокуратуры СССР» в состав Прокуратуры Союза вошли прокуратуры: Главная военная, железнодорожного транспорта, водного транспорта, отдел общего надзора, следственный отдел и другие. См.: История советской прокуратуры в важнейших документах. С. 532.
- ³⁷ Постановление 3-й сессии ВЦИК IX созыва // История советской прокуратуры в важнейших документах. С. 264–268.
- ³⁸ Маршунов М.Н. Прокурорско-надзорное право. СПб., 1991. С. 38.
- ³⁹ Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975.
- ⁴⁰ Беляев В.П. Контроль и надзор в российском государстве. М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2005; Государственное право Российской Федерации: учебник/ под. ред. О.Е. Кутафина. М., 1996. С. 305; Мельников Н.В. Прокурорская власть // Государство и право. 2002. № 2. С. 16–20.
- ⁴¹ Шалумов М.С. Прокурорский надзор и государственный контроль за исполнением законов: разграничение, комплектация, ответственность // Государство и право. 1999. № 1.

С. 84, 85.

⁴² Прокуратура Самарской области в документах, воспоминаниях, фотографиях, С. 31, 32.

⁴³ Карпов В., Григоров С. Советская прокуратура и революционная законность на местах. Самара: Изд. Самарской губернской прокуратуры, 1925. С. 26–30.

⁴⁴ Чепрасов А. Правовед (по мемуарным запискам Н.В.Бредихина) // Охраняя закон. Сборник очерков о Самарской прокуратуре. Самара: Самарское книжное издательство, 1993. С. 12, 13, 22, 30–32.

⁴⁵ Там же. С. 19, 20.

⁴⁶ Карпов В.З. Указ. соч. С. 3–9, 11–21.

⁴⁷ Прокуратура Самарской области в документах, воспоминаниях и фотографиях. С. 32.

⁴⁸ Чепрасов А. Указ. соч. С. 33, 34.

⁴⁹ Цит. по: Звягинцев А.Г. Орлов. Приговоренные временем. Российские и современные прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 455.

⁵⁰ Архив УФСБ РФ по Самарской области. Архивное уголовное дело 1937 г. № 7496. Т. 2.

⁵¹ Там же,

⁵² Там же.

⁵³ Архив УФСБ РФ по Самарской области. Архивное уголовное дело 1937 г. № 5193 по обвинению Ледвич П.Б., Рудакова П.Н., Даниэлюса И.И. и др. Т. 1, 2, 3.

⁵⁴ Кузнецов В., Мышко В. Хранить вечно // Охраняя закон: Сборник очерков о Самарской прокуратуре. С. 56–63.

⁵⁵ Мясников В. Полет продолжается!.. //Белая книга. Т. 2. Самара 1997. С. 148–151.

⁵⁶ Архив УФСБ РФ по Самарской области. Архивное уголовное дело 1937 № 5193. Т. 1, 2.

⁵⁷ Архив УФСБ РФ по Самарской области. Архивное дело 1937 г. № 5193. Т. 3.

⁵⁸ Там же. Т. 3.

⁵⁹ Там же. Т. 4.

⁶⁰ Казарина А.Х. Указ. соч. С. 79–81.

⁶¹ Чепрасов А. Момент истины ради (Воспоминания К. Н. Калачева) // Охраняя закон: Сборник очерков о Самарской прокуратуре. С. 38–53.

⁶² Прокуратура Самарской области в документах, воспоминаниях и фотографиях. С. 76, 87, 99, 108, 109, 120.

⁶³ Из воспоминаний Владимира Филипповича Миронова – действующего прокурора Самарской прокуратуры за исполнением законов на особо режимных объектах.

⁶⁴ Прокуратура Самарской области в документах, воспоминаниях и фотографиях. С. 121–126.

⁶⁵ Казарина А.Х. Указ.соч. С. 115, 116.

⁶⁶ Из воспоминаний ветерана прокуратуры, работавшего прокурором г. Тольятти в 1970–1985 гг., Михаила Григорьевича Аленина.

⁶⁷ Прокуратура Самарской области в документах, воспоминаниях, фотографиях. С.146.

⁶⁸ Там же. С. 149.

В.А. Тюрин*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ В ГОРОДАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Важнейшем вопросе охраны общественного порядка губернских городов дореволюционной России тесно взаимодействовали губернская администрация (в лице губернатора и напрямую подчиненных ему структур городской полиции) и городское самоуправление. Следуя ст. 139 Городового положения 1870 г., городская полиция находилась на частичном обеспечении городских властей. Город предоставлял и содержал помещения для полицейских и пожарных команд, снабжал их провиантом и амуницией. С другой стороны, и полиция, и пожарная команда руководились полицмейстером, чиновником, напрямую подчиненным губернатору.

Городскому самоуправлению в своей повседневной деятельности приходилось тесно взаимодействовать с чинами полиции, которая напрямую подчинялась губернской администрации. Прежде всего, город полностью оплачивал амуницию и содержание помещений для полиции. Взаимодействовать городским управлениям и полиции приходилось по разным вопросам: в первую очередь полицмейстер полноправно участвовал в подготовке городом обязательных постановлений для жителей, кроме того, полицейские следили за исполнением этих постановлений. Обо всех замечаниях и несовершенствах в городском благоустройстве полиция сообщала городской управе. Кроме содержания помещений, покупки амунициы и продовольствия для полиции, городские думы перечисляли пособия в казну на ее содержание. Губернатор строго контролировал исполнение этой обязанности города. Ежегодно городские головы отчитывались о выплате этих сумм. Из отчетов видно, что города Симбирской губернии платили от 300 до 3700 рублей в зависимости от размера города¹.

Как правило, городские думы не жалели средств на охрану порядка. Практически ежегодно городская дума Симбирска утверждала 10 % надбавки на содержание полиции. Очень часто полицмейстер ходатайствовал в думе о единовременной награде нижних чинов полицейской и пожарной команды за добросовестную службу². Например, в 1883 г. за обеспечение порядка во время празднования коронации в Симбирске дума ассигновала по 2 рубля награды каждому полицейскому³. Мы уже упоминали, что на средства города должны были содержаться помещения для полицейской и пожарной команд, а также вспомогательные помещения. Так, в июле 1883 г. городской врач указал думе на тяжелые жилищные условия полицейских и пожарных, проживающих при первой полицейской части Симбирска: на человека приходилось менее 1 м³ жилого пространства. Спешно была составлена комиссия из членов управы и полицмейстера, которая пришла к заключению, что Симбирская дума полностью выполнила обязательства по расселению пожарных и полицейских служителей. Проблема заключалась в другом: вме-

* © Тюрин В.А. — кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

сте с 34 полицейскими и пожарными проживали их семейства (71 человек). Городское самоуправление решительно отказало полицмейстеру в просьбе расширить помещение, так как закон не предписывал содержание жилья для семей⁴.

Безусловно, финансирование полиции контролировалось губернской администрацией. В декабре 1876 г. Самарское присутствие по городским делам по представлению губернатора опротестовало прекращение думой финансирования сыскной полиции. Дума решила обжаловать это постановление в Сенате. Деньги на сыскную полицию выделялись этим учреждением с 1873 по 1876 гг., затем сыскную полицию в Самаре упразднили. Несмотря на это, полицмейстер продолжал тратить суммы лично, заявляя при этом о секретности расходов. Дума отказалась финансировать тайный розыск на таких условиях, и свою правоту ей пришлось отстаивать в Сенате⁵.

С другой стороны, если просьбы властей были обоснованы, думы выделяли необходимые средства. В Самарской губернии в январе 1874 г. губернатор Ф.Д. Климов попросил думу увеличить содержание новому городскому полицмейстеру ротмистру Р. Пикарно. Дума выделила на это 500 рублей ежегодно, как выделялось и его предшественнику. Кроме того, губернатор предложил резко увеличить штат городской полиции: с 68 до 120 человек. Дума в целом признала необходимость расширения штата, но средств на это в бюджете на 1874 г. не нашлось⁶. Сотрудничество городской думы и полиции принимало самые разнообразные формы. В связи с постройкой в городе железной дороги в октябре 1874 г., пензенский полицмейстер добился ассигнования на увеличение штата городских и на 100 дополнительных фонарей на улицах, прилегающих к вокзалу. Вокзал был открыт в ноябре 1874 г. при этом вновь по просьбе полицмейстера управа распорядилась сломать ветхие строения на привокзальной площади, служившие убежищем для подозрительных лиц. В августе 1872 г. полицмейстер Пензы попросил городскую думу устроить на выходах из городского сквера ворота, так как сквер в ночное время «служит пристанищем подозрительных лиц и местом неблагочиния и непотребства»⁷. Полиция пыталась преследовать этих лиц, но они ускользали через пять неохраняемых выходов, из-за этого полиция и просила соорудить ворота. Дума одобрила эту статью расходов.

Практически во всех губернских городах полицмейстер пользовался лошадьми пожарного обоза в служебных, а иногда и в личных целях. Городские думы сопротивлялись этому явлению, ухудшавшему состояние пожарного обоза⁸. Например, 10 марта 1881 г. Симбирская дума назначила полицмейстеру 1200 рублей в год «на разъезды», но с условием не пользоваться лошадьми пожарного обоза. Полицмейстера не устроило это решение, он обратился за помощью к своему прямому начальнику-губернатору и просил повлиять на городское самоуправление. В результате думе пришлось добавить еще 300 рублей к назначенной сумме и выделить бесплатный фураж на 4 лошади. Такой порядок существовал до 1 января 1892 г., когда фураж лошадям полицмейстера дума отменила из-за дороговизны. И сразу же присутствие по городским делам отменило это постановление, ущемляющее интересы полицмейстера. Большинство думы не согласилось с таким решением, но

опротестовать его не решилось из-за опасения, что Сенат может и вовсе возложить содержание лошадей полиции на город. Возмущение гласных было вполне справедливым, так как присутствие должно следить за законностью решений думы, здесь же присутствие вмешалось в ее хозяйственные дела (сокращение содержания явно не являлось нарушением закона)⁹. В Пензе в 1871 г. городская дума выделила полицмейстеру две «особые» лошади, но из пожарного обоза брать лошадей запретила¹⁰. Таким образом, городские думы по возможности боролись с фактами своевластия полицмейстера.

Неопределенный статус полиции по отношению к городскому самоуправлению сохранился и в период действия Городового положения 1892 г.¹¹ Лишь только в 1904 г. появилась возможность обсудить эту наболевшую проблему в местной печати. Так, в одном из номеров Пензенского городского вестника обсуждался насущный для городской жизни вопрос: «доколе будут пререкания между администрацией и городом по поводу полиции?» Там же давался и ответ: «Будут всегда, пока у полиции будет хозяин распорядитель (губернатор) и хозяин-содержатель — (город)»¹². Далее в статье критиковалась непосредственная работа полиции, «мы видим городского поваром у полицмейстера, кучером у него же, на посту у влиятельного человека — но не там, где надо»¹³. Предлагался простой выход: снять с городов расходы на содержание полиции, а учредить особый городской вид полицейских служителей для сбора недоимок, надзора за торговлей и санитарией. Иными словами, такую полицию, которая полностью будет подчинена городской думе и сможет более эффективно работать. Вопрос о статусе полиции по отношению к самоуправлению обсуждался еще при подготовке Городового положения 1870 г. во II отделении Собственной его императорского величества канцелярии. Данное учреждение указало на отсутствие разграничения полномочий в сфере общественного благоустройства между полицией и городским самоуправлением. Канцелярия не без основания заявила, что на этой почве могут возникнуть недоразумения, и предлагала дополнить правительственную полицию выборной общественной полицией.

Иногда отношения городского самоуправления и полиции складывались непросто. В мае 1890 г. городская дума уездного города Керенск просила пензенского губернатора уволить городского Гуляева за грубое поведение и незаконные поступки. По поручению губернатора керенский уездный исправник провел расследование, факты, приведенные думой, не подтвердились. Выяснилось, что грубость городских могла быть ответом на грубость населения. На требования городских очистить свои дворы и улицы жители города отвечали бранью. Большинство гласных думы — владельцы торговых и питейных заведений, именно им чаще всего указывалось на санитарные нарушения. Расследование показало, что излишне ревностная деятельность городского вызвала резкий отпор городского купечества, следствием которого явилось ходатайство думы об увольнении городского¹⁴.

Таким образом, вопросам охраны порядка и безопасности уделялось огромное внимание как со стороны губернской администрации, так и со стороны городского самоуправления. Полицейские, напрямую подчиненные губернатору, руководили полицейскими и пожарными командами

в тесном контакте с городской управой. Со своей стороны, городские думы финансировали и предоставляли помещения для полицейских и пожарных. При недостатке внимания городских дум к вопросам безопасности губернская администрация прилагала все усилия для исправления ситуации. Например, в Симбирске обязательные постановления по пожарной безопасности были изданы только после многочисленных обращений губернатора и полицмейстера. Полиция использовалась городским самоуправлением для контроля за исполнением обязательных постановлений. Конфликты городских дум с администрацией по вопросам деятельности полиции являлись скорее исключением из правил. После городской реформы 1892 г. система взаимодействия городского самоуправления и администрации в вопросах безопасности принципиально не изменилась, но гораздо чаще губернаторы высказывали свое мнение в этой сфере. В целом за счет сотрудничества губернской администрации и городских дум губерний Среднего Поволжья вопросам охраны безопасности горожан уделялось достаточно внимания.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 4. Д. 241. Л. 151–154.
- ² Васильчиков Л. О. О самоуправлении: в 2 т. СПб., 1861. Т. 1. С. 19.
- ³ Журналы заседаний Симбирской городской думы за 1883 год. №16. С. 214.
- ⁴ Там же. №21. С. 214.
- ⁵ Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 153. Оп. 9. Д. 812. Л. 6.
- ⁶ Журналы заседаний Самарской городской думы за 1874 год. № 20. С. 5.
- ⁷ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 651. Л. 247.
- ⁸ Городское дело. 1909. № 1. С. 47.
- ⁹ Журналы заседаний Симбирской городской думы за 1892 год. Симбирск, 1892. № 7. С. 56.
- ¹⁰ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 651. Л. 196об.
- ¹¹ Верещагин А. А. Местное самоуправление в трудах русских ученых // Вестник РАН. 1996. Т. 66. С. 97.
- ¹² Пензенский городской вестник. 1904. № 10. С. 78.
- ¹³ Там же. С. 56.
- ¹⁴ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 19. Л. 76об.

Д.В. Серых*

**ИЗ ИСТОРИИ ХОДАТАЙСТВ МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА О НАГРАЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРДЕНАМИ***Исследование выполнено при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ № МК-5404.2010.6*

Взаимодействие научных обществ дореволюционной России и властных структур неоднократно рассматривалась историками отечественной науки¹. Научные общества, демонстрируя лояльность к власти, могли претендовать на финансирование, но выделение средств было не единственным способом поддержки научных обществ со стороны имперской власти. Центральные научные общества, как правило, имели официальных покровителей в лице членов императорской фамилии и боролись за право добавить к своему названию титул «Императорское». Тесное общение с высшими кругами правительственной и придворной аристократии повышало статус научных организаций в российском социуме. В частности, научные общества имели возможность ходатайствовать о государственных пожалованиях ученым и меценатам за те или иные «услуги науке».

В данной статье рассмотрены два сюжета, связанные с ходатайствами Московского археологического общества о присвоении государственных наград.

При проведении в 1887 г. VII Археологического съезда в Ярославле графиня П.С. Уварова, всего за два года до этого возглавившая после смерти своего мужа А.С. Уварова Московское археологическое общество, столкнулась с нехваткой средств на издание трех томов Трудов Съезда. Средства, отпущенные на проведение Съезда, были практически израсходованы на предварительные исследования и организационные мероприятия².

В подобных случаях научные общества старались найти дополнительные источники финансирования, обращаясь к помощи органов городского и земского самоуправления, а также частных меценатов. Обычной формой благодарности было упоминание благодетелей на страницах научных изданий, а также в ежегодных отчетах обществ и всеподданнейших докладах.

В предисловии к Трудам VII Археологического съезда написано: «Печатание Трудов состоялось благодаря денежным средствам, отпущенным Министерством Народного Просвещения (1000 р.) и в особенности той щедрой субсидии (5000 р.), которая была сделана Редакции жителем г. Ярославля Сергеем Николаевичем Сорокиным, которому Редакция считает своею обязанностью выразить здесь свою искреннюю признательность и благодарность»³.

В современной научной литературе указывается, что «известный ярославский предприниматель С.Н. Сорокин в ознаменование столетия своей торговой фирмы пожертвовал 5000 рублей на издание трудов VII съезда»⁴.

Однако архивные документы показывают, что получение субсидии от

* © Серых Д.В. — старший преподаватель кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

представителей местного купечества удалось Московскому археологическому обществу лишь со второй попытки, а «искренняя признательность» редакции изначально имела вполне определенное материальное выражение.

21 марта 1888 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов пишет П.С. Уваровой: «В ответ на письмо Вашего Сиятельства [...] по поводу представляющейся возможности покрыть путем частного пожертвования расходы по изданию трудов Ярославского Съезда, долгом считаю уведомить, что я не нахожу возможным предрешить вопрос о могущей последовать награде, так как удостоверение почетными наградами зависит от Высочайшего Государя Императора благоусмотрения, независимо от того, к чему лицо, для коего испрашивается награда, представляется [...]»⁵.

О какой награде идет речь, становится понятным из черновика письма П.С. Уваровой к министру народного просвещения И.Д. Делянову о купце И.Н. Дунаеве, который «движимый любовью к научению отечественной истории и желая принести свою посильную лепту на пользу науки и археологии, обратился в Императорское Московское археологическое общество с предложением пожертвовать на труды Общества и в особенности на издание трудов VII Археологического Съезда в Ярославле сумму в пять тысяч рублей»⁶. Далее следовали просьба о награждении И.Н. Дунаева орденом Св.Станислава 2-й степени и его формулярный список о службе⁷. Министр был прав в своем предостережении: через три месяца он прислал отказ со следующей формулировкой: «ввиду недавнего получения купцом Дунаевым Высочайшей награды, золотой шейной медали на Станиславской ленте, я не считаю себя в праве входить в настоящее время со всеподданнейшим докладом к Государю Императору о ходатайствуемом награждении»⁸. В письме подчеркнуты слова «в настоящее время», что послужило поводом для резолюции Общества «возобновить ходатайство по прошествии надлежащего срока»⁹.

Получив отказ, Московское археологическое общество, вероятно, возобновило ходатайства о получении прямой субсидии из бюджета. В июне 1889 г. И.Д. Делянов сумел получить Высочайшее соизволение о дополнительном ассигновании на издание трудов Съезда 1 тысячи рублей¹⁰. Сумма была явно недостаточной, но ее получение закрывало всякую возможность дальнейших ходатайств о субсидиях. Тогда П.С. Уварова возвращается к первому варианту получения средств, не требующему расходов бюджета. Вторая попытка принесла успех и получила полное содействие министерства.

Купец В.Н. Сорокин написал заявление на имя П.С. Уваровой, в котором указывал, что «в ознаменованье, исполнившегося в 1886 году, столетия существования в Ярославле нашей торговой фирмы и столетию же непрерывного пребывания в Ярославском купечестве моего и моих отца, деда и прадеда, а также в ознаменованье, исполнившегося в 1884 году, пятидесятилетия со времени возведения покойного отца моего в потомственное почетное гражданство, — я, как старший член и представитель рода нашего, желал бы представить в распоряжение Императорского Московского археологического общества пять тысяч рублей, с специальным назначением капитала этого на напечатание трудов VII Археологического Съезда, происходившего

в родном мне и моим предкам, городе Ярославле»¹¹. Московское археологическое общество через министра народного просвещения И.Д. Делянова ходатайствовало перед Александром III о пожаловании В.Н. Сорокина орденом Св. Станислава 2-й степени и получило положительный ответ, о чем граф И.Д. Делянов в письме от 01.01.1890 г. лично уведомил графиню П.С. Уварову¹². Вся дальнейшая переписка о внесении пошлины за получение ордена велась В.Н. Сорокиным исключительно через Московское археологическое общество, а купец лично благодарил П.С. Уварову за проявленное внимание¹³.

Таким образом, с соблюдением всех приличий, была проведена взаимовыгодная сделка. Московское археологическое общество получило необходимое финансирование научного издания, ярославский купец приобрел государственную награду, а Министерство народного просвещения уважило просьбу графини П.С. Уваровой с наименьшими потерями для государственного бюджета.

Это ходатайство Московского археологического общества о пожаловании государственных наград за услуги по организации съездов не было единственным. Приведем пример вознаграждения за вполне научные «услуги», не связанные с финансированием.

После успешно проведенного в 1896 г. X Археологического съезда в Риге был поднят вопрос о награждении за участие в работе съезда двух известных европейских ученых — профессора Кенигсбергского университета А. Беценбергера и директора Данцигского музея Г. Конвенца. Оба ученых посвятили Рижскому съезду специально подготовленные издания и помогли организовать заграничную поездку членов съезда в Кенигсберг, Мариенбург и Данциг¹⁴. Первоначально министерство народного просвещения отказало в прощении. Товарищ министра Н.М. Аничков 17.10.1896 г. в личном письме П.С. Уваровой отвечает, что «ходатайство [...] не может быть удовлетворено, так как, по имеющимся в Министерстве Народного Просвещения сведениям, Германское Министерство, в виду состоявшегося между Россией и Германией соглашения, находит неудобным награждать ученых по случаю собирающихся международных конгрессов или выставок и т.п.»¹⁵ На письме отмечено рукой П.С. Уваровой «просить за научные услуги России». В повторном ходатайстве П.С. Уварова акцентирует внимание на том, что иностранные ученые оказали большие услуги России, а их участие в съезде было лишь одним из проявлений этих заслуг¹⁶. Упорство было вознаграждено: через год, 30.09.1897 г., министром И.Д. Деляновым вопрос был решен положительно: А. Беценбергер был пожалован орденом Св. Анны 2-й степени, а Г. Конвенц — орденом Св. Станислава 2-й степени¹⁷.

Таким образом, высокий статус центральных научных обществ давал им возможность в исключительных случаях ходатайствовать о пожаловании государственных наград за «посильную лепту на пользу науке».

Примечания

¹ Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987; Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука в России 60–70-х гг. XIX века. Исследовательские очерки. Воронеж, 1989; Смирнов А.С. Археология в имперском пространстве России // Из истории отечественной археологии: сб. науч. тр. Вып. 1. Воронеж, 2008. С. 66–86 и др.

² Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 454. Оп. 2. Д. 91. Л. 297–298, 307, 314 и др.

³ От Редакции // Труды Седьмого Археологического съезда в Ярославле / под ред. гр. Уваровой. Т. III. М., 1892.

⁴ Аграфонов П.Г., Праздников В.В., Спиридонова Е.В. История ярославской археологии. М., 2009. С. 42, 43.

⁵ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 91. Л. 296–296об.

⁶ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 104. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2–7.

⁸ Там же. Л. 9–9об.

⁹ Там же. Л. 9об.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 91. Л. 265.

¹¹ Там же. Л. 203.

¹² Там же. Л. 204–204об.

¹³ Там же. Л. 205–210.

¹⁴ Протоколы // Труды Десятого Археологического съезда в Риге. Т. III. М., 1900. С. 142, 143.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 164. Л. 1–1об.

¹⁶ Там же. Л. 2. об.

¹⁷ Там же. Л. 4.

М.И. Леонов*

СОЮЗ РУССКИХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В эсеровском движении конца XIX — начала XX заметную роль играл Союз русских социалистов-революционеров. История его появления такова. А 1893 г. близкие к Группе старых народовольцев Х.И. Житловский, М.А. Розенбаум, Х.Л. Раппопорт основали в Берне Группу молодых народовольцев. По предложению Житловского Группа в конце 1893 — начале 1894 г. приняла название Союз русских социалистов-революционеров (далее — Союз).

«Социалист-революционер» — это парафраз широко распространенного наименования «социал-демократ». Следует сказать, что народники и народовольцы часто называли себя «социалистами» и «революционерами». Члены левой фракции французских социалистов, с лидером которых Э.М. Вальяном (Вайяном) были дружны Х.И. Житловский и Х.Л. Раппопорт, именовали себя «социалистами-революционерами». Семантически новое имя было знаком приобщенности к мировому социалистическому движению, в то время как прежнее имя «народник» («народоволец») означало принадлежность в первую очередь и главным образом только к социалистическому течению в России. С середины 90-х гг. XIX в. практически все вновь возникающие нелегальные радикально настроенные кружки и группы адептов «русского социализма» стали именоваться «социалистами-революционерами». Бытие и имя информативно связаны. Отказ от имени «народоволец» был индикатором изменения семантического пространства русской интеллигенции, которая к этому времени воспринимала его эксплицитно отрицательно¹.

В эмиграции Группа старых народовольцев позиционировала себя наследницей имени, идей, программы и тактики «Народной воли»; Фонд вольной русской прессы не принимал крайний радикализм народовольческой тактики и слыл среди революционеров умеренным, склонным к совместным действиям с либералами; Аграрно-социалистическая Лига была создана с целью литературного обеспечения аграрной агитации. Ментально близким эсеровским организациям России в эмиграции был только Союз русских социалистов-революционеров. К тому же Союз отличался от других заграничных организаций тем, что сумел наладить устойчивые каналы перевозки, как тогда говорили, «транспорта» нелегальной литературы в Россию. Большим специалистом этого дела был М.А. Розенбаум.

До конца 1899 г. в Союз входили В.С. и Х.И. Житловские, А.Л. Теплов, Х.Л. Раппопорт, Ш. Левентис, М.А. Розенбаум, С.З. Дижур. Затем к ним присоединились В.М. Чернов и Я.Л. Юделевский². Шесть членов Союза принадлежали к поколению 60-х годов, один (В.М. Чернов) — 70-х, один (А.Л. Теплов) — 50-х. Старейший член жил в Лондоне и принимал участие только в редактировании изданий Союза. С 1894 по 1899 г. Союз издал 11 номеров «Русского рабочего» четыре листовки, опубликовал программы Союза и Партии социалистов-революционеров две брошюры и одну книгу³.

* © Леонов. М.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

Союз русских социалистов-революционеров солидаризировался с воззрениями эсеровских организаций в России. Как и они, он использовал социалистическую семантику нового времени, высоко оценивал учение К. Маркса, в первую очередь его экономическую доктрину, и критиковал «умников», европейских и особенно русских социал-демократов. Члены Союза решительно не соглашались с мнением социал-демократов, что только пролетариат заинтересован в устранении классового общества, что в силу «экономических неурядиц» крестьяне вскоре превратятся в пролетариев, отстаивали тезис о социальной однородности рабочих и крестьян. Они резко критиковали «односторонность» «Манифеста Российской социал-демократической партии», так как он «ни одним словом не упоминает о существовании в России крестьянства», ни словом не говорит о его нуждах и интересах, средствах «активной борьбы». Важнейшая задача русских социалистов, по их мнению, заключалась в объединении «в живую боевую революционную силу»⁴. Все члены Союза были сторонниками индивидуального политического террора

Лидер Союза Х.И. Житловский в вышедшей в 1898 г. книге «Социализм и борьба за политическую свободу» (заглавие — явная антитеза «Социализм и политическая борьба» Г.В. Плеханова) критиковал «монистические» взгляды русских социал-демократов с позиций «субъективной социологии», выступал в защиту террора⁵. Публицистом и теоретиком Житловский, мягко говоря, был заурядным. «Рассуждения Житловского очень сбивчивы и построены на песке», — отмечал авторитетный в народнической эмиграции Л.Э. Шишко⁶. После книги Житловского Союз временно оказался в центре внимания со скандальным оттенком. От его сочинения отмежевывались эсеры и в России, и в эмиграции⁷.

Союз поддерживал постоянные связи с Группой старых народовольцев, Фондом вольной русской прессы, инициировал создание Аграрно-социалистической Лиги. В.С. и Х.И. Житловские, С.А. Раппопорт, М.А. Розенбаум вместе с В.М. Черновым вошли в ее состав с момента конституирования. Житловские, Раппопорт и Чернов были членами редакционной, административной комиссий, Розенбаум обеспечивал транспорт изданий Лиги в Россию. Члены публиковались в журналах «Накануне. Социально-революционное обозрение» и «Вестник русской революции»⁸.

Весной 1898 г. эмиссар Союза социалистов-революционеров А.А. Чепик уведомил Х.И. Житловского, что Бернский Союз, уполномочен представлять Союз социалистов-революционеров за границей. Лидерам Бернского Союза обещали предоставить средства на издание газеты «Русский рабочий» и журнала «Социалист-революционер». Условились также и о поставке нелегальной литературы в Россию. М.А. Розенбаум в декабре 1898 г. переправил через границу два пуда революционных изданий, часть которых позднее получили эсеры Одессы, Тамбова и в других городов. В том же году в Берн приезжал эмиссар Партии социалистов-революционеров⁹. В № 10 «Русского рабочего» была опубликована прокламация киевской организации эсеров, помеченная апрелем 1898 г. В феврале 1899 г. в № 11 «Русского рабочего» был опубликован обстоятельный отчет о съезде Партии, ее Манифест, а также корреспонденция о деятельности киевских эсеров¹⁰. В начале XX в. Союз

русских революционеров наладил поставку нелегальной литературы эсерам Тамбова, Одессы и других городов¹¹.

В 1897 и 1898 гг. лидер «Рабочей партии политического освобождения России» Л.М. Клячко ездила за границу и вела переговоры с М.А. Розенбаумом и другими членами Союза русских социалистов-революционеров, которые просили ее высылать деньги на нужды своей организации. Весной 1898 г. М.А. Розенбаум, в свою очередь, встречался с ней в Минске и наладил транспорт литературы¹². Неоднократно встречался с М.А. Розенбаумом и пользовался услугами главного транспортера литературы Бернского Союза Г.А. Гершуни. В 1898 г. Бернский Союз установил связи с Петербургской группой «Рабочей мысли»¹³.

В декабре 1899 в Россию с брошюрами, изданными за границей, и значительной суммой денег выехал И.З. Дижур. Ему наказали встретиться с лидерами эсеровских организаций, наладить регулярный транспорт литературы, а также «вербовать сторонников в России». В Москве Дижур встретился с А.А. Аргуновым и другими членами Союза эсеров, передал им «Устав братства для защиты крестьянских прав», снабдил всеми техническими указаниями для транспорта. Затем он побывал в Петербурге, Тамбове, Чернигове и «осел» в Киеве, где вошел в комитет Партии эсеров¹⁴.

Основатели Союза надеялись, что в образующейся партии социалистов-революционеров они займут руководящее положение, но просчитались. Г.А. Гершуни, М.Р. Гоц и В.М. Чернов отодвинули их в сторону. Г.А. Гершуни видел себя только единовластным руководителем организаций в России. Главный спонсор партии М.Р. Гоц наметил для себя роль серого кардинала. В.М. Чернов намеревался быть идеологом, главным теоретиком. В самом начале переговоров об объединении эсеров России и эмиграции в декабре 1901 г. они решили составить редакцию газеты «Революционная Россия» из М.Р. Гоца и В.М. Чернова. В.С. и Х.И. Житловские, С.А. Раппопорт, М.А. Розенбаум опротестовали это решение. От имени администрации Союза Х.И. Житловский заявил Г.А. Гершуни и Е.Ф. Азефу, что до этого времени Союз русских социалистов-революционеров официально представлял за границей Союз социалистов-революционеров, имел полномочия от других организаций в России. Поэтому и формирование редакции партийного органа, и создание ЦК, и связи партии с заграницей должны совершаться при непосредственном их участии. В ответ Г.А. Гершуни претензии отклонил и объявил, что Бернский Союз должен без всяких претензий на особую роль войти в партию. Е.Ф. Азеф же, по словам В.М. Чернова, без обиняков заявил: «Ну, извольте, я буду с Вами откровенен: Вы вот говорите, что Вы являетесь официальным представителем Северного союза в России, а вот товарищи мои по Северному союзу мне сказали так: “Вы уж лучше заведите с кем-нибудь другим сношения, а с Ж[итловским] не стоит”. А.А. Аргунов подтвердил свидетельства В.М. Чернова и добавил, что Е.Ф. Азеф “еще сильнее выразился; мне m – [ada] me говорила”». Позднее Чернов признавал: «Может быть, по отношению к ним и была проявлена некоторая невнимательность»^{15,16}.

Основатели Бернского Союза обиделись, но уступили. Союз русских социалистов-революционеров вошел в партию. Последним его актом было

сообщение в 1907 г. социалистическому конгрессу в Штутгарте о своем мировоззрении и организации. По сути, с момента образования партии Союз русских социалистов-революционеров стал фикцией. Х.И. Житловский состоял в Заграничной организации партии социалистов-революционеров, в составе партийной делегации участвовал в заседаниях Амстердамского конгресса. Х.Л. Раппопорт перешел к французским социалистам. Я.Л. Юделевский до 1905 г. был энергичным членом Заграничной организации, в 1905—1907 гг. жил в Аргентине, затем вернулся в Европу, а в 1909 г. его, как диссидента, исключили из партии. В.М.Чернов полностью сосредоточился на редактировании партийных изданий и разработке идеологии и программы партии. М.А. Розенбаум по-прежнему организовывал транспорт партийной литературы¹⁷.

Примечания

¹ Лосев А. Имя. СПб.,1990; Флоренский П. Имена. М., 2001; Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.,2000.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1898 г. Д. 80. Лит. Б. Л. 20; ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 127. Л. 8.

³ РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 130.

⁴ Русский рабочий. Женева. 1895. №3 (5). С. 1—3; 1896. № 1 (8). С. 6—7; 1898. № 1 (10). С. 29; 1899. № 2 (11). С. 6.

⁵ Григорович С. (Житловский Х.И). Социализм и борьба за политическую свободу. Лондон, 1898.

⁶ Л.Э.Шишко. Н.В.Чайковскому 14 апреля 1897 г. // ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 234. Л. 52.

⁷ Обзор важнейших дознаний, произведшихся в жандармских управлениях Империи за 1901 г. С. 125, 126, 156.

⁸ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 134. Л. 136—148; там же. Д. 234. Л. 92—95; ОР РГБ. Ф. 358. Карт. 413. Д. 21. Л. 5—6.

⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1898 г. Д. 8. Лит. А. Л. 43, 60; там же. Д. 80. Лит. Б. Л. 20. Обзор важнейших дознаний ... за 1895—1896 гг. С. 289; Обзор... за 1898—1899 гг. С. 172; Обзор ... за 1900 г. С. 123; Письма Азефа: 1893—1917. М.,1994. С. 31, 32, 37; Пуд — примерно тысяча печатных листов, если издание осуществлялось на обычной, а не на особой, так называемой индийской, очень тонкой рисовой бумаге, которая стоила дорого и была, как правило, революционерам «не по карману». В те годы нелегальная литература поступала из-за рубежа в мизерных количествах. За доставку пуда ее в Россию контрабандистам платили до ста рублей.

¹⁰ Русский рабочий. 1898. Октябрь. №1 (10); там же. 1899. Февраль. №2 (11). С. 20—29.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1904. Д. 1408. Л. 178.

¹² ГАРФ. Ф. 102. ДП. 7-е д-во. Оп. 1900. Д. 428. Л. 189—190; Обзор ... за 1900 год. С. 4.

¹³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903. Д. 842. Л. 9; там же. Д. 842. Т. 2. Л. 17.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 134. Л. 97.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 130. Л. 95—96;

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 127. Л. 9—10.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 130.

И.С. Аброскина*

**А.М. АНФИМОВ И «НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ»
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Вопрос об уровне и темпах развития аграрного капитализма в России занимает центральное место в отечественной историографии. Вокруг него всегда возникало много споров, порой настолько острых, что результаты сказывались на судьбах самих исследователей. К концу 20-х гг. XX в. советская историография восприняла концепцию В.И. Ленина о борьбе двух путей буржуазно-аграрного развития в дореволюционной России – прусского и американского, которая позднее стала догмой в «кратком курсе» истории ВКП(б).

Новое поколение историков-аграрников сформировалось из числа профессиональных историков, как правило, окончивших исторические факультеты после Великой Отечественной войны. Хотя формирование их исторических взглядов шло в условиях жестких идеологических рамок марксистско-ленинской методологии, тем не менее, развенчивание культа личности И.В. Сталина и «оттепель» не могли не повлиять на мировоззрение историков 50-х гг., которые составили костяк нового направления в советской историографии. Научная литература о «новом направлении» невелика. Основу ее составляют как труды представителей «нового направления», так и рецензии, историографические обзоры по аграрной истории конца XIX – начала XX вв. Во второй половине 80-х гг. журнал «Вопросы истории» опубликовал историографическую статью В.В. Поликарпова «Новое направление» в старом прочтении¹, в которой была предпринята попытка дать анализ воздействия научных трудов представителей «нового направления» на разработку теоретических проблем аграрной истории. Значительный интерес представляет также анализ историографической ситуации конца 50-х – начала 60-х гг., который содержится в монографиях А.М. Анфимова «Столыпин и российское крестьянство»², В.Г. Тюкавкина «Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа»³, И.Д. Ковальченко «Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в.»⁴, В.П. Волобуева «Выбор путей общественного развития»⁵. Безусловно, в этих работах можно встретить полярные точки зрения. Оценочные суждения о деятельности представителей «нового направления» имеются и в сборниках статей, посвященных памяти А.М. Анфимова, К.Н. Тарновского, И.Д. Ковальченко.

Историю «нового направления» можно уподобить «капле воды», которая «отразила весь океан», в нашем случае – образ постсталинской исторической науки в его интеллектуальном и этическом аспектах, качественно превосшедших уровень и ресурсы сложившейся общественной системы⁶.

Ведущую роль в пропаганде научных идей представителей «нового направления» играл К.Н. Тарновский – выдающийся историограф, в работах которого рассмотрены многие аспекты деятельности нового направления⁷.

* © Аброскина И.С. – аспирант кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

К.Н. Тарновский вступил в науку в середине 50-х годов на творческой волне духовного освобождения, поднятой XX съездом партии, и оставался верен духу научного поиска и в период идеологического застоя 70-х — начала 80-х годов, несмотря на административные гонения и «закрытие» перспективного научного направления, которое он представлял.

Значительное влияние на первые исследования послесталинского периода оказал переживший нелегкие времена репрессий С.М. Дубровский. Он вновь попытался стать лидером в аграрно-исторической науке. А потому, используя свой опыт, приобретенный в дискуссиях конца 20-х — начала 30-х гг., он попытался вновь обосновать свой тезис о повсеместном господстве в российской деревне прусского пути. По его мнению, прусский путь так или иначе определил ход всех социальных процессов. Как и ранее, Дубровский считал, что капиталистические отношения в аграрном строе страны в начале XX века стали господствующими. С резкой критикой этих концептуальных воззрений С.М. Дубровского выступил А.М. Анфимов.

В 1956 г. А.М. Анфимов защитил кандидатскую диссертацию «Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 года)», затем опубликовал две статьи, в которых анализировалось крестьянское и помещичье хозяйство⁸. В своих работах А.М. Анфимов на основе анализа состояния и динамики сельскохозяйственного производства России в годы Первой мировой войны охарактеризовал развитие капиталистических отношений в российской деревне после начала мировой войны. Это развитие оказалось медленным, а прогресс уровня развития производительных сил в сельском хозяйстве — ничтожным. Для ответа на вопрос о причинах этого явления А.М. Анфимов тщательно рассмотрел влияние на развитие сельскохозяйственного производства специфических, связанных с войной факторов. Он установил, что не они оказались главной сдерживающей причиной прогресса в сельском хозяйстве, а снижение арендных цен на землю, означавшее «перераспределение прибыли, возросшей в результате роста цен на хлеб, в пользу арендаторов, и кулаки, следовательно, получали с арендованной земли повышенные доходы»⁹.

Что касается хозяйства помещиков, то, несмотря на помощь правительства, оно оказалось весьма уязвимым звеном народного хозяйства страны. А.М. Анфимов показал, что «наиболее устойчивыми во время войны оказались крупные хозяйства, преимущественно капиталистического типа»¹⁰.

Основной вывод Анфимова заключался в том, что помещичье землевладение и крепостнически-кабальная организация помещичьего хозяйства, выражающаяся в слабости материально-технической базы, зависимости от крестьянского хозяйства с его отсталой техникой, стали главным препятствием для развития капиталистических отношений в российской деревне¹¹.

А.М. Анфимов отрицал абсолютизацию прусского пути, а также высокий уровень его развития. Он попытался дать первый в советской историографии содержательный анализ «прусского типа» аграрно-капиталистической эволюции. Сопоставив аграрное развитие России и Германии, А.М. Анфимов отметил существенные различия стадийного характера: в Германии прусский путь победил и стал типом эволюции, в России же он не достиг та-

кой высоты. Острая дискуссия между С.М. Дубровским и А.М. Анфимовым развернулась на второй сессии аграрного симпозиума, которая состоялась в Москве в декабре 1959 г., ее материалы вошли в сборник «Особенности аграрного строя России периода империализма»¹². Надо особо отметить, что после окончания дискуссии А.М. Анфимов приступил к изучению крестьянского хозяйства в годы Первой мировой войны, после чего он существенно поменял свои концептуальные представления об аграрном строе. Одно из достижений дискуссии состояло в том, что в начале 60-х гг. оформилось «новое направление» в советской историографии.

Взгляды А.М. Анфимова разделяли директор института истории СССР, главный корреспондент АН СССР П.В. Волобуев, известный специалист по истории советского крестьянства В.П. Данилов, научный сотрудник этого же института К.Н. Тарновский, а также М.Я. Гефтер. Все эти исследователи образовали научное сообщество, названное впоследствии «школой А.Л. Сидорова». А.Л. Сидоров – наследник традиций советской исторической науки 20-х гг. XX в., основатель ведущей школы в области экономической истории России, оказавшей огромное влияние на изучение отечественной истории.

На протяжении 1958–1960 гг. Анфимов выпускает ряд новых исследований по проблеме особенностей аграрного строя в полном объеме и в масштабах Европейской России и одновременно специально разрабатывает некоторые его аспекты¹³.

А.М. Анфимов выступил основным оппонентом С.М. Дубровского на конференции 1960 г., а затем существенно подкрепил свои тезисы монографическим исследованием «Крупное помещичье хозяйство Европейской России конца XIX – начала XX века»¹⁴. Этот и другие труды А.М. Анфимова были положены затем в основу концептуальных построений «нового направления», получив расширительное толкование в статьях и докторской диссертации К.Н. Тарновского. Лидеры «нового направления» стремились доказать, что аграрный строй России был не просто недостаточно капитализирован, он был многоукладен, причем преобладающую роль в нем играли вовсе не буржуазные элементы, а докапиталистические. Поэтому тип аграрно-капиталистического развития он определял как «октябристско-пруссский», то есть эдакий недоразвитый прусский, сочетающий в себе капиталистические и феодально-помещичьи формы эксплуатации крестьянства, а еще точнее – своеобразный российский путь, соответствующий странам «второго эшелона» мирового капиталистического развития.

Разным был и методологический инструментарий. А.М. Анфимов придерживался традиционных методов анализа документации. Это не позволяло решить некоторые наиболее сложные проблемы, которые он хорошо осознавал (например, проблему характера экономического строя помещичьего хозяйства), что придавало его работам некоторую описательность и фрагментарность, но в то же время оставляло свободу от априорных схем при оперировании фактами.

Исследователь стоял на марксистских позициях, точнее, на почве ленинской концепции двух путей. И многоукладность, и стадийность были характеристиками одного и того же смыслового ряда, предполагающего ко-

нечную капитализацию русской деревни, распад крестьянства и формирование новых типов хозяйства, в том числе фермерских. Над истинностью самого ленинского тезиса о двух путях никто вообще не задумывался.

Анфимов А.М. относится к числу историков, которые попытались по новому представить наследие второй половины XIX–XX веков. Изучая комплекс разнообразных источников, он уже в конце 50-х – начале 60-х пришел к выводу о том, что в аграрном строе преобладали «живые» остатки феодализма. Участие в дискуссиях стимулировало его научную деятельность. Он приступил к изучению рентных отношений, крупного помещичьего хозяйства. Выводы, полученные в этих исследованиях, подтвердили его правоту, но историографическая ситуация, сложившаяся в 60-е годы, связанная с возвратом к сталинизму, вынудила его сформулировать заявление об ошибочности его концепции.

Это заявление оказалось вынужденным. По сути дела, в 70–80-е годы Анфимовым был проведен комплекс исследований по истории крестьянского хозяйства пореформенного периода, в которых было убедительно доказано, что в российской деревне, особенно в «Великой России», крепостничество продолжало сохранять свои позиции до 1917 г.

Научное наследие видного ученого представляет не только историографический факт, но содержит непреходящей ценности источниковую базу, ценнейшие наблюдения, образцы методических подходов в использовании различных материалов. Нельзя пройти мимо тех новых тенденций, которые получили развитие в фундаментальных исследованиях видного историка-аграрника А.М. Анфимова.

Примечания

¹ Поликарпов В.В. «Новое направление» в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3.

² Анфимов А.М. Столыпин и российское крестьянство. М., 1968.

³ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

⁴ Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.

⁵ Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: Теория, история, современность. М., 1987.

⁶ Шепелева В.Б. Историографическая судьба «нового направления» // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 219.

⁷ Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-60-х годов. М.: Наука, 1990. 292 с.; Он же. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972; Он же. Советская историография российско-го империализма. М., 1964. 244 с.

⁸ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство России в годы Первой мировой войны // История СССР. 1957. № 3; Он же. Помещичье хозяйство России в годы Первой мировой войны (до февральской революции) // Исторические записки. 1957. Т. 60.

⁹ Анфимов А.М. Помещичье хозяйство России в годы первой мировой войны (до февральской революции) // Исторические записки. 1957. Т. 60. С. 67.

¹⁰ Там же. С. 130, 152, 174.

¹¹ Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 568.

¹² Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962.

¹³ Анфимов А.М. Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX – начале XX века // Исторические записки. Т. 63. С. 244–258; Он же. К вопросу об аренде земли и земельной ренте в Европейской России в конце XIX – начале XX века // ЕАИВЕ. 1959. С. 286–307; Он же. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX века // Исторические записки. 1959. Т. 65. С. 119–162; Он же. Продовольственные долги как показатель экономического положения крестьянства дореволюционной России (конец XIX – начало XX века) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960. Сб. IV. С. 293–312; Он же. В.И. Ленин о характере аграрных отношений в России в начале XX века // Вопросы истории. 1960. № 4. С. 140–153.

¹⁴ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России конца XIX – начала XX века. М., 1969.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Э.Л. Дубман*

ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРОМЫСЛОВЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОНИЗОВОГО ПОВОЛЖЬЯ В XVII ВЕКЕ

Изучение начального периода хозяйственно-промыслового освоения Понизового Поволжья невозможно без выявления степени участия в нем жителей местных городов. Для рассмотрения данного явления выбраны города-крепости, расположенные по Волге от устья Камы до Астрахани. Последняя, в силу своего исключительного положения, требует отдельного исследования, как это для конца XVII – первой четверти XVIII вв. сделала Н.Б. Голикова¹. Помимо того, мы исключаем также Симбирск и Сызрань, так как последние сразу после возникновения стали центрами крупной земледельческой округи, и хозяйственные занятия их жителей в значительной степени определялись этим обстоятельством.

В качестве исходного выдвигается положение, что хозяйственные занятия и просто повседневная жизнь населения «малых» волжских городов немислимы без окружающей их водной акватории, без использования промысловых угодий, обслуживания транзитного потока грузов. К сожалению, делопроизводство местной администрации сохранилось крайне фрагментарно. Поэтому в качестве источников были использованы самые разнообразные материалы: данные чрезвычайных сборов первой половины XVII в. и, прежде всего, пятины 1634 г.; сведения из записных книг Печатного приказа, архивы церковных корпораций, земских изб, таможен, оброчных статей начала XVIII в. и т. д. Их совокупность позволяет выявить некоторые стороны изучаемого явления.

В промысловом освоении более активно участвовали жители посадов и приборные люди. Достаточно полно отражена в книгах Печатного приказа система откупов у казны. Зачастую горожане брали в аренду промысловые участки у других, более крупных предпринимателей. Такие сведения постоянно встречаются в документах дворцового и патриаршего ведомств, других церковных корпораций.

Часто арендный договор сводился к праву промышлять на определенных условиях в своей лодке и со своими орудиями в водах собственника. Труднее уловить случаи найма работников на промыслы. Нередко местная администрация принуждала посадское население и приборных людей к работе на дворцовых промыслах.

---

* © Дубман Э.Л. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

Имеющиеся материалы не дают ответа на вопрос, как широко промысловая деятельность была распространена среди горожан. Как правило, приходится иметь дело с отдельными фактами, но не с их репрезентативной совокупностью. Даже такой, казалось бы, систематический источник, как описания пятины 1634 г., содержит порой противоречивые данные. Например, в Саратове, в отличие от Самары, торговой и промысловой деятельностью занималось только тяглое население, а именно хозяева 32 посадских дворов и 51 семья соседей и подсоседников. Из них 49, то есть около 60 %, активно участвовали в рыбном промысле. Из 428 приборных людей Саратова в 1632 г., ни об одном нет сведений как о рыбном промышленнике². В Самаре в материалах пятины указаны только 5 «рыбников», живших в Рыбной слободе. На наш взгляд, это далеко не полный список людей, кормившихся от рыбных промыслов, так как занятия многих самарцев, с которых брался налог, просто не указаны³. Удивительно, но сборщики пятины, составив подробнейшее описание пятинных сборов и занятий населения Тетюшей, не обнаружили там ни одного рыбного промышленника⁴. Тем более что в расположенном неподалеку Лаишеве рыбные ловцы (43 человека) составляли 18 % всех горожан, попавших в пятинные книги. Все они «живут на белых местах». Средний оклад рыбных ловцов — 1,41 руб. — был выше, чем в среднем по городу (1,18 руб.). Еще большее количество лаишевских рыбных ловцов указано в переписной книге 1646 г. — 65 дворов, в которых насчитывалось 242 душ м. п.⁵

Можно предположить, что для большинства горожан занятия рыболовством, другими промыслами являлись обыденной, естественной частью их хозяйственной деятельности, и они не считали нужным даже об этом упоминать.

Наиболее полные сведения об экономической жизни понизовых городов можно получить по данным о денежных сборах с откупов таможен, кабаков, торговых бань, харчевен, сусла, рыболовных и юртовых угодий⁶. Но приходно-расходные книги местных учреждений, за исключением симбирской приказной избы, обнаружить не удалось. Сведения же о сборах, содержащиеся в записных книгах Печатного приказа, в свое время собранные А.А. Гераклитовым⁷, слишком фрагментарны и не позволяют сделать сколько-нибудь обобщающих выводов. Об этом, кстати, писал и сам исследователь⁸.

Более полное представление о совокупности и статьях таких сборов можно составить только по Саратову в середине XVII в. В приведенной таблице представлены статьи откупов предприятий, обслуживающих в первую очередь потребности местного населения, внутригородские нужды. Деньги с этих статей составляли не более 15–20 % всей суммы сборов откупных платежей по городу. Все остальное приходилось на таможенную и кабацкую пошлину.

Сводные данные таблицы 1 можно дополнить. Например, в Саратове в 1653/54 г. бани, сусло, уксус, морс, проруби, портомойные плоты и перевозки были отданы откупщику, члену гостинои сотни К. Васильеву за 116,99 руб.¹⁰ В 1660/61 г. с юртов собрали откупных 96,65 руб., с избных недель и кабацких приставств — 13,49 руб.¹¹; в 1661/62 г. с юртов — 96,09 руб.¹²

Таблица 1

Сборы по Саратову⁹**А) Сборы оброчных платежей и печатных пошлин, в руб.**

№	Оброчные статьи	Сумма оброчных платежей				Печатные пошлины	
		1651/52 г.		1652/53 г.		1657/58 г.	
		в руб.	%	в руб.	%	в руб.	%
1	Зимние рыбные ловли	26,86	5,68	28,14	5,88	4,95	18,92
2	Юрты	97,68	20,64	86,69	18,1	7,07	27,0
3	С саратовских жильцов за летние рыбные ловли	129,18	27,3	129,18	26,96	6,48	24,75
4	С ловцов верховых городов за летние рыбные ловли	77,29	16,33	78,80	16,45	5,62	21,5
5	Вешние рыбные ловли	1,87	0,4	1,87	0,4	-	-
6	Саратовские торговые бани, квас, сусло, уксус, торг, «пролуби», портомойные плоты, перевозы через Саратовку и Волгу	126,86	26,8	154,34	32,21	-	-
7	Избные недели и кабацкие приставства	13,49	2,85	-	-	2,05 ¹	7,83
	Итого:	473,23	100,0	479,02	100,0	26,17	100,0

Б) Откупные сборы с таможни и кабаков, в руб.

№	Годы	Откупщики	Кабак	Таможня	Условия сдачи
1	1633/34	Патриарший крестьянин	1430,9	551,13	-
2	1636/37	Коломнянин	1775,45	-	-
3	1650/51	Кадашевец Г. Михайлов	1681,44	-	с наддачей
4	1651/52	Он же	-	-	-
5	1667/68	Верный голова С. Юрьев	Не смог собрать всю сумму	-	-
6	1670	Он же	Недобор против сбора 1658/59 г.	-	-

¹ совокупный сбор за 1656/57 и 1658/59 гг.

Не только по Саратову, но и по другим «малым» городам региона сдача на оброк юртов приносила значительные доходы. Судя по суммам откупов «летних рыбных ловель», являвшихся основными среди других промысловых статей, можно сделать вывод о том, что местные саратовские откупщики занимали более значимое место в рыболовстве края, чем иногородние¹³. Однако если учесть, что значительная часть саратовских вод принадлежали монастырям (Новоспасский, Чудов, Высокопетровский и другие) и Дворцу, а местные

и иногородние мелкие и средние предприниматели предпочитали иметь дело именно с этими собственниками, картина кардинально меняется.

Разумеется, размеры этих сборов не шли ни в какое сравнение с откупными платежами за кабак и таможеню. По тому же Саратову (табл. 1) кабацкие сборы составляли от 1400 до 1800 руб., таможенные — от 550 до 1000 и более руб. Например, в 1672 г. саратовские посадские люди просили сдать таможеню на откуп за сумму не менее 1000 руб. В случае если таких предложений не поступит, община соглашалась взять этот откуп на веру. Еще более красноречиво соотношение по статьям сборов за рыбные ловли, таможни и кабаки в Симбирске. Сравнительно небольшие доходы городского бюджета за оброчные рыбные ловли в 1665-1667 гг., выглядят совершенно несопоставимыми с откупом кабаков и таможен в городе и уезде за 5000 руб. годовых¹⁴.

Интересно сравнить печатные пошлины, взимаемые с отдельных статей, с общей суммой их сборов. Уникальная коллекция погодных данных о печатных пошлинах с откупщиков и челобитий сохранилась по Саратову. Она охватывает время с 1629 по 1661 гг. В конце 1620-х — 1630-х гг. средние сборы составляли от 25 до 28 руб. (4 года). Данные за 1636/37 г. — 74,58 руб. и за 1637/38 г. — 114,20 руб. являются, возможно, сводными за несколько лет. В 1640-х гг. (4 года) максимальные размеры годовых сборов несколько возросли (1641/42 г. — 27,19 руб., 1647/48 г. — 33,95 руб.), но случались и резкие спады в экономической активности (1642/43 г. — 22,30 руб., 1644/45 г. — 21,92 руб.). Тенденция к росту сборов наблюдается и в 1650-х гг. (5 лет). В 1651/52, 1652/53, 1653/54 и 1654/55 гг. собирали в среднем немногим более 38 руб. в год (1651/52 — 38,04 руб., 1653/54 — 38,22, 1654/55 — 38,37) и только в 1657/58 г. — 26,17 руб.

Данные о сборах печатных пошлин по Самаре и Черному Яру, в силу своей фрагментарности, вряд ли можно сопоставить с саратовскими. В Черном Яре за 2 года — 1627/28 г. — 1628/29 собрали всего 20,48 руб., однако необходимо помнить, что город был только что построен. По Самаре за 4 года — 1622/23 — 1625/26 — в наличии оказалось только 38,66 руб., хотя таким единичным сведениям вряд ли можно полностью доверять. Лишь одна запись имеется по Астрахани. В один из годов (до 1631 г.) было собрано 358,34 руб., но и эта сумма (вполне возможно, что неполная) показывает разницу в размерах предпринимательской деятельности различных городов Понизовья.

Невозможно точно выявить общую сумму откупов, исходя из размеров печатных пошлин, так как в них включались сборы двух видов: с челобитных — по 0,25 руб. (полуполтине) с каждой (при откупах до 6 руб. включительно) и собственно печатные пошлины — по 3,75 копеек с рубля (3,75 %) ¹⁵. Но и при самом грубом подсчете по Саратову, при учете, что в целом откупы составляли ежегодно до 2,5–3 тыс. руб., сумма годовых печатных пошлин должна была достигать 80–100 руб. Разумеется, этот показатель дает представление только об экономической активности в городе и его окрестностях, не выделяя местное или пришлое население, специфику оброчных статей и т. д.

Посадские и приборные люди совместно требовали приписки к городу участков волжских вод для безоброчных промыслов. Они были крайне заин-

тересованы в получении в монопольное «безоброчное», не ограниченное ни сроками, ни какими-либо другими условиями пользования прилегающей к городу волжской акватории. Этими угодьями, как правило, протяженностью в 10 верст могли пользоваться все без исключения жители городов. Отдельным промышленникам или их «компаниям» запрещалось создавать препятствия для промыслов всех остальных. Возникновение крупных промысловых предприятий в пригородных водах было практически невозможно. Фактически это было продолжением посадской реформы, но уже для всех тяглых и служилых категорий городских жителей. Именно этими обстоятельствами обусловлена череда пожалований рыболовными угодьями для всех понизовых городов. Характерно, что пожалование «водами» для большинства городов, значительно опережало наделение «землями» и прочими сельскохозяйственными угодьями.

Данная практика получила развитие еще в первой половине XVII в. Например, при основании Черного Яра, по указу Михаила Федоровича, его жителям были даны в безоброчное пользование «воды по 5 верст вверх и вниз по Волге реке»¹⁶. Не ясно по каким причинам, но позднее их стали сдавать на оброк, и местное население потеряло на них исключительные права. Еще одно близкое по времени пожалование произошло в 1649 г., когда по царскому указу ногайским мурзам указали жить под Астраханью: они получили поденный корм «и по Волге дати рыбные ловли, и лошадем на корм луга и поля»¹⁷. Однако это были единичные случаи, не ставшие системой.

Перелом наступил во второй половине XVII в., когда подобные пожалования происходили постоянно. В середине – второй половине 1650-х гг. получили 10-верстные участки (5 верстами выше и 5 ниже) жители Самары в 1655 г.¹⁸, Саратова – в 1658 г.¹⁹ (в 1659 г. подтверждение²⁰ и в 1658 г. – Царицына²¹). В Симбирске служилое население, уже владевшее земельными угодьями, стало монопольным собственником пригородных вод (4 версты ниже и 4 выше города) в 1661 г.²² В 1682 г. право на пользование 10-верстным участком было возвращено жителям Черного Яра²³. В итоге население всех понизовых городов, между Тетюшами и Астраханью, стало монопольным владельцем сравнительно крупных промысловых участков Волги.

Характерно, что в Астрахани такие пожалования начались довольно поздно, и их давали, как правило, отдельным категориям населения. Например, в 1684 г. последовал указ о пожаловании астраханским стрельцам участка в 5 верст в «Болде реке»²⁴.

Процесс получения промысловых вод был однотипен. В Москву посылались челобитная от всех горожан (формула по Самаре – «городовых дворян и детей боярских и всяких чинов людей»; по Царицыну – всяких служилых «жилицких людей»), в ответ на которую следовал царский указ. Прав А.А. Гераклитов, считая, что в получении безоброчных пригородных вод было заинтересовано все население города. Оно же выступало коллективным пользователем всей этой водной акватории²⁵.

Выявить особенности промысловой деятельности отдельных групп населения городов Понизового Поволжья довольно сложно. Местные подьячие должны были фиксировать все случаи откупных платежей, собирая с них

печатные пошлины (случаи освобождения от пошлин редки, но они также фиксировались). Служилое и посадское население небольших поволжских городов активно занималось рыболовством и эксплуатацией юртов, поэтому в документации съезжих изб и Печатного приказа все эти факты должны быть отражены. Однако в ней крайне редко встречаются имена местных оброчников. По Самаре, например, за весь XVII в. отмечено всего таких 17 случаев, по Саратову – 3, по Царицыну и Черному Яру – ни одного. И это при том, что за многие годы книги Печатного приказа сохранились в весьма удовлетворительном состоянии. Между тем иногородние откупщики были учтены гораздо лучше, и их количество, судя по записям, несоизмеримо превосходило число местных предпринимателей. Объяснить это обстоятельство только тем, что за местными городскими сообществами в XVII в. было проведено закрепление прилегающих к городам участков волжской акватории нельзя, так как произошло это только в середине 1650-х гг. (а у ряда городов еще позже). Ранее же местным предпринимателям приходилось либо брать на откуп рыбные ловли и юрты у казны, что фиксировалось в приказных книгах, либо, что происходило значительно чаще, оброчиться или наниматься наемными ловцами или ватажскими рабочими к крупным промышленникам. Возможно, А.А. Гераклитов прав, считая, что часть промысловых угодий могла сдаваться на откуп непосредственно местными воеводами, и сбор пошлин с них не попадал в книги Печатного приказа²⁶.

Следует признать то, что, казалось бы, самый целостный и полный источник, которым мы располагаем, а именно записные книги Печатного приказа, далеко не так репрезентативен, как хотелось бы. И все же имеющиеся в них материалы об откупах позволяют определить особенности промысловой деятельности горожан.

Остановимся подробнее на их характеристике. Если по Саратову все три случая откупов относятся к участкам волжских промысловых вод, то в Самаре местные жители предпочитали (из 17 откупов – 12) прежде всего эксплуатацию юртов, то есть промысловых угодий по берегам сравнительно небольших рек – Самары, Сока, Кинеля или рукавов Волги, где лов рыбы сочетался с добычей зверя. Юрты Понизового Поволжья очень близки к урожаям других регионов²⁷.

В 4 из 5 случаев откупов по Самаре, и в 2-х из 3-х по Саратову волжские рыболовные угодья использовали посадские люди. Лишь однажды в 1643 г. самарские подгородные ловли на 1 год за 14,11 руб. взяли «самаряне всякие чины», а в Саратове в 1662 г. – стрелец также на 1 год за 2,18 руб. Местные горожане не располагали значительными средствами для заведения крупных промыслов, о чем свидетельствуют суммы откупных платежей. По Самаре и Саратову они не превышали 30–35 руб. в год (Самара – 29,75; 26,27; 14,11; 6,75; 2,02 руб.; Саратов – 35,12; 11,15; 2,18 руб.). В Самаре откупщики предпочитали брать промысловые угодья на сравнительно длительные сроки (1 откуп – на 1 год, 3 – на 3 года, 1 – на 4 года), причем, как правило, в договоре оговаривалось условие: «вплоть до перекупки». В Саратове все три случая откупов ограничивались годовым сроком.

Любопытны случаи откупа юртов. Среди промышленников были вдовый поп (1); «самарянин» по прозвищу «Часовник» из служилых людей (1); еще в одном случае — крестьянин с. Рождествено Самарского уезда, в 3-х — посадские люди, в 2-х — конные и в 2-х — пешие стрельцы; в одном — пушкарь. Известен лишь один случай, когда посадский человек одновременно брал в оброчное пользование юрт и волжские рыбные ловли. При разнообразии социальной принадлежности промышленников среди них преобладали служилые люди. Вряд ли список лиц, представленных в записных книгах, являлся исчерпывающим. Необходимо отметить, что в юртах промышленники и те, кто получил это право за службу²⁸. С 1626 г. в Самаре известна довольно значительная группа юртовых казаков. Видимо, они несли службу в обмен на право безоброчного пользования юртами. Документальные сведения о хозяйственной деятельности казаков крайне редки и касаются прежде всего сельскохозяйственных и промысловых угодий. Например, в 1690 г. самарский помещик В.Ф. Бакшеев дал поступную запись на сенные покосы юртовым казакам Ивану и Илье Рязановым²⁹.

Однако обратимся к откупщикам. Преобладали откупы юртов на длительный срок (2 раза по 5 лет, один — на 2 года, остальные — на 3 года). Как правило, годовые суммы откупных платежей невелики: менее 5 руб. — 2 случая, от 6 до 10 руб. — 3, от 10 до 15 руб. — 3, от 20 до 30 руб. — 2.

Действительно крупными откупщиками были в 1650 г. посадский человек Я. Тиханов, взявший на 3 года «самарские юрты Мочинский и Сосновский» с зверовыми и рыбными ловлями (в год он платил 44, 34 руб.), и в 1660 г. крестьянин с. Рождествено К. Арзамасцев, откупивший на 3 года «и впредь» Соковский и Кинельский юрты за 42,83 руб. в год.

Создается впечатление, что население Самары и, прежде всего представители приборных людей, предпочитали откупы юртов рыбным ловлям на Волге. По другим же городам Понизовья о юртовых промышленниках практически сведений не сохранилось. Видимо, данную ситуацию следует отнести на счет слабой репрезентативности делопроизводства Печатного приказа. Хотя при сравнении сохранившихся сведений в его книгах, например, о крупных церковных промышленниках с документами, находящимися в других коллекциях (монастырские фонды, Грамоты Коллегии экономии и т. д.), напротив, можно убедиться в полноте и аккуратности записей. Объяснить это противоречие мы не можем.

Записи об откупах по Самаре начинаются с 1643 г. Но из других источников видно, что уже в 1622/23 г. Шелехмецкие воды до нижнего устья р. Самары принадлежали самарским стрельцам И. Половороту с товарищами. Они ловили там 2 связками «всякой ловецкой снастью», кроме частиковой, и на своем стану держали становую лодку³⁰.

Характерна динамика откупов, зафиксированных в записных книгах по Самаре по десятилетиям: 1640-е гг. — 5, 1650-е — 11, 1660 — 1, 1670-е — 1. В Саратове 2 случая приходятся на 1636 г. и 1 — на 1662 г.

При сопоставлении данных Печатного приказа и пятины 1634 г. по Самаре и Саратову вырисовывается весьма любопытная ситуация. Из 8 жителей Самары, имена которых мы знаем (один из них — стрелец, еще один — вло-

вый поп), только 3 (из них один весьма сомнителен из-за несовпадения имен: Илья – Артюшка) встречаются в пятинной росписи, причем ни один из них не принадлежит к «рыбникам» и не имеет указаний на род занятий.

Думается, что самостоятельные откупные предприятия, особенно в волжских водах, были довольно редким явлением еще и потому, что местные жители предпочитали либо наниматься в качестве ловцов к более крупным предпринимателям – монастырям, верховым промышленникам, дворцовым приказчикам и т. д.; либо брать в подряд у них небольшие участки ловель. Тем более что лучшие рыболовные угодья по Волге к середине – второй половине XVII в. оказались практически разобранными (особенно это очевидно по Самаре). Такой способ предпринимательства хорошо отражен в материалах промысловых хозяйств Новодевичьего и прочих монастырей, других крупных владельцев. Например, по данным 1659 г., на черноморском промысле князя Я.К. Черкасского в качестве подрядчиков указаны 8 саратовцев, из них один посадский человек Н. Карпов, а остальные – стрельцы³¹. Чуть позже, в 1664 г., саратовские стрельцы подряжались ловить рыбу на саратовский промысел гостя Василия Шорина³².

Среди промышленников всех понизовых городов не видно местной верхушки – дворян и детей боярских. В отличие от нижележащих городов, представители служилого города Самары начиная с 1640-х гг. постепенно стали получать поместные земли на Самарской Луке, где к концу столетия сложилось несколько селений, принадлежавших местным помещикам³³. Крайне редки случаи получения в оброчное пользование земель (как правило, только на Левобережье) посадскими и приборными жителями Самары. Например, в 1639 г. таким владельцем стал самарец И. Поликарпов³⁴. Совершенно неясно, как эти земли использовались.

Складывание оброчных юртовых и земельных владений на самарском левобережье Волги стало первым признаком начинающегося процесса хозяйственно-промыслового освоения заволжских земель. Новым этапом в развитии городской промысловой собственности (после пожалования пригородными водами) явилось наделение горожан (посадских и приборных людей) пригородными землями. В конце XVII в. (в 1688/89 г.) такое пожалование из всех низовых городов (за Симбирском и Сызранью на Правобережье) получили только жители Самары. По их челобитной к городу было приписано 120 тысяч десятин «конских и скотских выпусков и сенных покосов»³⁵. Но в данном случае речь не идет о земледельческом освоении. Среди документов конца XVII – начала XVIII вв. постоянно встречаются жалобы жителей поволжских городов о том, что земледелием на Левобережье заниматься невозможно из-за постоянной угрозы нападения кочевников. Характерно, что при отмежевании этих земель выяснилось, что вокруг города уже существовали оброчные бортные, сенные и даже «пашенные» земли³⁶. Видимо, там происходило промысловое освоение «наездом» по типу метода хозяйствования, широко распространенного до середины XVII в. в Симбирско-Закамском Поволжье. Такая хозяйственно-промысловая деятельность, уже на первых этапах своего развития, столкнула местное население с издавна промышлявшими здесь башкирами³⁷.

Таким образом, население волжских городов являлось активным участником промыслового предпринимательства в Понизовом Поволжье. Формы такого предпринимательства могли быть самыми различными – от откупов до подрядов и найма в качестве рабочей силы. Как об этом свидетельствуют материалы местных таможен³⁸, хранящиеся в РГАДА, они также зачастую занимались скупкой уловной рыбы у ловцов. В данной статье рассматривались, прежде всего, случаи откупов, то есть создания временных, но относительно самостоятельных предприятий. Для большинства местных горожан рыболовецкие промыслы были важнейшим источником доходов. Именно этим объясняются столь настойчивые попытки добиться приписки к городской округе примыкающих к ней волжских вод. В подавляющем большинстве случаев размеры откупов и их продолжительность были невелики и, как правило, не превышали года.

Примечания

¹ Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982.

² Смирнов П. Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года // Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33. С. I-XXIII; Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов; М., 1923. С. 218–228.

³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41162. Л. 29–45.

⁴ Карпачев А.М. Города Московского государства и их торгово-промышленное население по пятине 1634 (142) года: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1948. С. 343–347.

⁵ Там же. С. 339–342

⁶ Веселовский С.Б. Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII веке // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 291–316; Он же. О привилегиях по суду откупщиков и верных сборщиков // Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 120–145; Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. С. 177–183; Демкин А.В. Откуп как форма накопления капитала в России XVII в. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. К 100-летию со дня рождения члена корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984. С. 149–156; Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л., 1987. Гл. XVIII. Ст. 21. С. 94.

⁷ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – А СПб ИИ). Ф. 38. Оп. 1. Д. 66, 67, 68.

⁸ Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного Приказа) // Классика самарского краеведения: антология / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Вып. 2. Самара, 2006. С. 194, 195.

⁹ А СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 303–305, 312–314; Д. 68. № 793.

¹⁰ Там же. Д. 68. № 1414.

¹¹ Там же. Д. 68. № 795.

¹² Там же. Д. 68. № 796.

¹³ Там же. Д. 67. Л. 303–305, 312–314; Д. 68. № 793.

¹⁴ Зерцалов А. Материалы для истории Синбирска и его уезда. Приходо-расходная книга Синбирской приказной избы (1665–1667 гг.). Симбирск, 1896. С. 22, 40–44.

¹⁵ Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л., 1987. Гл. XVIII. Ст. 21. С. 94

¹⁶ АИ. Т. 5. СПб., 1842. № 89 С. 141.

¹⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1842. № 32. С. 77.

¹⁸ А СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 329.

¹⁹ АИ. Т. 4. СПб., 1842. С. 335.

- ²⁰ Там же. С. 376.
- ²¹ Там же. С. 357.
- ²² Невоструев К.И. Историческое обозрение Симбирска от первых времен его до возведения на степень губернского города. Симбирск, 1909. С. 13.
- ²³ АИ. Т. 5. СПб., 1842. № 89. С. 141.
- ²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. (Далее – ПСЗ-1). Т. 2. № 1065. С. 578
- ²⁵ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. 1923. С. 219.
- ²⁶ Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. С. 219
- ²⁷ Там же. С. 224.
- ²⁸ Там же. С. 224–227.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1155. Д. 2.
- ³⁰ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Далее – ОР РГБ). Ф. 22. Д. 128. Л. 172об. 173.
- ³¹ А СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 68. № 880.
- ³² Там же. № 630
- ³³ Самарская Лука в XVI–начале XX вв. /Ю.Н. Смирнов [и др.] Самара, 1995. С.26, 181– 185
- ³⁴ Гераклитов, А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. С. 227.
- ³⁵ Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 673. Оп. 1. Д. 55.
- ³⁶ Там же. Л. 7–9.
- ³⁷ А СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д.67. Л. 186
- ³⁸ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1193,1634,1646,1668,1745.

А.И. Натаров*

**Артиллерия Симбирско-Корсунской засечной черты
во второй половине XVII века***Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 10-01-00194а*

История отечественного крепостного строительства насчитывает свыше тысячи лет, причем по большей части русские оборонительные сооружения не уступали своим зарубежным аналогам. С момента появления на стенах русских городов артиллерии помимо естественных укреплений важную роль стали играть орудия, их защищающие.

В отечественной историографии имеются работы, посвященные как крепостному строительству¹, так и истории русской артиллерии². Однако оснащение крепостей артиллерией и численный состав артиллерийских расчетов изучен гораздо меньше, тем более практически отсутствуют работы по отдельным, даже крупным, крепостям. В данном докладе предпринимается попытка рассмотреть состав артиллерийского вооружения крепостей Симбирско-Корсунской черты второй половины XVII в.

При Иване IV был основан так называемый Пушкарский приказ, который заведовал артиллерийской и инженерной частями³. В течение двух веков количество и качество материальной части артиллерии продолжало стабильно расти. В донесениях воевод, составленных в середине XVII в., одновременно в 96 местах России насчитывается 2730 орудий; в это число не вошли орудия, находившиеся в Москве и в некоторых других местностях.

Русская артиллерия обслуживалась пушкарями, составлявшими особую группу ратных людей, численность которой неуклонно возрастала. Подьячий Посольского приказа в середине XVII в. Григорий Котошихин так писал о численности артиллеристов Москвы: «...А будет пушкарей и затинщиков и мастеровых всяких людей с 600 человек на Москве, кроме городовых»⁴.

В начале XX в. известный историк артиллерии А.А. Нилус писал: «со времени Михаила Федоровича до Петра Великого никаких серьезных улучшений в нашей артиллерии не произошло», — повторяя, по сути, вывод Н.Е. Бранденбурга о том, что в XVII столетии царил «полный произвол и неурядица» в изготовлении орудий. Многие современные историки полностью разделяют такое мнение, более основанное на априорных умозаключениях, чем на репрезентативной источниковой базе. Некоторые положения, в частности о «хаотичности» артиллерии XVII в., не будучи доказанными, приобрели характер «состоявшегося факта»; в свое время такого рода аксиомы переходили из одной работы в другую⁵.

Однако опубликованные источники свидетельствуют об обратном. Практически полностью можно восстановить состав артиллерии крепостей Симбирско-Корсунской засечной черты по «Расписному списку Симбирска 1670 г.», составленному вскоре после неудачной осады Симбирска

* © Натаров А.И. — аспирант кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

С. Разиным, а также по «Описи стольника Бестужева-Рюмина 1703 г.» Как писал историк русской артиллерии генерал-майор Бранденбург: «Наша древняя артиллерия XVI–XVII столетий состояла из железных, чугунных и в значительной степени преобладавших медных орудий (пищалей), имевших всевозможные виды, наименования, размеры и калибры. Определенной взаимной зависимости разных конструктивных данных или какой-либо регламентации, видимо, не существовало, и каждый пушечный мастер поступал по собственному усмотрению, назначая длину, толщину, наружные очертания, украшения и т. п. для изготавливаемых ими изделий. Отсюда бесконечное множество всевозможных вариантов, нередко поражающих своей аномалией в дошедших до нас памятниках; отсюда бесконечная номенклатура самих орудий, их прозвища разными собственными и нарицательными именами и т. д.»

Несмотря на это замечание известного историка артиллерии, преобладали в Симбирской крепости железные орудия. К.С. Носов делит русскую артиллерию в XVI–XVII вв. лишь на так называемую медную (из литой пушечной бронзы) и железную, к последним относя как железные кованые, так и чугунные литые орудия. В XVII в. старые «медные» орудия постепенно вытесняются железными. Первых становится все меньше, а вторых – все больше⁶.

Всего на вооружении крепости стояло три медных пушки, восемнадцать железных пушек, пять затинных пищалей. Из них: 2-пудовых – 2; 27-пудовых – 4; 28 – 4; 61-пудовая – 1; 64-пудовая – 1; 66-пудовая – 1; 72-пудовая – 1; 74-пудовая – 1; 76-пудовая – 2; 79-пудовая – 1⁷. Номенклатура боеприпасов была невелика: ядра весом 2, 3 и 8 гривенок. Исключение составляли вестовая медная пушка – 6 гривенок и железная пушка на средней башне от Волги – 9 гривенок. То есть защитники крепости не испытывали особых проблем с разнотипностью орудий, на которые указывали Бранденбург и Нилус.

Равномерное распределение орудий по стенам и башням в русских крепостях встречалось очень редко, Симбирск в этом отношении не является исключением. К.С. Носов отмечает общую тенденцию концентрировать орудия в башнях, и в первую очередь в воротных башнях⁸. Наибольшее количество артиллерийских стволов защищало угловую башню у Мясного ряда – пять, наименьшее – среднюю от Свяги – две. В двух наиболее важных местах оборону усиливали еще три пушки, установленные на стенах крепости. Особенности расположения орудий обуславливаются естественными препятствиями, защищающими Симбирск: с востока и запада – Волга и Свяга, на юге – склоны горы и обширные заливные луга, а с севера – глубокие овраги и речка Синбирка⁹.

К сожалению, в источниках не указано количество артиллерийских расчетов, но эти данные можно восстановить путем сопоставительного анализа. Трудно сказать, каково было точное число пушкарей и затинщиков (служилые люди, которые действовали затинными пищалами¹⁰). Во второй четверти XVII в. Пушкарскому приказу было подчинено в 82 городах 3573 человека, собственно пушкарей и затинщиков – 2264, из них в Москве – 318¹¹.

По описям второй половины XVII в. нам известно, что в 140 крепостях страны (не считая Москвы и сибирских городов) находилось около 4000 орудий¹². При внесении поправки на разнесенность по хронологии этих данных все равно приходится порядка одного пушкаря или затинщика на одно орудие.

По расчетам Носова и Зарощинской, каждую пушку, пищаль и тюфяк обслуживали обычно два пушкаря, затинную пищаль — один затинщик. В общем случае при расчете необходимого для крепости гарнизона число затинщиков должно равняться числу пищалей, а число пушкарей должно превосходить число пушек, тюфяков и прочих пищалей в два раза. Меньшее количество пушкарей и затинщиков могло свидетельствовать о том, что гарнизон крепости был недоукомплектован и она была плохо подготовлена к обороне¹³. Таким образом, в среднем в Симбирске должно было находиться примерно 42 пушкаря и 5 затинщиков — порядка 50 служилых людей, занятых лишь поддержанием боеготовности артиллерии.

Что касается боеприпасов, то их в крепости даже после осады С. Разиным оставалось достаточно много: 13 пудов и 2 гривенки пороха пушечного и ружейного, свинцовых ядер мелких и крупных 25 гривенок, свинцовой дробы 14 пудов 13 гривенок, железной — 22 пуда.

Другой более поздний источник — «Опись стольника Бестужева-Рюмина 1703 г.» — дает интересные материалы, показывающие существенное увеличение количества орудий в Симбирске, где стало 39 медных и железных пушек. Также к ним имелось 1299 ядер разного калибра, 34 затинные пищали в ложах и 189 горелых, 47063 пуль для затинных пищалей и 90 пудов железной дробы¹⁴.

Для обслуживания такого количества требовалось как минимум 78 пушкарей и 34 затинщика, т. е. уже свыше 110 артиллеристов.

По списку 1703 г. воеводы Бестужева-Рюмина можно воссоздать артиллерийское вооружение, количество боеприпасов в арсеналах других крепостей засечной черты. Это два города по терминологии того времени — Корсун и Аргаш, три пригорода — Юшанск, Тагаев и Уренск, наконец, остроги: Малый Корсунов, Сокольский, Тальский и Сурский.

Сурский острог, ныне с. Первомайское Инзенского района. В нем находилась медная пушка, к ней 10 ядер. В арсенале имелось 2 пуда пушечного пороха и 3 пуда свинца. Для обслуживания орудия требовалось как минимум 2 пушкаря. К сожалению, более ранние сведения по артиллерийскому вооружению отсутствуют¹⁵.

В городе Аргаш (ныне одноименное село) имелись 2 железные пушки с 54 ядрами и 5 затинных пищалей с 73 ядрами. Кроме того, 83 средних ядра, пороха для ручного оружия — 5 пудов, 2 пуда 30 фунтов свинца, 6 стволов мушкетных, дробовых свинцовых пуль — 30 фунтов¹⁶. Здесь численность артиллерийской прислуги могла достигать почти десятка человек: 4 пушкарей, 5 затинщиков.

Следующей крепостью Засечной черты был пригород Тальский, расположенный вблизи с. Чамзинское. В нем состояло по 2 железных пушки и затинные пищали. Боеприпасов имелось 104 больших, 24 средних и 35 (вероятно мелких) ядер, кроме того, по пуду пушечного пороха и свинца¹⁷. Таким

образом, численность артиллерийских расчетов можно оценить примерно в 6 человек: 4 пушкарей и 2 затинщиков.

Сокольский острог так и не был достроен. Описания его вооружения нет в расписных списках XVIII в.¹⁸

Далее по черте располагался пригород Малый Корсунов, в нем имелось на вооружении, так же как и в Тальском пригороде, по 2 железные пушки и затинные пищали. В арсенале находились 30 пушечных ядер, пуд железной дроби, 3 пуда 5 фунтов пушечного пороху¹⁹.

В городе Большой Корсунов (р. п. Корсун²⁰) на вооружении стояли 2 затинные пищали, имелись следующие боеприпасы: 5 пудов 17 фунтов пушечного пороха, пуд 17 фунтов пороха для ручного оружия, 3 пуда свинца, 4 пуда фитиля, 331 пуля для затинных пищалей. Двое затинщиков — по одному на пищаль. Однако нужно отметить, что, вероятно, эти сведения неполные в связи с существенно меньшим количеством артиллерии в сравнении с другими городами — Симбирском (39 пушек и 34 затинные пищали) и Аргашем (2 пушки и 5 затинных пищалей).

Пригород Уренск (вблизи с. Базарный Урень) был оснащен 4 затинными пищалами, имел 2 пуда 16 фунтов пушечного пороха, 205 пуль дроби, 9 пудов фитиля²¹. 4 затинные пищали означали наличие как минимум 4 затинщиков.

В пригороде Тагаев, ныне село Тагай, было 2 затинные пищали, однако, вероятно, как и в других двух пригородах, в нем имелись еще и железные пушки, скорее всего, не менее двух. В арсенале — 2,5 пуда пушечного пороха и 23 пули дроби²². Двое затинщиков — по одному на пищаль.

Острог Юшанск был вооружен 2 затинными пищалами, из боеприпасов имелось лишь полпуда свинца²³. Можно предположить, что обслуживанием обеих пищалей занималось, как минимум, 2 затинщика.

Можно сделать вывод, что обезопасить от внезапных и быстрых нападений татар, не имевших артиллерии, могли такие небольшие деревоземляные крепости, какими были крепости Засечной черты, при условии наличия достаточного количества артиллерии и боеприпасов.

Гарнизон Симбирска оказался достаточно силен, чтобы отбить нападение разинцев, под ударами которых пали другие волжские крепости. Вооруженный менее чем 30 артиллерийскими стволами город являлся относительно слабым в оборонительном отношении, однако вполне удовлетворительно выполнял свои функции в течение более чем полувека.

С течением времени количество пушек и затинных пищалей в Симбирске выросло более чем в два раза, что позволяет предположить пропорциональный рост количества артиллеристов. За отсутствием данных трудно сказать о динамике изменения численности пушкарей и затинщиков других укрепленных пунктов.

Большинство орудий Симбирска были однотипными по применяемым боеприпасам. В арсеналах находилось достаточное количество пороха, ядер и картечи. Фортификационные сооружения города удачно вписывались в окружающую местность и позволяли концентрировать огонь артиллерии именно на наименее защищенных участках местности.

Другие города, пригороды и остроги Засечной черты были вооружены меньшим количеством орудий, преобладали там в основном затинные пищали, а также имелись достаточные запасы ядер, дробы (картечи), фитилей, пороха пушечного и для ручного оружия. Количество пушек зависело от численности гарнизона и важности самой крепости.

Примечания

¹ Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988; Носов К.С. Особенности русского оборонного зодчества XVII в.: бык и роскат // Альманах центра общественных экспертиз. Вып. 1. Апрель 2008; Иванов Ю.Г. Старинные крепости России. Смоленск, 2004; и др.

² 500-летие русской артиллерии (1389–1889). СПб., 1889; Нилус А. История материальной части артиллерии. СПб., 1904; и др.

³ Яковлев В.В. История крепостей. М., 2000. С. 73.

⁴ Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956. С. 10–12.

⁵ Лобин А.Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича (1613-1645 гг.) // Исследования по истории средневековой Руси: сб. ст. в честь 80-летия Ю.Г.Алексеева. М., 2006.

⁶ Носов К.С., Зарощинская Н.О. Артиллерийское вооружение русских крепостей XVI–XVII вв. // Альманах центра общественных экспертиз. Вып. 2. Декабрь. 2008. С. 177.

⁷ Гуркин В.А. Симбирская черта. М.; Ульяновск, 2000. С. 41–45.

⁸ Носов К.С., Зарощинская Н.О. Артиллерийское вооружение русских крепостей XVI–XVII вв. С. 182.

⁹ Мальцева С.М. Симбирская черта // Самарский земский сборник. Вып. 1 (7). 2003. С. 10.

¹⁰ 500-летие русской артиллерии (1389–1889). С. 21.

¹¹ Там же. С. 22.

¹² Епифанов П.П. Войско // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М., 1979. С. 254.

¹³ Носов К.С., Зарощинская Н.О. Артиллерийское вооружение русских крепостей XVI–XVII вв. С. 181.

¹⁴ Лебедев В.И. Города, пригороды и остроги оборонительных черт Пензенского края на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам ЦГАДА) Из истории области. Очерки краеведа. Пенза, 1992. Вып. 3. С. 35.

¹⁵ URL:<http://simbir-archeo.narod.ru/Russian/17vek/simbir.line/Surski.htm>.

¹⁶ URL: <http://www.simbir-archeo.narod.ru/Russian/17vek/simbir.line/Argash1.htm>.

¹⁷ URL: <http://www.simbir-archeo.narod.ru/Russian/17vek/simbir.line/Talskiy1.htm>.

¹⁸ URL: <http://www.simbir-archeo.narod.ru/Russian/17vek/simbir.line/Socolskiy1.htm>.

¹⁹ URL: <http://www.simbir-archeo.narod.ru/Russian/17vek/simbir.line/MCarsun1.htm>.

²⁰ Сурская правда. 6 мая 1999. № 51.

²¹ URL: <http://www.simbir-archeo.narod.ru/Russian/17vek/simbir.line/Urenskiu1.htm>.

²² URL: <http://www.simbir-archeo.narod.ru/Russian/17vek/simbir.line/Tagaiy1.htm>.

²³ URL: <http://www.simbir-archeo.narod.ru/Russian/17vek/simbir.line/Yushanskiy.htm>.

С.В. Белоусов*

ОБ УЧАСТИИ УРОЖЕНЦЕВ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ

В преддверии 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. одной из важнейших проблем, стоящих перед исследователями, является изучение персонального состава участников боевых действий и, в частности, выявление имен офицеров и солдат русской армии, принимавших участие в Бородинском сражении¹.

В данной публикации содержатся сведения о 14 жителях Симбирской губернии, которые сражались с наполеоновской армией на Бородинском поле. Источником для написания статьи послужили формулярные и послужные списки офицеров и унтер-офицеров ряда полков русской регулярной армии, обнаруженные в Ф. 489 Российского государственного военно-исторического архива. Их особенностью является то, что они составлялись в 1812–1815 гг. и, естественно, на основе содержащихся в них данных невозможно представить, как сложилась дальнейшая судьба этих людей.

Четверо симбирских дворян участвовали в Бородинском сражении, находясь в обер-офицерских чинах. Василий Афанасьевич Пилюгин (ок. 1778–?) поступил на военную службу в феврале 1798 г. и зачислен унтер-офицером в Екатеринославский кирасирский полк. С этим полком была связана вся его дальнейшая военная карьера. В чине поручика он принимал участие в военной кампании с наполеоновской Францией 1806–1807 гг. Сражался при Насельске, Пултуске, Гуттштадте, Гейльзберге, Фридланде. В начале Отечественной войны 1812 г. Пилюгин уже штабс-ротмистр. 4–5 августа в составе полка он участвовал в обороне Смоленска. Накануне Бородинской битвы сражался у Шевардинского редута. При Бородино екатеринославские кирасиры находились на левом фланге русской армии и не раз ходили в атаку на пехотные колонны и кавалерию противника в районе д. Семеновской и Багратионовых флешей. За храбрость, проявленную в сражении, Пилюгин был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Затем он сражался при Тарутино, Малом Ярославце, Вязьме. За отличие, оказанное при Красном, получил орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. Пилюгин принимал участие в заграничных походах русской армии. В 1813 г. он сражался при Люцене, Бауцене, Рейхенбахе, Дрездене, Теплице, Кульме (за отличие получил золотую шпагу с надписью «За храбрость»), Лейпциге (награжден орденом Св. Анны 2-й степени). В 1814 г. Пилюгин принимал участие в сражениях при Бриене, Бар-сюр-Обе, Труа, Лабрусселе, Арси, Фер-Шампенуазе, находился при взятии Парижа. За отличие в сражении при Труа он был произведен в ротмистры².

В Бородинском сражении в составе 33-го егерского полка 11-й пехотной дивизии принимали участие поручики Ф.С. Малаев и Г.М. Шемановской.

* © Белоусов С.В. — доктор исторических наук, профессор Пензенского государственного педагогического университета, 2010

Федор Семенович Малаев (ок. 1790 — ?) происходил из дворян Симбирского уезда. 11 ноября 1806 г. он поступил на военную службу подпрапорщиком в лейб-гренадерский полк. В 1807 г. Малаев участвовал в сражениях против французов при Гуттштадте, Гейльзберге и Фридланде. За проявленную храбрость был удостоен Знака отличия Военного ордена Св. Георгия. В сентябре 1808 г. он был переведен прапорщиком в Литовский мушкетерский (с 1810 г. — 33-й егерский) полк, в составе которого принял участие в русско-шведской войне 1808–1809 гг. Во время Отечественной войны Ф.С. Малаев, произведенный в апреле 1812 г. в поручики, сражался при Витебске, Смоленске, Гжатске. В Бородинской битве он получил тяжелое ранение картечью в правое плечо и больше в боевых действиях уже не участвовал³. В отличие от своего однополчанина выходец из дворян Симбирской губернии Григорий Петрович Шемановской (?–?) не имел боевого опыта, хотя на военную службу и поступил еще в апреле 1803 г. в Троицкий гарнизонный батальон портупей-юнкером. В 33-й егерский полк он был переведен лишь накануне Отечественной войны 1812 г. и произведен в поручики. Он, как и Малаев, принимал участие в сражениях при Витебске, Смоленске, Бородино, а также сражался при Вороново, Малом Ярославце и Вязьме⁴.

Василий Дмитриевич Дмитриев (ок. 1790 — ?), происходивший из дворян Симбирского уезда, где за ним числилось 50 душ крестьян, в 1812 г. служил прапорщиком в 18-м егерском полку. Поступив на военную службу еще в 1807 г., он принял боевое крещение только в сражении под Смоленском. В Бородинской битве Дмитриев участвовал в знаменитой контратаке русских войск на батарею Раевского, в ходе которой высота и находившееся на ней укрепление были отбиты у французов, а бригадный генерал Бонами захвачен в плен. Вскоре после Бородинского сражения Дмитриев был переведен в 33-й егерский полк и в его составе сражался при Вороново, Малом Ярославце и Вязьме, где был ранен «в левую руку повыше локтя». За отличие в войне 1812 г. он был произведен в подпоручики и награжден орденом Св. Анны 3-й степени⁵.

В центре Бородинского поля, отбивая атаки французов на батарею Раевского, сражалась 7-я конно-артиллерийская рота полковника А.П. Никитина. Постоянно находясь на линии огня, в течение дня рота потеряла значительную часть своих людей: убитыми 10 «нижних чинов», ранеными 1 штаб-, 8 обер-офицеров и 33 «нижних чинов»⁶. Отрадно отметить, что в ее составе сражался и выходец из солдатских детей г. Сызрани М.И. Семенов. Михаил Иванович Семенов (ок. 1786 — ?) поступил на военную службу фейерверкером 4-го класса во 2-й конно-артиллерийский батальон. В августе 1806 г. он был переведен в 9-ю артиллерийскую бригаду, в составе которой принимал участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. и военной кампании с наполеоновской Францией 1807 г. Семенов находился при осаде крепости Хотин, сражался под Остроленкой. За храбрость, проявленную при занятии неприятельского лагеря у селения Грабово, награжден Знаком отличия Военного ордена Св. Георгия под № 8780. В начале Отечественной войны Семенов служил фейерверкером 2-го класса 7-й конно-артиллерийской роты. Он принимал участие в сражениях под Бешенковичами и Витебском, Смо-

ленском, в арьберггардных боях при Андреевке, Поречье, Лешне, Руднево, Гедеонове, Гжатске, Гридино, Колоцком монастыре, сражался при Бородино, Тарутино, Малом Ярославце, Красном. В 1813 г. Семенов участвовал в сражениях при Калише, Весенфельде, Люцене, Бауцене, Герлице, Гольдберге, Дрездене, Пирно, Петерсвальде, Лейпциге. В июне 1813 г. он был произведен в прапорщики и за отличие в сражениях награжден орденом Св. Анны 3-й степени⁷.

Гаврила Александров (ок. 1788 – ?), выходец из экономических крестьян Сызранского уезда, поступил на военную службу по рекрутскому набору 17 июня 1806 г. и был зачислен в 6-й егерский полк. В июле 1810 г. он был произведен в унтер-офицеры. Бородинское сражение оказалось для него первым, в котором он принял участие. В сентябре 1812 г. Александров был переведен в Астраханский гренадерский полк. Он участвовал в заграничных походах русской армии, сражался при Люцене, Бауцене, Лейпциге, был награжден Знаком отличия Военного ордена Св. Георгия под № 28635⁸.

В составе Сибирского гренадерского полка в Бородинском сражении принимали участие еще два уроженца Симбирской губернии Савелий Ульянов и Федор Петров. Савелий Ульянов (ок. 1787 – ?) происходил из помещичьих крестьян графа Орлова Симбирской губернии. Федор Петров (ок. 1781 – ?) также являлся крепостным графа Орлова и проживал в с. Жигули Самарского уезда. Оба поступили на военную службу по рекрутскому набору в 1805 г. и зачислены в Сибирский гренадерский полк. Причем Федор Петров к этому моменту уже был женат. Оба участвовали в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., находились при осаде Журжи, Силистрии, Шумлы, Рущюка. К началу Отечественной войны Савелий Ульянов уже был произведен в унтер-офицеры. 5 августа 1812 г. Ульянов и Петров принимали участие в обороне Смоленска. 24 августа они находились «в действительном сражении против французов» при д. Шевардино. Полки 2-й гренадерской дивизии, куда входил и Сибирский гренадерский полк, были введены в бой около 7 часов вечера. Поручик Симбирского пехотного полка Д.В. Душенкевич так описывал этот эпизод сражения: «Гренадеры, пред полками коих священники в облачении, с крестом в руках, шли истинно в страх врагам – геройски, у каждого в глазах сверкала слеза чистой веры, а на лице готовность сразить и умереть. Едва поравнялись они с батареею, как у всех нас настал штыковой бой; то опрокидывали мы штыками, то артиллерия и кавалерия французские атаквали нас. Это не сражение, но сущее побоище тут происходило»⁹. Через день, 26 августа, сибирские гренадеры сражались у Багратионовых флешей и участвовали в знаменитой контратаке русских войск на укрепления, когда флешы были отбиты у французов. В своем рапорте Александру I М.И. Кутузов писал, что «полки Астраханский, Сибирской и Московский, построясь в сомкнутые колонны под командою генерал-майора Бороздина, с стремлением бросились на неприятеля, который был тотчас сбит и прогнан до самого леса с большим уроном. Таковой удар был с нашей стороны не без потери. Генерал-майор принц Мекленбургский Карл ранен, Ревельского пехотного полка шеф генерал-майор Тучков 4-й был убит. Московского гренадерского полка полковник Шатилов получил жестокою рану, Астраханского гре-

надерского полка полковник Буксгевден, несмотря на полученные им три жестокие раны, пошел еще вперед и пал мертв на батарее с многими другими храбрыми офицерами»¹⁰. После Бородинской битвы Ульянов и Петров сражались при Чириково, Воронове, на р. Чернышне, Малом Ярославце, Красном. В 1813–1814 гг. они принимали участие в сражениях при Люцене, Бауцене, Лейпциге, Шатобриене, Арси, находились при взятии Парижа. За проявленную храбрость унтер-офицер Савелий Ульянов был награжден Знаком отличия Военного ордена Св. Георгия под № 28713, а Федор Петров в ноябре 1814 г. произведен в унтер-офицеры¹¹.

Еще трое уроженцев Симбирской губернии сражались при Бородино в составе Таврического гренадерского полка. Это выходец из новокрещеной мордвы с. Рождественского Ставропольского уезда Семен Алексеев (ок. 1780 – ?), бывший крепостной помещика Мотовилова с. Репьевки Сызранского уезда Яков Агафонов (ок. 1779 – ?) и выходец из крестьян графа Орлова с. Нового Тукшуна Сенгилеевского уезда Филипп Андреевич Корягин (ок. 1788 – ?). Семен Алексеев и Яков Агафонов принимали участие в военных кампаниях с наполеоновской Францией 1806–1807 гг. Сражались под Голомином, при Прейсиш-Эйлау, Вольфсдорфе, Гейльзберге, Фридланде. В начале Отечественной войны 1812 г. Таврический гренадерский полк входил в состав 1-й гренадерской дивизии 3-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. Алексеев, Агафонов и Корягин участвовали в боях под Витебском и в Смоленске. На Бородинском поле таврические гренадеры были посланы для поддержки егерей князя И.Л. Шаховского и сражались в районе Утицкого леса. В дальнейшем они сражались при Малом Ярославце и Красном. В 1813–1814 гг. Алексеев, Агафонов и Корягин еще не раз встречались с французами на поле боя. Они участвовали в сражениях при Люцене, Кенигсварте, Бауцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге, Бриене, Арси, Париже. После окончания боевых действий все трое были произведены в унтер-офицеры, а Семен Алексеев за проявленную в сражениях храбрость удостоен Знака отличия – Военного ордена Св. – Георгия под № 38391¹².

Выходец из дворовых людей помещика генерала Алексева д. Сычевки Карсунского уезда Николай Герасимович Тургенев (ок. 1786 – ?) в 1812 г. служил в Глуховском кирасирском полку. Он поступил на военную службу по рекрутскому набору в ноябре 1810 г. Принимал участие в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. Сражался при Бородино, Малом Ярославце, Вязьме, Красном. В апреле 1813 г. Тургенев был произведен в унтер-офицеры. Участвовал в сражениях при Люцене, Бауцене, Рейхенбахе, Дрездене, Лейпциге, Бриене¹³.

Трофим Зеленцов и Иван Ковалев служили в Мариупольском гусарском полку. Трофим Иванович Зеленцов (ок. 1786 – ?) происходил из крестьян малолетних детей князей Баратаевых Сызранского уезда. Иван Павлович Ковалев (ок. 1786 – ?) был выходцем из помещичьих крестьян Слободы Макрушиновой Ардатовского уезда. Оба поступили на военную службу по рекрутскому набору в 1804 г. и приняли участие в кампании против наполеоновской Франции 1805 г. Они сражались при Штремберге, Амштеттене и Аустерлице. В июле 1809 г. Зеленцов был произведен в унтер-офицеры. В на-

чале Отечественной войны 1812 г. Мариупольский гусарский полк входил в состав 3-го резервного кавалерийского корпуса и неоднократно участвовал в арьергардных делах. В формулярных списках Зеленцова и Ковалева отмечалось, что они находились в сражениях «июня 23-го при удержании неприятеля на реке Десне под местечком Козьянами, июля 13-го под Бешенковичем, 15-го при Витебске, августа 6, 7, 8 и 9-го под Смоленском и при отступлении от оною, с 9 по 16-е в ежедневных перестрелках при ретираде, 23 и 24-го при ретираде до Бородинского укрепления». Причем оба за храбрость, проявленную при обороне Смоленска и арьергардных боях, получили знаки отличия Военного ордена Св. Георгия. В Бородинской битве мариупольские гусары не раз ходили в кавалерийские атаки на обширном пространстве между батареей Раевского и д.Семеновской. В дальнейшем Зеленцов и Ковалев находились в отряде при взятии Верейских укреплений, сражались при Малом Ярославце и Красном. 26 июня 1813 г. Зеленцов был произведен в мл. вахмистры. В 1813–1814 гг. гусары принимали участие в сражениях при Кацбахе, Лейпциге, Сен-Дизье, Бриен-ле-Шато, Мо, Краоне, Лаоне, Фер-Шаменуазе. После окончания военных действий Зеленцов получил чин ст. вахмистра, а Ковалев сначала произведен в унтер-офицеры, а затем и в мл. вахмистры¹⁴.

Таким образом, выявление в РГВИА формулярных списков офицеров и «нижних чинов» русской регулярной армии содержит ценный биографический материал, позволяющий представить боевой путь участников Бородинского сражения – уроженцев Симбирской губернии. Мы рассказали лишь о 14 из них. Конечно, их количество гораздо больше. В частности, Д.Г. Целорунго сообщает о 40 рядовых солдатах, в графе о месте происхождения которых значится Симбирская губерния¹⁵. Работа по выявлению имен участников Бородинского сражения будет продолжена, и надеемся, что вскоре появятся новые публикации на эту тему.

Примечания

¹ См., например: Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: историко-социологическое исследование. М., 2002; Бессонов В.А. Калужане – участники Бородинского сражения (по материалам Государственного архива Калужской области) // Бородино и наполеоновские войны: Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003. С.65–75; Белоусов С.В. «Недаром помнит вся Россия...»: Пензенцы – участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии. Пенза, 2004; Бессонов В.А., Добычина М.А., Иванов В.А. Малоярославчане – участники антинаполеоновских войн // Отечественная война 1812 года и российская провинция. События. Люди. Памятники: матлы XII Всеросс. науч. конф. Малоярославец, 2004. С. 152–175; Рахимов Р.Н. Дворяне Оренбургской губернии – участники Бородинской битвы // Бородино в истории и культуре: материалы Международной научной конференции (Бородино, 7-10 сентября 2009 г.). Можайск, 2010. С. 64–73.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 2174. Л. 10об-12.

³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1810. Л. 15об-16.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л.20об-21.

⁶ Бородино: Документальная хроника / сост. А.М.Валькович, А.П.Капитонов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 354.

⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 4 225. Л. 20об-21.

⁸ Там же. Д. 1137. Л. 91об-92.

⁹ Душенкевич Д.В. Из моих воспоминаний от 1812 до 1815 года // 1812 год в воспоминаниях современников. М.: Наука, 1985. С. 114.

¹⁰ Бородино. Документы, письма, воспоминания / сост. Р.Е. Альтшуллер [и др.] М.: Наука, 1962. С. 137.

¹¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7293. Л. 53об-54, 66об-67.

¹² Там же. Д. 1245. Л. 70об-71, 79об-80, 80об-81.

¹³ Там же. Д. 2159. Л. 92об-93.

¹⁴ Там же. Д. 2298. Л. 78об-79, 90об-91.

¹⁵ Целорунго Д.Г. Социальный облик рядовых солдат 1-й и 2-й Западных армий // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: мат-лы XV Международной науч. конференции (Бородино, 9–11 сентября 2008 г.). Можайск, 2009. С. 215.

Г.Ю. Пяткова*

ЛЕГКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1921–1925 гг.)¹

В Самарской губернии, одной из губерний Среднего Поволжья, до октябрьского вооруженного восстания в Петрограде 1917 г. мелкое крестьянское земледельческое хозяйство являлось преобладающей формой в ее экономическом развитии. Объем местной промышленности зависел от наличности сырья, которое давало сельское хозяйство². В указанное время сельское хозяйство давало 79 %, а промышленность – 21 % валовой продукции против 58 % и 42 % по стране в целом. Легкая промышленность Самарской губернии была представлена небольшими предприятиями, занятыми обработкой кожевенно-мехового сырья и шерсти. Отсутствие фабричного производства одежды и обуви, а также рост населения города Самары способствовали их кустарному выпуску, и из 4,5 тысячи кустарей и ремесленников Самары около 50 % занимались производством одежды и обуви. В период же первой мировой войны возросла выработка кожевенно-меховых и швейных изделий с целью снабжения войск. И в Самаре возникло несколько швейных мастерских³.

После семи лет мировой и гражданской войн, сокративших численность населения России на 10887 тыс. человек и производство в крупной промышленности в 1920 г. до 14,6 %⁴, страна переходила к мирной жизни и нуждалась в восстановлении разрушенного хозяйства. С 1918 по 1920 гг. большинство крупных, средних и даже мелких промышленных предприятий в стране были национализированы, а решением правительства от 1 марта 1919 г. были объявлены государственной собственностью. И если на 20 января 1919 г. в ведении кожевенного отдела «Губкож» Самарского Губернского Совета Народного Хозяйства (ГСНХ)⁵ находилось четыре национализированных кожевенных предприятия: два кожевенных завода, лайковый завод и овчинный завод с общим числом рабочих и служащих 117 человек⁶, то на 1 января 1921 г. находилось уже 72 предприятия и производства, в том числе: 29 кожевенных, 15 овчинных, 15 обувных, 11 шорных и 2 раскройно-посадочных. На 27 января 1919 г. в ведении отдела «Губтекстиль» Самарского ГСНХ значились в числе четырех национализированных предприятий г. Самары: ватная фабрика, закройная мастерская, швейная мастерская № 1 и швейная мастерская № 2 с общим числом рабочих и служащих 219 человек⁷. В ведении отдела «Губодежды» Самарского ГСНХ на 1 апреля 1921 г. находились предприятия, относящиеся к мелкой швейной промышленности: закройная мастерская, швейная мастерская № 3, швейная мастерская № 4, швейная мастерская № 5, швейная мастерская № 6, швейная мастерская № 7 и мастерская при женском монастыре с общей численностью работающих 385 чел.⁸ Руководство и контроль за деятельностью национализирован-

* © Пяткова Г.Ю. – старший преподаватель кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики, 2010

ных государственных предприятий легкой промышленности возлагались на Самарский ГСНХ⁹.

В мае 1921 г. в Поволжье и ряде губерний Центра началась засуха, уничтожившая посевы. Неурожай и голод 1921—1922 гг. подорвали промышленность Самарской губернии. Здания фабрик и заводов, не ремонтировавшиеся свыше 10 лет, пришли в ветхость, оборудование устарело. Не хватало топлива, сырья, инструментов. Производственные возможности предприятий были невелики. Губерния испытывала острую нужду в квалифицированных кадрах и опытных руководителей производства¹⁰. В промышленности Среднего Поволжья к 1921 г. усилился финансово-экономический кризис, вызванный как объективными причинами гражданской войны и иностранной интервенции, так и допущенными ошибками в промышленной политике¹¹ правящей партии большевиков. И советское государство под воздействием обстоятельств первостепенное значение придало основным мероприятиям, направленным на укрепление и развитие промышленности¹².

Способствовать кооперативному строительству во всех его видах должен был Декрет СНК РСФСР от 17 мая 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности»¹³.

Истощенные запасы сырья, топлива и скудные финансовые возможности не позволяли советскому государству снабжать ими предприятия промышленности. И 5 июля 1921 г. был принят декрет «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных ВСНХ». Самарский ГСНХ оставил в своем ведении 125 предприятий с 9345 рабочими и служащими, остальные 275 предназначались для сдачи в аренду¹⁴. Период наибольшего развития аренды пришелся на 1922—1925 гг., и по состоянию на 1924 г. доля частных предприятий составила в кожевенной отрасли 19 %. Во всех отраслях наиболее распространена была краткосрочная аренда (от трех до пяти лет). Исключения составляли крупные предприятия¹⁵. Данные на 1 января 1923 г. говорят о том, что в Самарской губернии было сдано в аренду 21 предприятие¹⁶. НЭПу дал старт «Наказ Совета Народных Комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики», который был утвержден СНК 9 августа 1921 г.¹⁷ «Наказ» обязывал Госплан провести в кратчайший срок отбор основных жизнеспособных предприятий и отдельных отраслей промышленности, выявить отдельные ударные направления для решающих производств и отраслей хозяйства¹⁸, т. е. основные производства должны были развиваться на дореволюционной основе.

Давая точное определение того, какие предприятия остаются на государственном снабжении, IX Всероссийский съезд Советов, проходящий в декабре 1921 г., указал, что речь идет в первую очередь о тех отраслях крупной промышленности, «продукция которых служит для обеспечения снабжения армии или для восстановления основных отраслей хозяйства республики (военная промышленность, минеральное топливо, металлургия и т. д.)»¹⁹.

Так, в 1921 г. органы советской власти своими решениями и указаниями утвердили основы осуществления политической стратегии правящей партии большевиков в области промышленности на переходный период.

И в результате реорганизации промышленности, осуществленной за полтора года, появились трестированная промышленность и нетрестирован-

ные производства²⁰. Государственная промышленность организовывалась в виде трестов-объединений. Трестирование предприятий несло в себе плановое начало их производственной деятельности. Оно проходило под руководством ВСНХ и местных совнархозов на основе постановления СТО от 12 августа 1921 г.²¹ Организация трестов обеспечивалась центральным финансированием, но они привязывались сначала к главам, потом к синдикатам, обладавшим реальным правом распоряжения сырьем, реализацией продукции и средствами предприятий, которые становились зависимыми от центральных структур. Прибыли предприятий отчислялись в СНХ. Но государственных средств хронически не хватало²².

В промышленности в 1922 г. в целом по стране были проведены глубокие рыночные преобразования: начал использоваться коммерческий кредит, стали практиковаться натуральные выплаты за более производительный труд, была установлена прямая связь между качеством работы и денежной оплатой, повсеместно установлена сдельная оплата труда при постепенном увеличении денежной составляющей.

Вся система промышленного кредитования была нацелена на первоочередное кредитование государственной промышленности, которую обслуживали все Госбанки. Частную же промышленность обслуживали только исключительно слабые общества кредита²³.

В Самарской губернии в связи с гражданской войной и необходимостью массового пошива обмундирования для РККА была вновь организована швейная промышленность²⁴. К зиме 1922 г. в результате объединения швейных мастерских № 7, № 2 и закройной мастерской образовалась мастерская № 2, которая и стала швейной фабрикой, а в бывшей швейной мастерской № 7 была организована мастерская № 3 для пошива гражданской одежды²⁵. Таким образом, в 1922 г. произошла трансформация швейной отрасли в ее новое качество — была образована швейная фабрика на основе мелких швейных мастерских и закройного цеха. В связи с окончанием войны пошив для армии сократился и было организовано два предприятия: «Швейпром», вырабатывающий гражданскую одежду, а также специальную одежду для различных учреждений и предприятий с целью извлечения коммерческой прибыли, и «Красная звезда», обслуживающая исключительно нужды военного ведомства²⁶. Фабрике «Швейпром», находящейся в 1923–1924 гг. в составе предприятий, относящихся к Самарскому областному отделению Всероссийского Синдиката швейной промышленности (Синдшвейпром), как и всей легкой промышленности Самарской губернии, предстояло приспособить свое производство к потребностям потребителя, т. е. перейти на рыночные рельсы. Этому способствовало постановление «О свободной реализации продуктов предприятиями», снятыми с государственного снабжения, принятого в свете вышеназванного «Наказа»²⁷.

В результате перевода «Губупркож» при Самарском ГСНХ на хозяйственный расчет в качестве организационной формы местной кожевенной промышленности выступало Государственное объединенное управление кожевенной промышленности Самарской губернии (с сокращенным наименованием «Самкожтрест»), образованное 1 февраля 1922 г.²⁸ Трест должен

был осуществлять свою деятельность в соответствии с новой экономической политикой, введенной советским государством, что привело к сокращению кожевенных производств, связанных прежде с выполнением военных заказов для Красной Армии²⁹. Кожевенные производства, не вошедшие в «Самкожтрест», передавались в ведение уездных исполнительных комитетов (УИК) губернии³⁰.

Производственная программа «Самкожтреста» носила изменчивый характер и зависела от производственных и планово-рыночных факторов³¹, выполнение же производственной программы предприятиями «Самкожтреста» зависело от обеспечения их сырьем, топливом и материалами³². И трест, опираясь на государственную поддержку, построил государственные предприятия, входящие в его ведение, в новые рыночные условия³³.

Однако в конце 1924 г. местные хозяйственные органы³⁴ и Президиум Самгубисполкома рассматривали, обсуждали и решали вопрос о реорганизации Управления кожевенной промышленности Самарской губернии³⁵, в результате чего Президиум 11 декабря 1924 г. постановил: кожуправление упразднить; обувная фабрика сохраняется как самостоятельная единица; кожзавод с овчинным цехом образуют единое заводоуправление, а общее регулирующее руководство ложилось на Управление предприятий ОМХ³⁶, задачей которого становилось развитие кожевенной промышленности с учетом наличия сырья в губернии³⁷. Обувная фабрика и кожзавод с овчинным цехом представляли государственный сектор в кожевенной промышленности губернии³⁸.

В связи с ликвидацией «Самкожтреста» бывшие его предприятия, вступая на самостоятельный хозрасчет, были в удовлетворительном состоянии, особенно кожзавод³⁹, который был обеспечен Трестом нужным для него сырьем на полный 1923–1924 операц. год и на начальный период 1924–1925 операц. года⁴⁰. Стабильная производственная деятельность Самарского кожзавода в 1925 г. позволила ему заявить о себе, как о субъекте всесоюзного масштаба участием на Нижегородской ярмарке с операциями по реализации готовой продукции, несмотря на недостаток заводской кожпродукции на местном рынке. На кожевенном же рынке Союза ССР со второй половины 1924–1925 операц. года наблюдалось значительное несоответствие спроса на кожполуфабрикаты темпу развертывания производства госкожпромышленности, что приняло во второй половине 1925 г. характер товарного голода⁴¹.

В 1923–1925 гг. была дана серьезная налоговая передышка государственной промышленности. В то же время наблюдался рост прямых налогов и сборов в частной и арендованной промышленности⁴².

В январе 1923 г. на совещании Правления Губкооперативсоюза с представителями Райкооперативсоюзов, УИКов, Губземуправления и Самарского ГСНХ обсуждался вопрос о постановке сбыта продукции всех видов через кооперацию, что позволило бы государственной промышленности обрести прочный оборот, дальнейшее развитие и удешевить стоимость ее продукции в сравнении с частной торговлей⁴³. И обращаясь к сбыту готовой продукции Самарским кожевенным заводом в 1925 г., следует отметить, что произведенный им кожевенный товар сбывался исключительно государственным

органам и кооперации, а именно: Самгубвнторгу, Волжскому областному отделению Всероссийского кожевенного синдиката (ВКС) и Губкооперативсоюзу⁴⁴.

Статистические данные говорят о следующем географическом расположении кожевенной ценовой промышленности: в г. Самаре она сосредотачивалась на 95,98 % и в Пугачевском уезде на 4,02 %⁴⁵.

В 1924 г. швейная фабрика № 2 переехала в здание бывшего епархиального училища г. Самары⁴⁶, где ее производство получило дальнейшее развитие. И если на фабрике «Швейпром» валовая стоимость выработки в 1924/1925 г. достигла 481469 руб. 57 коп. при среднем числе рабочих 247 человек, то на фабрике «Красная звезда» за этот же период эти показатели составили соответственно 1169827 руб. 21 коп. и 440 рабочих⁴⁷. Данная концентрация рабочих в этих двух ценовых, крупных швейных предприятиях соответствовала общей политике советского государства, направленной на создание кадров рабочего класса в крупном промышленном производстве как социальной основы создаваемого социалистического производства и опоры политического строя.

Фабрика «Швейпром» находилась в составе предприятий швейной промышленности, относящихся к Самарскому областному отделению Акционерного общества Всероссийского Синдиката швейной промышленности, но в связи с его ликвидацией⁴⁸ с 1 января 1925 г. Самарское областное отделение передавалось Государственному Московскому тресту швейной промышленности «Москвошвей», образованному на основании декрета СНК СССР от 17 июля 1923 г. «О местных трестах» для производства предметов швейной промышленности заведениями, входящими в него, и их сбыте⁴⁹. С 1 января 1925 г. в г. Самаре открылось и Поволжское отделение треста «Москвошвей» с филиалами в Уфе, Оренбурге и Ульяновске⁵⁰.

Производственная деятельность предприятий легкой промышленности в рассматриваемый период зависела от совокупности факторов, обеспечивающих производственный процесс. Так, работа обмундировочной фабрики «Красная звезда» зависела в первую очередь от наличия заказов и обеспечения их материалами и фурнитурой со стороны Военно-хозяйственного управления (ВХУ) Приволжского военного округа (ПриВО) РККА, исполнение которых покрывало потребности округа. И за период с февраля по октябрь 1924 г. фабрика, по подсчетам автора, выработала изделий в общем количестве более 520 тысяч штук на сумму 188347 руб. 78 коп.⁵¹ Однако количество выпускаемой продукции варьировалось от заказа к заказу, а это, в свою очередь, влияло на продолжительность работы фабрики, на производительность труда рабочих, приводило к сокращению рабочей недели и к простоям⁵².

В рассматриваемый период на предприятиях «Швейпром» и «Красная звезда» осуществляли деятельность фабрично-заводские комитеты профессионального союза работников швейной промышленности губернии⁵³.

В 1924–1925 г. вся промышленность Самарской губернии была представлена ценовой, мелкой и кустарной⁵⁴. Согласно статистическому источнику, по состоянию на 1 октября 1925 г. из 234 ценовых предприятий Самарской

губернии, состоящих на учете, действовало 151 предприятие с общим количеством рабочих 8961 человек, в том числе 8 заведений кожевенной и меховой промышленности с 221 рабочим и 2 заведения швейной промышленности с 742 рабочими⁵⁵.

Государственная, кооперативная и частная кожевенная промышленность в 1925–1926 г., удовлетворяла потребности губернии своей продукцией на 32,4 %, а остальные 67,6 % ввозились с заводов и фабрик других губерний.⁵⁶ Несмотря на то что данная отрасль промышленности находилась в благоприятных условиях в отношении использования сырья Самарской губернии и ближайших районов⁵⁷, она еще и в 1928 г. не имела ни одного крупного механизированного завода⁵⁸.

В целом швейная и кожевенная отрасли легкой промышленности Самарской губернии в 1921–1925 гг., как и промышленность Среднего Поволжья, не решала главной задачи – удовлетворение возрастающего спроса крестьянства на промышленные товары⁵⁹.

Новая экономическая политика начального рассматриваемого ее этапа, осуществляемая Советским государством, учитывающим важное значение легкой промышленности в народном хозяйстве и в обеспечении армии, оживила отрасли легкой промышленности, что было вызвано как восстановлением рынка, так и административным воздействием партийных и советских органов. При этом шел процесс концентрации производства на основе обобщественного сектора, развитие крупных предприятий в швейной и кожевенной промышленности, относящихся к государственным предприятиям губернии и в целом успешно использовавших новые условия хозяйствования⁶⁰. Наиболее стабильным и прогнозируемым, имеющим будущность, был государственный сектор швейной и кожевенной отраслей легкой промышленности Самарской губернии. Иные секторы названных отраслей осуществляли свою производственную деятельность под бдительным контролем со стороны Советского государства и в соответствии с его политико-экономическими целями.

Примечания

¹ НЭП, проводимая советским государством под руководством РКП(б) в 1921–1928 гг., заложила фундамент дальнейших преобразований в экономике страны в соответствии с идеологической доктриной партии большевиков. Автор, обращаясь к начальному периоду НЭПа – 1921–1925 гг. – объективно учитывала следующее: решались многочисленные задачи переходного периода в восстановлении хозяйства, создавался и развивался государственный сектор в области промышленности. При этом автор не ставила задачи определить степень восстановления предприятий легкой промышленности губернии в рассматриваемый период. Привлеченные же к анализу указанной проблемы источники и литература дают основание утверждать, что предприятия легкой промышленности Самарской губернии восстанавливались на производственном потенциале, эволюционно сложившемся в дореволюционный период, а крупные предприятия создавались на основе мелкого и кустарного производства.

² Самарское Поволжье в XX веке: сб. документов и материалов. Самара, 2000. С. 244.

³ Куйбышевская область. Историко-экономический очерк. Куйбышев, 1967. С. 172.

⁴ История России. XX–начала XXI века / под ред. академика РАН Л.В. Милова. М., 2007. С. 339.

⁵ Самарский ГСНХ образован был в январе 1918 г., а упразднен 15 ноября 1923 г. в резуль-

тате перестройки органов управления как в стране в целом, так и на местах. Самарский ГСНХ образован был вновь для руководства промышленностью 20 января 1926 г.

⁶ Государственное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области». (ГУСО «ЦГАСО»). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 160. Л. 6, 7об.

⁷ Государственное учреждение Самарской области «Самарский областной государственный архив социально-политической истории» (ГУСО «СОГАСПИ»). Ф.Р. 9430.Оп. 3. Д. 2.Л. 2об., 3.

⁸ ГУСО «ЦГАСО». Ф. 9480. Оп. 1. Д. 81. Л. 3, 22.

⁹ Шарошкин Н.А. Промышленность и рабочие Поволжья в 20-е годы. Пенза, 1998. С. 39, 40.

¹⁰ Там же. С. 118.

¹¹ Чуканов И.А. Советская экономика в 1920-е годы: новый взгляд (на материалах Среднего Поволжья). М., 2001. С. 140.

¹² С начала реализации НЭП советское государство основное значение для восстановления народного хозяйства придавало тяжелой промышленности, и одной из главных задач экономической политики являлось более значительное выделение средств для основных отраслей государственной промышленности. Легкая промышленность в стране и в регионах на 83 % финансировалась за счет банков, а тяжелая – на 86,3 % из госбюджета, причем за 1922–1925 гг. через бюджетное финансирование было направлено в промышленность 282 млн. руб., основная часть безвозвратно. См.: Чуканов И.А. Советская экономика в 1920-е годы. С. 155.

¹³ Шарошкин Н.А. Промышленность и рабочие Поволжья в 20-е годы. С. 58.

¹⁴ Там же. С. 26,27.

¹⁵ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век. (1918–1998 гг.). М. 2000. С. 87.

¹⁶ Самарское Поволжье в XX веке. Самара, 2000. С. 250.

¹⁷ СССР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). Исторические очерки. М., 1955. С. 94; История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 2. М., 1976. С. 24.

¹⁸ СССР в период восстановления народного хозяйства. С. 95.

¹⁹ Там же. С. 97–98.

²⁰ Гатауллина И.А. Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2009.

²¹ Шарошкин Н.А. Промышленность и рабочие Поволжья. С. 29.

²² Гатауллина И.А. Указ. соч.

²³ Чуканов И.А. Советская экономика в 1920-е годы. С. 155.

²⁴ О том, что швейное производство мелкой промышленности Самарской губернии выполняло заказы Военного ведомства, см.: ГУСО «ЦГАСО». Ф. 9480. Оп. 1. Д. 72. Лл. 19–22; Д. 81. Л.24; Д. 128. Л. 1.

²⁵ Беспалов В.И., Табачников С.М. Ровесница Октября. Документальный рассказ о швейной фабрике «Красная звезда». Куйбышев, 1968. С. 18.

²⁶ В начале 1922 г. в результате разделения этих предприятий фабрика «Красная звезда» получила 75 % оборудования и на фабрике преобладала машинная работа. См.: ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 14. Л. 110. А на 1 апреля 1925 г. фабрика имела: 32 моторных машины, 195 ножных ремесленных и 70 семейных машин, 4 петельных машины, 1 скрепочную машину и другой производственный инвентарь. См.: Ф. 524. Оп. 10. Д. 28. Л. 37.

²⁷ Чуканов И.А. Советская экономика в 1920-е годы. С. 144.

²⁸ Ликвидация «Губупржож» была произведена в соответствии с постановлением Самарского ГСНХ от 31 января 1922 г. См.: ГУСО «СОГАСПИ». Ф. Р-9430. Оп. 1. Д. 27. Л. 412. Основной капитал «Самкожтреста» на 1 марта 1922 г. составлял 545584 руб. 47 коп. в золотой валюте, а оборотный капитал – 1555755 руб. 90 коп. в золотой валюте. См.: ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 35. Л. 5.

²⁹ ГУСО «СОГАСПИ». Ф.Р-9430. Оп. 3. Д. 2. Л. 273. Подробнее см.: Там же. Оп. 1. Д. 27.Л. 417, 423, 425, 427, 436, 438.

³⁰ ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-3777. Оп. 1. Д. 21. Л. 6, 26об.

³¹ Подробнее см.: ГУСО «СОГАСПИ». Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 5; Ф. Р-9430. Оп. 3. Д. 2.Л. 257, 271.

³² ГУСО «СОГАСПИ». Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 5.

³³ Согласно архивным данным, «Самкожтрест» проводил торговые операции на Нижегородской ярмарке в 1923 и в 1924 годах. Подробнее см.: ГУСО «СОГАСПИ».Ф. Р-9430. Оп. 3. Д. 2. Л. 140–143.

³⁴ Доклад о деятельности ликвидационной комиссии ОМХ Самарского губернского исполнительного комитета по реорганизации «Самкожтреста» см.: ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-919. Оп. 5. Д. 15. Л. 2–5; протокол с постановлением заседания Президиума Самарской губернской плановой комиссии Самарского губернского исполнительного комитета см.: Там же. Л. 6, 6об.

³⁵ Реорганизация аппарата «Самкожтреста» трансформировалась в ликвидацию треста. О причинах ликвидации. см.: ГУСО «СОГАСПИ».Ф. Р-9430. Оп. 3. Д. 2. Л. 45, 155–155об., 169об.; Ф. Р-1075. Оп. 2. Д. 7. Л. 54, 56, 58.

³⁶ ОМХ был образован в результате постановления Третьей сессии ВЦИК X созыва от 3 ноября 1923 г., в котором говорилось: «2. Объединить ГСНХ и губернские коммунальные отделы в единый отдел местного хозяйства (ОМХ) за исключением губерний с развитой промышленностью». См.: Шарошкин Н.А. Промышленность и рабочие Поволжья. С. 41. См. также: ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-919. Оп. 5. Д. 15. Л. 9; ГУСО «СОГАСПИ». Ф. Р-9430. Оп. 3. Д. 2. Л. 159, 162.

³⁷ ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-919. Оп. 5. Д. 15. Л. 9об.

³⁸ В 1925–1926 г. в этих трех (с овчинным производством) ценовых, государственных предприятиях было занято 220 рабочих, в кустарном производстве - 2258, в кооперативных заведениях - 73, а в частном секторе 121 рабочий. См.: ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 14. Л. 100.

³⁹ ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-919. Оп. 5. Д. 15. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Л. 3.

⁴¹ Подробнее см.: ГУСО «ЦГАСО».Ф. Р-919. Оп. 5. Д. 6. Л. 35–38.

⁴² Подробнее см.: Чуканов И.А. Советская экономика в 20-е годы. С.154.

⁴³ ГУСО «ЦГАСО».Ф. Р-3777. Оп. 1. Д. 21. Л. 6, 7об. О задаче государственного регулирования народного хозяйства по превращению кооперации в торговый орган, наряду с государственной торговлей для упорядочения процесса сбыта продукции государственных предприятий подробнее см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1984. С. 66.

⁴⁴ ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 769. Л. 1.

⁴⁵ Статистический ежегодник за 1925 год. Самарская губерния. Вып.1. Самара, 1926. С. 167.

⁴⁶ Беспалов В.И., Табачников С.М. Ровесница Октября. Документальный рассказ. С. 23.

⁴⁷ ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 14. Л. 110.

⁴⁸ ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

⁴⁹ Там же. Л. 1ж об, 1з, 2.

⁵⁰ ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 51. Л. 5, 9.

⁵¹ ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 150. Л. 137–137об.

⁵² См. подробнее: ГУСО «СОГАСПИ». Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 12об.; Ф. Р-9480. Оп. 2. Д. 22. Л. 41; Ф. Р-9480. Оп. 2. Д. 22. Л. 12, 13, 44, 45; Там же. Д. 49.Л. 8.

⁵³ Подробнее см.: ГУСО «СОГАСПИ». Ф. Р-9480. Оп. 1. Д. 115. Л. 72; Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 20, 41.

⁵⁴ Подробнее о состоянии мелкой и кустарной промышленности как в целом по Самарской губернии, так и по ее уездам (в том числе и по интересующей нас отрасли) в обозначенное время см.: Статистический ежегодник за 1925 год. Самарская губерния. Вып.1. Самара, 1926. С. 198–217, 226–249.

⁵⁵ Там же. С.159.

⁵⁶ ГУСО «ЦГАСО».Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 14. Л. 97, 98. В этом же документе говорится о том, что большая часть сырья вывозилась из Самарской губернии. Самарская областная универсальная научная библиотека (СОУНБ). Карта Европейской части СССР. Кожевенная, меховая и обувная промышленность на 1 января 1933 г. Инв. № К-380. О сохранении тенденции дальнейшего развития кожевенной отрасли Самарской губернии содержатся сведения в: ГУСО «ЦГАСО».Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 14. Л. 125.

⁵⁸ ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-751. Оп. 2. Д. 62. Л. 32об., 33.

⁵⁹ Гатауллина И.А. Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики.

⁶⁰ ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р-751. Оп. 12. Д. 61. Лл. 5, 6. О новых условиях хозяйствования государственных предприятий в период НЭПа см.: История советского рабочего класса: в 6 т. Т.2. М., 1984. С. 57, 58, 63, 317, 325.; Шарошкин Н.А. Промышленность и рабочие Поволжья; История Самарского Поволжья с древнейших времен. С. 86, 87; Чуканов И.А. Советская экономика в 1920-е годы.; Гатауллина И.А. Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики. О проблемах, которые испытывала в целом легкая промышленность страны в годы осуществления НЭПа, см.: История социалистической экономики СССР. С. 322, 323.

С.А. Иванушкина, П.С. Кабытов*

НАУЧНО–ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕРЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ГОЛЬМСТЕН В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1919–1929 гг.)

Огромный вклад в формирование музейного фонда, особенного его этнографической коллекции, Самарского края внесла Вера Владимировна Гольмстен (1880–1942 гг.)¹. Под ее руководством в 1920–1930-е годы было организовано десять археологических экспедиций на территории губернии; открыто свыше 1200 археологических памятников различных эпох от палеолита до средневековья. Найденные в ходе раскопок артефакты впоследствии становились экспонатами музея Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания (далее — СОАИЭ).

Вера Владимировна Гольмстен, археолог, доктор исторических наук, исследователь древнейшей истории Урала и Поволжья, принадлежала к той категории ученых, которые думали не только о выживании в чрезвычайно тяжелых обстоятельствах, но и о сохранении сокровищ русской культуры, спасении от уничтожения памятников археологии и этнографии.

Период с 1919 по 1929 гг. жизни В.В. Гольмстен связан с Самарой. Она приехала сюда по приглашению Самарского губернского отдела народного образования летом 1919 г., где и работала в течение 10 лет². Здесь она читала лекции по археологии в Самарском университете, с 1922 г. руководила одновременно двумя музеями: Самарским губернским и музеем Общества археологии, истории, этнографии и естествознания.

На заседании Комитета по заведыванию Самарским губернским музеем в сентябре 1919 г. В.В. Гольмстен обратилась с прошением о предоставлении ей должности заведующего историко-археологическим отделом музея. Принимая во внимание, что претендентов на эту должность не было, Гольмстен была «кооптирована в члены Комитета»³.

25 мая 1920 г. на общем собрании Общества археологии, истории и этнографии⁴ было заслушано заявление о том, что Вера Владимировна Гольмстен «была приглашена руководительницей по устройству выставки по Туркестану». За отсутствием средств выставка не состоялась, но «за это время у Общества из разных пожертвований получился большой музей и библиотека», и Гольмстен предложили занять должность заведующей библиотекой и музеем Общества⁵. 6 июня 1920 г. В.В. Гольмстен была единогласно принята в члены Общества археологии, истории и этнографии⁶, которое было основано по инициативе преподавателей историко-филологического факультета и членов Самарского археологического общества. Члены Общества планировали начать «исследование, изучение, собирание и сохранение памятников древности, старины и искусства края с точки зрения археологии, истории,

* © Иванушкина С.А. — аспирант кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

© Кабытов П.С. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского государственного университета, 2010

этнографии и смежных с ними наук»⁷. Кроме того, в задачи СОАИЭ входило открытие музеев, организация выставок, научных и популярных лекций, издание научных трудов, организация отделений⁸.

В отчетах, написанных В.В. Гольмстен, содержится обширная информация о работе, проделанной членами археологической комиссии, выпускниками высших этнологического-археологических курсов СОАИЭ. В 1922–1923 гг. Гольмстен прочитала лекции по курсу археологии в Самарском университете, сделала доклад на конференции Археологического общества на тему «Результаты археологических исследований на Самарской Луке летом 1922 г.» Она же составила отчет для Главмузея об археологических исследованиях в Самарской губернии в 1921–22 гг. Кроме того, она занималась систематизацией и подготовкой экспозиций в музее Археологического общества на основе материала, собранного летними экспедициями и экскурсиями⁹.

В феврале 1921 г. В.В. Гольмстен избрали ученым секретарем вновь образованной Музейной коллегии по заведыванию Самарским губернским музеем. Под ее руководством с 1921 по 1923 гг. была проведена инвентаризация материалов в фондах Губернского музея, которая предусматривала составление инвентарных книг, описей музейных экспонатов¹⁰.

В.В. Гольмстен уделяла большое внимание систематизации коллекций, так как материалы музея Общества АИЭ «представляли собой весьма разнородное собрание», которое необходимо было привести в «определенную систему»¹¹. В 1921 г. В.В. Гольмстен инициировала обмен экспонатами между Губернским музеем и музеем Общества археологии, истории и этнографии. Из художественного отдела Губернского музея Общество получило значительное количество картин и предметов западноевропейского прикладного искусства, главным образом фарфора. Губернский музей передал Обществу археологические и этнографические коллекции¹².

После сокращения штатного состава губмузея уже в феврале 1922 г. В.В. Гольмстен стала заведовать в губернском музее историко-археологическим отделом. 14 октября 1922 г. А.С. Башкиров подал заявление об освобождении его от должности заведующего Губернским музеем и от должности директора музея. Эти вакансии были заняты В.В. Гольмстен¹³. Таким образом, до конца 1920-х гг. В.В. Гольмстен совмещала должности директора Губернского музея и заведующей музеем Общества археологии, истории, этнографии и естествознания.

В 1920-е гг. по инициативе В.В. Гольмстен возникли филиалы Губернского музея: Военный музей (1922 г.)¹⁴, «Аксаковская комната» (1922 г.), Криминальный музей (1923 г.), «Старая Самара» (1923 г.), Историко-революционный (1924 г.)¹⁵. Тогда же Гольмстен вела работы по созданию в Губернском музее отдела краеведения. «Музей учитывал, — писала в отчете Гольмстен, — то большое значение, которое придается теперь краеведению, приступил теперь к выделению имеющегося у него материала краеведческого характера и собиранию недостающего»¹⁶.

В 1925 г. Гольмстен обратилась в Российский исторический музей с просьбой передать музею Общества археологии, истории, этнографии и естествознания «материалы из запасного фонда, а также материалы двадца-

ти погребений из раскопок профессора В.А. Городцова в Самарской губернии в 1925 г.»¹⁷ Эта передача артефактов была зафиксирована актом от 5 мая 1925 г. В музей Общества АИЭиЕ поступили предметы «из числа дублетов, имеющих в Государственном Российском Историческом музее» в количестве 39 номеров¹⁸.

Параллельно с музейной работой В.В. Гольмстен руководила археологическими исследованиями, которые проводились в Самарской губернии с 1921 г.

В 1921–1922 гг. Самарская губерния оказалась в эпицентре голода. В Среднем Поволжье возник острый дефицит хлеба. Внутренние ресурсы губернии были исчерпаны.

26 апреля 1921 года В.В. Гольмстен получила открытый лист на право производства археологических исследований и раскопок в районе бассейна р. Самары¹⁹. Она прилагала много усилий, чтобы начатое в 1921 году по инициативе ее учителя, известного ученого В.А. Городцова, археологическое обследование губернии не прерывалось. «Восточный отряд под руководством В.В. Гольмстен проводил разведочные работы с 1 июля по 5 августа»²⁰.

В 1922 г. было создано Центральное бюро краеведения при Российской Академии наук. В.В. Гольмстен была избрана в состав ЦБК в 1924 г.²¹ В том же году она получила «Открытый лист № 47» на право производства археологических раскопок на территории Самарской губернии и на территории Самары – стоянка Постников овраг²².

Проведение археологических экспедиций в условиях экстремальной ситуации – голода – было делом чрезвычайно трудным. «В Поволжье свирепствовал голод и эпидемии; не было карт, и опрос исключался ввиду редкости населения, что увеличивало работу по объезду местности»²³. Крестьяне продавали на базарах предметы быта, представляющие научную ценность. Коллегия Самарского Губернского музея обратилась «в Губкомпомголод с просьбой выдать некоторое количество муки, в обмен на которую можно было бы получить у голодающего населения предметы, необходимые для образования систематических коллекций этнографии местного края»²⁴. Губкомпомголод выделил 40 пудов муки, из них, по отчету Гольмстен, было израсходовано 37 пудов 31 фунт. Наибольшее количество приобретено предметов чувашской коллекции – 91 номер; из них: одежды и украшений – 41, сельского хозяйства – 15, домашнего быта – 30, производств и промыслов – 7, верований – 5. В отчете В.В. Гольмстен писала: «большинство предметов поражают своим архаическим видом и свидетельствуют о крайней примитивности культуры, исключением являются вышивки, украшающие одежду, которые отличаются как сложностью композиции, так и точностью выполнения»²⁵. Тогда же были приобретены артефакты «татарской культуры – 18 номеров, преимущественно одежда и украшения; мордвы – 9 номеров; малороссов – 4 номера и великороссов – 2 номера». Всего – 131 номер. Весь собранный материал был описан и систематизирован.

В 1922 г. во вновь образованную Комиссию по сбору этнографического материала вошли профессор П.А. Преображенский, член общества археоло-

гии, истории и этнографии – П.Н. Ефимов и В.В. Гольмстен – заведующая историко-археологическим отделом Губернского музея.

В 1922 г. проводилось обследование территории Самарской Луки. Выбор этого района Самарской губернии Гольмстен обосновывала тем, что в научной литературе отсутствовали сведения об «археологических памятниках». К тому же Самарская Лука находилась вблизи от Самары, что «являлось важным аргументом в связи с отсутствием средств на экспедицию»²⁶.

Согласно составленному плану летних работ 1923 г., в июне археологические исследования проводились на территории южной части Самарского уезда и северной части Пугачевского. Эти исследования стали основой для составления археологической карты, «на которой нанесено до 500 курганов и четыре стоянки бронзовой эпохи, открытые на Бергах р. Иргиза»²⁷. В.В. Гольмстен также сообщала, что «весь материал, собранный экскурсиями, поступает в музей общества Археологии, где доступен для осмотра»²⁸.

В августе 1923 г. В.В. Гольмстен вместе со слушателями археологических курсов провела раскопки на территории Бугурусланского уезда. Здесь «было вскрыто 8 курганов с погребениями различных культур»²⁹.

Научную значимость сохраняет описание обнаруженных погребений, составленное В.В. Гольмстен. Итоги этих работ освещались на страницах губернской газеты «Коммуна»: «Древнейшими из обследованных были погребения насельников Самарского края, живших здесь в III тысячелетии до нашей эры... Умерших своих, – комментировала В.В. Гольмстен, – они хоронили в скорченном положении, связывая представление о смерти со сном, веря в очистительную силу огня, они посыпали покойников красной краской – символизация огня. Эта культура курганов со скорченными и окрашенными костяками имела широкое распространение: в то время, в начале бронзовой эпохи, носители этой культуры населяли всю южную половину Зап. Европы и юг России, а наши места были восточной окраиной территории, занятой ими»³⁰. Погребения второго типа относились к «железной эпохе» и были обнаружены «в больших грунтовых ямах, на подстилке из кошмы и цветной ткани; женщин хоронили с украшениями... Черепа найденных костяков оказались сильно деформированными, что указывает на обычай уродовать формы головы путем наложения особой твердой повязки»³¹. Данные захоронения относились «ко времени переселения народов, когда через наши степи катились одна за другой волны народов, переселявшихся из Азии в Европу. Один из этих народов задержался на время в теперешней Самарской губернии и оставил как памятники своего пребывания здесь курганы, насыпанные над могилами своих умерших»³².

Материалы, полученные в ходе экспедиции членов СОАИЭ, имели огромное научное значение для изучения истории Самарского края, народностей, населявших территорию губернии, кочевников, проходивших через степные районы Поволжья в Азию. Экспедиции Гольмстен открывали новые возможности для изучения древностей Самарского края.

В ноябре 1923 г. в периодической печати появилась статья В.В. Гольмстен «Музей общества археологии, истории и этнографии»³³, в которой она отмечает, что за четыре года своего существования члены СОАИЭ уделяли боль-

шое внимание созданию своего музея, формированию коллекции. Ценные собрания музейного фонда СОАИЭ, по мнению В.В. Гольмстен, составляли предметы бронзовой эпохи «преимущественно по древнему и современному быту (первобытная культура и этнография)»³⁴, обнаруженные при проведении летних археологических работ. Кроме того, в музее имелаась «большая коллекция по каменному периоду Сибири»³⁵, что особенно важно при сравнении с находками самарских археологов того же времени. Интересными собраниями были представлены предметы скифской культуры и более поздние – болгарского царства, древнефинской и татарской культур. Этнографический отдел музея состоял из двух отделов: мусульманского Востока (Персия, Средняя Азия) и Буддийского Востока (Индия, Китай, Япония). Особую ценность, как считала Гольмстен, имела коллекция по культуре Египта³⁶.

В архивных источниках сохранилось 35 газетных статей, опубликованных В.В. Гольмстен в период с июня 1923 г. по февраль 1925 г. Значительное место отводилось теме исследования Самарского края: «К исследованию местного края»³⁷, «Наука и техника. Археологические раскопки в Самарской губернии»³⁸, «Раскопки в Бугурусланском уезде»³⁹, «200 000 лет тому назад»⁴⁰, «Из прошлого Самарской Луки»⁴¹, «Калмыки в Самарской губернии»⁴², «Чуваши и монголы»⁴³, «Старая Самара»⁴⁴, «Как заселялась Самарская губерния»⁴⁵, «Как заселялись наши степи»⁴⁶, «Из прошлого мордвы»⁴⁷, «Пугачевщина в Самарском крае»⁴⁸, «Что говорят забытые могилы»⁴⁹, «Серная гора»⁵⁰, «Село Усолье на Самарской Луке»⁵¹, «Культура и искусство. Царев курган»⁵², «Крепость Белый Яр»⁵³.

Часть статей была посвящена итогам археологических экспедиций⁵⁴. «Наука и техника. Новое в русской археологии», 4 публикации «В Обществе Археологии», «Немогенез проф. Берга», «Четырехлетие Высших этнолого-археологических курсов», «Экскурсия в Москву», «Наука и техника. Новое в самарской археологии».

В 1920-е гг. в своих статьях В.В. Гольмстен стала ярким пропагандистом идеи сохранения в музейных коллекциях памятников народной культуры. Музееведческая тематика находилась в прямой связи с тенденциями развития науки и музейного дела⁵⁵. «Музей общества археологии, истории и этнографии», «Самарские музеи», «Историко-революционный музей», две статьи по заголовком «Губернский научный музей», «Используйте музеи», «Новое в Губмузее», «Экскурсии в музей», «Самарский музей революции».

В 1923 г. в «Известиях Самарского университета» была опубликована статья Веры Владимировны «Хронологическое значение эволюции древних форм». Затем, в середине 1920-х годов, вышли в свет несколько работ по древнейшей истории Самарского края: «Археологические памятники Самарской губернии», «Доисторическое прошлое Самарского края» и другие⁵⁶.

В.В. Гольмстен описала систему регистрации, систематизации, экспонирования музейных собраний. За годы работы в качестве заведующего двух музеев, будучи заместителем председателя Общества АИЭиЕ, непосредственно участвуя в археологических экспедициях, как ученый она считала своей обязанностью вести научную обработку музейного материала, пред-

метов, найденных в ходе археологических экспедиций. В этой связи стал издаваться «Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания». В 1925 г. в нем появились три статьи В.В. Гольмстен: «Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете: История и деятельность», «Материалы по археологии Самарской губернии. 1. Древнеямное погребение», «Материалы по археологии Самарской губернии. 2. Керамика древних мест поселений Самарской Луки». В том же 1925 г. выходит «Краеведческий сборник». В нем Гольмстен опубликовала статью «Древний охотник Самарского края».

В «Бюллетене...» за 1926 г. вышла в свет статья Гольмстен «Музей Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете». И наконец, в «Бюллетене...» за 1928 г. напечатана статья «Материалы по археологии Самарской губернии. 3. Некоторые типы погребений бронзовой эпохи»⁵⁷.

Со второй половины 1920-х годов четко наметился процесс идеологизации краеведения, как и других отраслей отечественной науки. К началу 1930-х были ликвидированы областные общества, занимавшиеся изучением местного края. Создавались областные бюро краеведения как новый орган советской власти. «В 1929 г. Самарское Общество археологии, истории, этнографии и естествознания было реорганизовано в “Самарское окружное краеведческое общество”. Организацию краеведческих обществ возглавило Областное Бюро Краеведения, в которое вошли П.А. Преображенский, К.И. Каргер, С.В. Сохацкий, А.А. Стакан»⁵⁸. В.В. Гольмстен в состав нового Общества не вошла.

В архивных материалах сохранился приказ № 14 от 21 сентября 1929 г.: «Согласно личного заявления, зав. Облмузеем т. Гольмстен Вера Владимировна от занимаемой должности освобождена с 20 сентября с.г. ...Основание: выписка из заседания Облоно № 84 от 9/IX – 1929 г.»⁵⁹.

Таким образом, с отъездом Веры Владимировны Гольмстен закончилась целая эпоха в истории самарского краеведения и музейного строительства. Археологические находки, сделанные в ходе экспедиций по Самарской губернии, обогатили науку подлинными памятниками древности. Успехи, достигнутые в области археологии, положили начало археологическим и этнографическим коллекциям самарских музеев.

Примечания

¹ Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы биографии. Самара, 2007. С. 6.

² Там же. С. 115.

³ Научный архив Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина (НА СОИКМ им. П.В. Алабина). Ф. IV. Оп. 5. Д. 75. Л. 29.

⁴ С 1922 года именуемое Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания.

⁵ НА СОИКМ. Ф. XI. Оп. 1. Д. 12. Л. 45.

⁶ Там же. Ф. XI. Оп. 1. Д. 12. Л. 39.

⁷ Центральный Государственный Архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р–558. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

- ⁸ Там же. Ф. Р–558. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
- ⁹ Отчет о состоянии педагогического факультета Самарского государственного университета за 1922–23 учебный год. С. 9.
- ¹⁰ НА СОИКМ им. П.В.Алабина. Ф. V. Оп. 4. Д. 1. Л. 1–141.
- ¹¹ Гольмстен В.В. Музей Общества АИЭиЕ при СГУ // Бюллетень Общества Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания при Сам. гос. ун-те. 1926. № 4. С. 1.
- ¹² Там же. С. 1–2.
- ¹³ НА СОИКМ им. П.В. Алабина. Ф. IV. Оп. 1. Д. 17. Л. 62.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Ф. IV. Оп. 1. Д. 17. Л. 46.
- ¹⁶ В Губмузее // Коммуна. 1924. 5 февраля.
- ¹⁷ Цит. по статье: Крайнова Т.В. Самарское Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете (1919–1929) // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995. С. 143–144.
- ¹⁸ НА СОИКМ им. П.В. Алабина. Ф. V. Оп. 1. Д. 84. Л. 101.
- ¹⁹ Кузьминых С.В. Указ. соч. С. 22.
- ²⁰ Классика самарского краеведения: антология / сост. Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. Вып. 5. С. 24, 25.
- ²¹ Кузьминых С.В. Указ. соч. С. 24.
- ²² Классика самарского краеведения: антология. Вып. 5. С. 32.
- ²³ Крайнова Т.В. Указ. соч. С. 141.
- ²⁴ НА СОИКМ. Ф. V. Оп. 4. Д. 2. Л. 191.
- ²⁵ НА СОИКМ. Ф. V. Оп. 4. Д. 2. Л. 191.
- ²⁶ Классика самарского краеведения: антология. Вып. 5. С. 26.
- ²⁷ К исследованию местного края // Коммуна. 1923. 4 июня.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Наука и техника // Коммуна. 1923. 22 августа.
- ³⁰ Раскопки в Бугурусланском уезде // Коммуна. 1923. 2 декабря.
- ³¹ Наука и техника // Коммуна. 1923. 22 августа.
- ³² Раскопки в Бугурусланском уезде // Коммуна. 1923. 2 декабря.
- ³³ Музей Общества археологии, истории и этнографии // Коммуна. 1923. 6 ноября.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ К исследованию местного края // Коммуна. 1923. 4 июня.
- ³⁸ Наука и техника. Археологические раскопки в Самарской губернии // Коммуна. 1923. 22 августа.
- ³⁹ Раскопки в Бугурусланском уезде // Коммуна. 1923. 2 декабря.
- ⁴⁰ 200 000 лет тому назад // Коммуна. 1923. 9 декабря.
- ⁴¹ Из прошлого Самарской Луки // Коммуна. 1923. 30 декабря.
- ⁴² Калмыки в Самарской губернии // Коммуна. 1924. 20 января.
- ⁴³ Чуваши и монголы // Коммуна. 1924. 10 февраля.
- ⁴⁴ Старая Самара // Коммуна. 1924. 3 февраля.
- ⁴⁵ Как заселялась Самарская губерния // Коммуна. 1924. 17 февраля.
- ⁴⁶ Как заселялись наши степи // Коммуна. 1924. 11 марта.
- ⁴⁷ Из прошлого мордвы // Коммуна. 1924. 20 марта.
- ⁴⁸ Пугачевщина в Самарском крае // Коммуна. 1924. 23 марта.
- ⁴⁹ Что говорят забытые могилы // Коммуна. 1924. 6 марта.
- ⁵⁰ Серная гора // Коммуна. 1924. 6 апреля.
- ⁵¹ Село Усолье на Самарской Луке // Коммуна. 1924. 16 апреля.
- ⁵² Культура и искусство. Царев курган // Коммуна. 1924. 3 июня.
- ⁵³ Крепость Белый Яр // Коммуна. 1924. 29 июня.
- ⁵⁴ Наука и техника. Новое в русской археологии // Коммуна. 1923. 4 ноября; в Обществе Археологии // Коммуна. 1923. 4 декабря; 1924. 13 января; 1924. 1 марта; 1924. 6 апреля; Немогенез проф. Берга // Коммуна. 1924. 5 февраля; Четырехлетие Высших этнологическо-археологических курсов // Коммуна. 1924. 28 марта; Экскурсия в Москву // Коммуна. 1924.

10 мая; Наука и техника. Новое в самарской археологии // Коммуна. 1924. 19 июля.

⁵⁵ Музей общества археологии, истории и этнографии // Коммуна. 1923. 6 ноября; Самарские музеи // Коммуна. 1923. 30 декабря; Историко-революционный музей // Коммуна. 1924. 12 января; Губернский научный музей // Коммуна. 1924. 29 сентября; 1924. 31 октября; Используйте музеи // Коммуна. 1925. 7 января; Новое в Губмузее // Коммуна. 1925. 15 января; Экскурсии в музей // Коммуна. 1925. 3 февраля; Самарский музей революции // Коммуна. 1925. 4 февраля.

⁵⁶ Кузьминых С. В. Указ. соч. С. 154.

⁵⁷ Там же. С. 154.

⁵⁸ Крайнова Т.В. Указ. соч. С. 158.

⁵⁹ НА СОИКМ им. П.В. Алабина. Книга приказов за 1929–1930. Л. 14.

Г.Н. Федорова*

ХЛЕБНЫЕ КАРТОЧКИ В СССР 1945–1947гг.: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ПОСЛЕВОЕННОГО СНАБЖЕНИЯ

Карточная система снабжения основными продуктами питания, прежде всего хлебом, сложилась в ходе Великой Отечественной войны. Условия ее функционирования и причины отмены в первые послевоенные годы рельефно проявились в г. Куйбышеве, где был сформирован крупный военно-промышленный комплекс. Карточная система в Куйбышевской области была введена 1 ноября 1941 г. Согласно ей, устанавливались следующие нормы отпуска продуктов (в граммах). Работникам оборонных предприятий по списку, утвержденному облисполкомом, полагалось в месяц мяса и рыбы вместе взятых – 2200, масла и жиров вместе взятых – 600, круп и макаронных изделий – 1500. Рабочим и ИТР других предприятий промышленности, транспорта и связи эта норма уменьшалась на 300–400 граммов. Служащие получали еще на 200–300 граммов меньше, а иждивенцам и детям полагалась только треть нормы от первого списка¹. Молоко и молочные продукты засчитывались в норму жиров. Отпуск яиц производился только детям и нуждающимся в диетическом питании – по разовым талонам. При печатании карточек на мясо, рыбу и жиры месячную норму рекомендовалось разбить на 50-граммовые талоны. В действительности же из-за постоянного дефицита продуктов куйбышевцы получали, как правило, в полтора-два раза меньше объявленной нормы. Хлеба работникам военных заводов полагалось по карточкам 800 граммов в день, остальным от 400 до 600 граммов. Иждивенцы получали по карточкам 250 граммов². Но и это считалось почти роскошью, потому что по карточкам буханка ржаного хлеба стоила 15 рублей, а на рынке – около 300.

В послевоенные годы нормы снабжения основными продуктами по карточкам сохранились. Главным было снабжение хлебом, имевшее по сравнению с другими продуктами первостепенное значение и существенные особенности. Во-первых, хлебом по карточкам снабжалось все население городов, рабочих поселков и районных административных центров, тогда как на мясо, рыбу, крупы и макаронные изделия карточная система была введена не везде. Во-вторых, в отличие от всех остальных продуктов, хлебная норма была не месячной, а дневной. В-третьих, хлеб не заменялся другими продуктами, другими продуктами питания, которые нередко выдавались некоторым категориям городского населения в виде заменителей. Наконец, карточные нормы хлеба были дифференцированы меньше, чем других продуктов питания, и в дополнительных видах снабжения хлеб также занимал меньшее место.

В условиях послевоенного голода началось ускоренное сокращение контингента, находившегося на карточном снабжении. Численность снабжаемых хлебом в целом по стране к концу III квартала 1946 г. достигла 77,1 млн

* © Федорова Г.Н. – аспирант кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

человек против 87,8 млн на январь 1945 г.³ В связи с неурожаем было принято решение с 1 октября 1946 г. сократить контингенты снабжаемого населения, проживающего в сельской местности, снять с пайкового снабжения хлебом в городах и рабочих поселках часть неработающих взрослых иждивенцев (не подлежали снятию учащиеся и лица, связанные с уходом за малолетними детьми); несколько уменьшились нормы выдачи хлеба по карточкам остальным иждивенцам. Ограничение снабжения населения коснулось 60 млн человек. Одновременно были сокращены фонды коммерческой торговли хлебом, запрещен отпуск хлеба и круп по всем видам дополнительного питания, уменьшен расход зерна на промышленную переработку, расход хлеба для внерыночных потребителей и т.п. Подобный «режим экономии», прежде всего, коснулся восточных регионов страны. В октябре 1946 г. были приняты дополнительные меры по экономии хлеба: дополнительно сокращен фонд коммерческой торговли хлебом и крупой, уменьшена выработка сортовой муки, сокращены нормы хлеба по отовариванию хлопка и сельхозсырья. Только в конце 1946 г. по решению правительства контингенты населения, снабжаемого хлебом, были увеличены на 2 млн человек, главным образом по районам, пострадавшим от засухи⁴.

В связи с засухой 1946 г. постановлением Совмина СССР и ЦК ВКП(б) во всех городах норма хлеба иждивенцам была снижена до 250 граммов. В течение 1942–1946 гг. отдельными постановлениями правительства были сняты с государственного снабжения гарантированными продовольственными товарами (в том числе хлебом) трудоспособные, но неработающие иждивенцы, подлежащие мобилизации на производство. То есть гарантированное снабжение главным образом касалось нетрудоспособных иждивенцев — престарелых; женщин, имеющих маленьких детей; инвалидов и т.п. В конце 1945 г. рабочим и ИТР предприятий черной металлургии и угольной промышленности были повсеместно восстановлены нормы снабжения хлебом по первой и второй категориям, действовавшие до 21 ноября 1943 г. (800 и 600 граммов). Была повышена норма хлеба с 1000 до 1200 граммов для рабочих трубопрокатных заводов Министерства черной металлургии. Учитывая важность вопроса повышения добычи нефти, правительство увеличило норму снабжения хлебом с 1000 до 1200 граммов для 30 тыс. рабочих нефтяной промышленности, занятых на буровых работах. Повышение нормы снабжения хлебом было произведено также и рабочим предприятий рыбной промышленности, которым постановлением СНК СССР от 14 февраля 1946 г. № 369 была восстановлена норма снабжения хлебом по первой и второй категории (800 и 600 граммов в день).

Еще во время войны сложилась разветвленная система обеспечения населения нормированными продуктами. Это были Отделы Рабочего Снабжения (ОРСы), они функционировали на предприятиях и транспорте. На 1 августа 1945 г. численность ОРСов достигла 7,6 тысячи, через которые снабжалось 48 % всех лиц, находившихся на централизованном снабжении. В Куйбышеве ОРСы были у заводов, лесников, речников, железнодорожников. В одном только ОРСе строительного треста №1 1 работало около 1500 человек⁵.

Все функции по выдаче карточек, учету снабжаемых контингентов, контролю за отовариванием карточек и расходованием нормированных товаров были сосредоточены в Наркомторге СССР и его местных органах. В состав городских и районных бюро включались 2 группы служащих: по выдаче карточек предприятиям, учреждениям, учебным заведениям, домоуправлениям и населению и группа контроля и проверки правильности выдачи карточки на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях и домоуправлениях. Хлебные карточки выдавались населению ежемесячно, а продажа хлеба по ним производилась по соответствующим талонам на каждый день в пределах установленной нормы. Разрешалась продажа хлеба на один день вперед, но по просроченным талонам хлеб не отпускался. Поскольку большинство пользовавшихся услугами столовых брало хлеб, то для хлебных карточек (как и для карточек на мясо, рыбу, жиры и крупу) вводились дробные талоны. Шестисотграммовые ежедневные хлебные карточки делились на три талона: на 300, 200 и 100 граммов. Уже с самого начала войны различные привилегии для номенклатурных работников быстро разрастались. Это второе горячее питание, литерные обеды (категорий «А», «Б» и «В») и сухие пайки для руководящих работников по постановлению СНК СССР. Анализ архивных материалов показывает, что неофициальное перераспределение играло значительно большую роль, чем официальные льготы. Здесь в наиболее предпочтительном положении находились руководящие кадры торговли и общепита; руководители предприятий, имевших подсобные хозяйства; и другие, кто имел отношение к остродефицитным товарам (топливо, билеты и т. п.).

Для строжайшего контроля за контингентами, принимаемыми на снабжение, за правильностью выдачи карточек и их отовариванием при наркоматах республик, краевых, областных, городских и районных отделах торговли, кроме бюро по выдаче карточек, в июле 1942 г. были организованы контрольно-учетные бюро (КУБы), так же как и бюро продовольственных и промышленных карточек, возглавляемые заместителями наркомов и заведующих отделами торговли. В 1946 г. в КУБах разных уровней работало около 12 тыс. человек. На городские и районные КУБы был возложен прием талонов и купонов продовольственных и промтоварных карточек от торговых предприятий⁶.

Несмотря на строгий контроль, система хищения в магазинах была довольно распространена. Сотрудники составляли фиктивный акт на уничтожение талонов на хлеб и другие продукты. Затем вносились деньги по государственной цене, и по количеству якобы уничтоженных талонов выбирались продукты, а затем перепродавались по спекулятивным ценам. Или же хлебные карточки не уничтожались, а составлялся акт об их уничтожении. Впоследствии эти карточки наклеивались, а хлеб просто забирали себе. Показателен проходивший в октябре 1945 г. в Куйбышевском областном суде процесс «по уголовному делу сотрудниц типографии Шигонской районной газеты, которые в период с февраля по июль напечатали фальшивые карточки на получение 500 граммов хлеба у себя в типографии»⁷. Следствие установило, что 32-летняя наборщица Матрена Мамакина сделала для этого типографскую форму, а ее

подруга, 43-летняя печатница Александра Бабошина, втайне от руководства печатала талоны на типографском оборудовании. Затем мошенницы сбывали подделки в магазины и ларьки Шигонского сельпо и в буфет местного ресторана. При этом было установлено, что работницы этих торговых точек Зайцева, Лаптева, Ушакова и Шишканова были в курсе того, что им передают фальшивки. В итоге Мамакина и Бабошина были приговорены к 10 годам лишения свободы, а продавцы получили от 3 до 4 лет.

В целом по стране за 1947 г. в результате проверки было установлено 81359 случаев неправильной выдачи карточек по категориям, 13263 случая хищения карточек, 32720 случаев неправильного хранения, 4620 случаев выдачи карточек не проживающим и 59458 других нарушений⁸.

Неравенство в нормах обеспечения и многочисленные злоупотребления в сфере снабжения хлебом и продуктами питания устанавливали в обществе определенные психологические барьеры, способствовали делению социума на «мы» и «они», что вызывало недовольство рядовых тружеников. Так, рабочий Михайлов в письме М.И. Калинину 10 декабря 1945 г. заметил, что «русский народ за время войны достаточно поголодал, поизорвался, поизносился. На первое время требуется увеличение хлебного пайка до нормы для здорового человека с отпуском жиров и других продуктов для поддержания здоровья рабочих, служащих и колхозников, которые за время войны честно выполнили свой долг перед родиной на фронте и в тылу. ... Михаил Иванович! Окажите содействие, чтобы победивший народ был одет, обут и снабжен питанием не в последнюю, а в первую очередь. Пусть теперь иностранцы подождут, а не русский народ, который ждал счастливой жизни свыше 25 лет»⁹. Таким образом, карточная система снабжения населения не оправдывала надежд населения.

В сентябре 1946 г. были повышены цены на товары, распределявшиеся по карточкам. Одновременно сократился контингент населения, охваченного карточной системой: в сельской местности с пайкового снабжения было снято 23 млн человек. (пользовалось им 27 млн), в городах и рабочих поселках — 3,5 млн неработавших взрослых иждивенцев. В связи с упорядочением карточной системы было уничтожено 500 тыс. карточек. Расход хлеба такому контингенту был сокращен на 30 %¹⁰. В результате подобных мер были снижены возможности не только гарантированного снабжения людей основными продуктами питания, но и приобретения продовольственных товаров на рынке, где цены быстро стали увеличиваться, особенно на хлеб, картофель и овощи. Обосновывая необходимость отмены карточной системы, председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский обратил внимание на изменение форм товарооборота и организации снабжения населения в период военной экономики, выражавшиеся в нормировании продажи продовольствия и предметов широкого потребления, дифференциации норм и условий снабжения продовольствием трудящимся различных отраслей, организаций, специальных отделов рабочего снабжения на предприятиях¹¹. В мирное время такая система была признана не эффективной

Согласно Постановлению Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «Об отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» от 14 декабря 1947 г.¹²,

16 декабря 1947 г. все магазины г. Куйбышева начали продажу товаров без карточек. В целях пресечения спекуляции были разработаны предельные нормы отпуска ряда продовольственных и промышленных товаров одному покупателю. На первое время были введены ежедневные лимиты продажи хлеба, сахара и ряда других товаров. Особого внимания потребовало обеспечение нормальной продажи хлеба: были введены в действие резервные мощности хлебопекарной промышленности, к первому дню торговли без карточек по торговым предприятиям завезли хлеб в размерах двухсуточной его продажи, были созданы резервные передвижные автомашины фургонны¹³. Несмотря на все эти меры, снижение цен на хлеб, не только в конце 40-х годов, даже в начале 1950-х гг. во многих городах России наблюдались перебои в снабжении хлебом.

Таким образом, несмотря на победоносное завершение войны, советское правительство, ссылаясь на внешние и внутренние трудности, наращивало режим экономии продуктов питания, и в первую очередь хлеба. Отмена карточной системы сопровождалась повышением цен на продукты питания. Результатом было резкое снижение и без того низкого прожиточного минимума людей с последующим голодом в СССР.

Примечания

¹ Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Изд. 2-е, исправ. и доп. М., 1944. С. 55.

² Там же.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 239. Л. 222

⁴ Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 202–204; Шалак А.В. Автохтонные источники продовольствия Восточной Сибири. С. 167.

⁵ СОГАСПИ Ф. 656. Оп. 37. Д. 533. Л. 26

⁶ История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 6. / отв. редактор И.А. Гладков. М., 1978. С. 469, 470.

⁷ ГАСО. Р- 4958. Оп. 2. Д. 38. Л. 2.

⁸ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 298. Л. 4.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 30. Д. 790. Л. 25.

¹⁰ РГАЭ Ф. 1562. Оп. 41. Д. 239. Л. 222 об.

¹¹ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1948. С. 123.

¹² Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. док.: в 4 т. Т. 3. 1946–1952 гг. М., 1958. С. 460–467.

¹³ Любимов А.В. Указ. соч. С. 218, 222.

САМАРСКИЙ АРХИВ

ЦЕРКОВНОПРИХОДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ, СОСТАВЛЕННАЯ СВЯЩЕННИКАМИ ХРИСТОРОЖДЕСТВЕННОЙ ЦЕРКВИ С. ЦАРЕВЩИНА САМАРСКОГО УЕЗДА И ГУБЕРНИИ, 1905 ГОД

(Публикация подготовлена Г.В. Галыгиной*)

Широкое распространение приходские хроники получили начиная со второй половины 1860-х годов, благодаря местной инициативе епископа Оренбургского Варлаама (Денисова), который сделал распоряжение о том, «чтобы причты всех приходских и соборных церквей Оренбургской епархии с начала 1865 года вели церковно-приходские летописи, со внесением в оные после историко-статистических описаний церкви и прихода, всех замечательных местных событий»¹.

Указом Святейшего Синода в октябре 1866 года всем епархиальным Преосвященным предписывалось завести во вверенных им епархиях подобные летописи. В Самарской епархии церковное летописание было начато в 1867 году.

В журнале «Духовная беседа» была опубликована статья (см. СЕВ. №2. 1867), подробно объясняющая значение, цель и порядок ведения летописей. В статье, в частности, говорилось: «Такая летопись может заключать в себе большой интерес для будущего времени — и частный и общий. Будущим членам каждой приходской церкви, и причту и прихожанам, весьма интересно будет знать о прошедших днях своей приходской церкви и прихода. С другой стороны, приходские летописи, в совокупности взятые, могут служить важным пособием и для будущего историка православной церкви и русского царства».

«Обязанность вести летописи должна лежать на всех членах причта, но главным деятелем и руководителем в сем деле должен быть священник, без предварительного им просмотра ничто не должно быть вписываемо в летопись»².

Как правило, церковно-приходские летописи состояли из двух частей: в первой содержались сведения по истории церкви, причта, приходской округи; во второй священнослужители записывали свои наблюдения за повседневной жизнью и бытом прихожан, а также все значимые события, происходившие в приходе за год. В статье отмечалось, что «записи о таких случаях должны быть составляемы на основании достоверных данных, беспристрастно, осторожно, без лишнего разглашований, так, как бы то и другое событие происходило пред глазами составителя летописи, или как передано ему достоверными очевидцами»³.

Практически все дореволюционные летописи церковью Самарской епархии были утрачены в годы становления Советской власти. В Центральном государственном архиве Самарской области в фонде Самарской Духовной консистории отложились церковно-приходские летописи всего девяти сел, находящихся в данный момент на территории Самарской области, из которых восемь относятся к Сызранскому уезду. Это летописи с. Явлейка (летопись с 1880 по 1916 гг.); с. Пониклый Ключ (с 1875 по

* © Галыгина Г.В. — гл. специалист отдела использования архивных документов ГУСО «ЦГАСО», Центральный государственный архив Самарской области

1915 гг.); с. Усы (с 1883 по 1916 гг.); с. Теплый Стан (с 1898 по 1921 гг.); с. Дмитриево-Богородское (с 1876 по 1915 гг.); с. Дмитриевка (с 1892 по 1915 гг.); с. Репьевка (1876–1921 гг.); с. Царево-Николаевское (с 1877 по 1917 гг.); с. Царевщина Самарского уезда (с 1867 по 1915 гг.).

Самой полной и подробной из них является церковно-приходская летопись Христорождественской церкви села Царевщина (в настоящее время поселок городского типа Волжский). Именно в этой летописи подробно описаны события, связанные с установлением так называемой «Старо-Буянской республики» в 1905 г.

Церковноприходская летопись событий, составленная священниками Христорождественской церкви с. Царевщина Самарского уезда и губернии, 1905 год⁴

Революция готовится

Настоящий год был годом волнений, смут и беспокойств. Начавши волноваться еще в прошлом году, народ и теперь не успокоился, но с каждым днем становится все более и более восстановленным 1) против Правительства и 2) против Церкви.

Движение против Правительства было открытым, резким, против же Церкви, наоборот, скрытое: огонь вырывался наружу только изредка.

Главными воодушевителями были интеллигенты, до весны изредка приезжавшие из Самары, а также местный учительский персонал земской школы, земский фельдшер В.М. Козаков и некоторые крестьяне (напр., Порфирий Михайлов Солдатов, Лаврентий Никифоров Шибраев и др.). Ими распространялись в народе прокламации и одна из них была даже привешена в праздничный день на церковной ограде. Социалисты во время Великого Поста распространили слух о том, что весной они привезут пушку и станут разбивать амбар, снятый у Удела приезжими купцами «и тогда-де, все, кому надо, бери хлеб».

С открытием навигации (15 апреля) у нас в Царевщине стал заметен небывалый наплыв дачников, по преимуществу евреев. Они занялись агитацией в народе. Их слова пали на подготовленную почву. Так, 21 апреля, в четверг Пасхальной седмицы, вечером (недаром вечером: все-таки еще боялись) толпа прошла по улицам с пением «Марсельезы». До того времени если и пели подобные песни, то поодиночно, в два-три голоса, где-нибудь вдали на Кургане. То были спевки.

Забастовки

Как только пришло время грузить хлеб из амбаров на баржи, крестьяне забастовали. Вместо прежних 8 рублей потребовали 30 рублей с тысячи. Приехали было крестьяне других сел, которые соглашались работать на прежних условиях, но царевщинцы их насильно прогнали, пригрозивши перебить у них лошадей и перерубить колеса. Согласились работать за 20 рублей.

1 мая приехали 75 человек казаков и исправник. Народ присмирел. Во время переговоров на дворе удельного управляющего среди крестьян шнырял

студент – путеец Владимир Иванович Волков, живший в качестве репетитора у управляющего. Казаки на другой день уехали, а работы продолжались. Так как грузить по такой высокой цене охотников нашлось много, то стали работать в несколько смен часа по 3 – по 4 в день.

Ежедневно на площади происходили бурные торги. С раннего утра начинались крики и брань, а вечером по окончании работ происходило то же самое часов до 11. Иногда со стороны казалось, что вот-вот начнется побоище, но до этого, слава Богу, не дошло. Взявши хорошую цену, крестьяне не стали усерднее. Напротив, наемщики жаловались: «Просто беда, нужно скорее грузить, а они пронесут мешок да и сядут, а сказать тоже нельзя».

По примеру мужиков вздумали бастовать бабы и девки. За посадку леса они было потребовали себе 75 коп. вместо 25 коп. в день, но лесовод на это не согласился и выдержал характер. Садить леса осталось уже немного, и он сказал: «Хотите работать за 25 копеек – работайте, а не хотите – не надо».

Открытие памятника учителю А.П. Серафимову (Травля священника)

12 июня крестьяне решили устроить открытие памятника учителю Александру Павловичу Серафимову, <который>, судя по разговорам, был прекрасным учителем, но в это же время был человек неверующий и первый посадил в Царевщине семена социализма.

Крестьяне, движимые чувством солидарности, еще гораздо ранее хлопотали о разрешении поставить памятник на площади пред школой, но губернатор им отказал. Тогда они, очевидно, подстрекаемые дачниками-евреями, выбравши время на Пасху, когда у священника дела по горло, поставили памятник на церковном кладбище и просили меня освятить его, отслужить около него панихиду. Освящать памятник и служить около него панихиду я отказался, потому что он поставлен на кладбище незаконно, без разрешения. Но, по примеру прежних лет, согласился служить панихиду в школе.

Порфирий Солдатов (он был ходяком) на это согласился, но на другой день крестьяне передумали и опять пришли толпой (сельский староста – Степан Хорунжин, Порфирий Солдатов, Лаврентий Шибраев, Димитрий Гусев, Иван Потапов и еще двое или трое), пришли просить о том же, то есть служить у памятника. (Им хотелось устроить беспорядок, но в школе было это сделать неудобно, так как этим они подвели бы учителя). Они просили, по крайней мере, отслужить панихиду о всех умерших. Я согласился под условием, чтобы стол стоял не у памятника. В назначенное время я был на кладбище. Вскоре толпа принесла и иконы с пением «Святой Боже» (похоронное).

Я стал служить панихиду «о всех здесь лежащих», помянул и раба Божия Александра. В конце панихиды какая-то женщина из интеллигентных говорит:

– Я, батюшка, желаю отслужить панихиду об Александре Павловиче Серафимове. Я его родственница.

– Но ведь сейчас и его поминали...

– То была панихида о всех, и здесь не моя могила. Я желаю только об нем одном отслужить вон там (указывает на памятник).

– И там его могилы нет, и служить я там не стану.

– И мы – общество – желаем отслужить панихиду об одном только Серафимове, – сказал Лаврентий Шибраев.

– Если хотите, на этом же месте я могу отслужить и об нем одном, но может быть довольно малой панихиды?

– Ну хорошо, малую.

Отслужили. Я начинаю разоблачаться. Выступает Порфирий Солдатов и говорит:

Речь Солдатова

«Вот, братцы, я хочу сказать вам кое-что об учителе Серафимове. Хороший он был учитель. Многие его и теперь помнят. У нас он был учителем лет 16 или 17. Но, когда он помер, его все забыли, и уже через много времени вспомнили и решили ему поставить памятник.

Пригласили батюшку, отслужили панихиду и стали собирать деньги. Собрали 5 руб. 80 коп., но и после этого долго еще памятник не ставили. Наконец на Пасху на эти гроши поставили памятник. И вот понадобился аппарат-фотография, чтобы снять, когда его ставили, попросили у батюшки, и батюшка не дал. Ну, все-таки поставили памятник, а батюшка все отказывался служить панихиду, говорит, что это незаконно и грозил нам всем доносами».

(Сзади непонятный шум).

Выступает Иван Потапов с листом старой газеты.

«Я хочу вам прочесть про Серафимова, так сказать, биографический очерк. (Читает очерк такого содержания: “в с. Царевщине был пожар. Стогрел крестьянин Григорий Алексеев. Долго после этого он бедствовал. Сначала жил на квартире, но потом и с квартиры согнали. Жена его, Матрена, готовила пищу на костре. Наконец пришел он с сынишкой к Серафимову и просит помочь. У Серафимова денег не было, но он вышел и скоро возвратился. Он принес 10 рублей, которые отдал Алексееву без возврата”). Вот такой был человек Серафимов, – сказал Потапов, – и вот мы ему поставили памятник, а батюшка почему-то отказался служить панихиду».

На эти обвинения я объяснил, почему был против постановки памятника: «Памятник поставлен незаконно, без разрешения, на кладбище, где никаких построек возводить не полагается. Если я отписался кому следует, то сделал только то, что должен был сделать».

На мои слова ответил Ю.Е. Щербаков.

– Я, батюшка, должен вам заметить, что памятник стоит не на кладбище.

– Как, не на кладбище?

– Не на кладбище, а на удельной земле, и, так сказать, ответственным лицом за это являюсь я.

Этими словами г. Щербаков ввел в заблуждение присутствовавших горожан. Они поняли, что памятник стоит вне кладбища, тогда как он хотел сказать: не важно-де, что на кладбище, а важно то, что само кладбище на удельной земле. (А может быть, намеренно было выбрано двусмысленное выражение).

Слушать мое возражение не стали, а подняли такой крик, что я решил удалиться. При этом слышу крик Солдатова: «Хвалишься любовью, а панихиду не служишь, а рядом схоронил утопленника, умершего в пьянстве. По слову Апостола “не упивайся вином, в нем же есть блуд”, а ты схоронил, взял 60 руб. да и хочешь, чай, прямо в рай его отправить. Какая же это любовь? Нет, вот это так любовь: собрали деньги, да и поставили памятник. Это любовь!»

Так состоялось торжество. Торжествовали не столько по поводу открытия памятника, сколько по поводу того, что «попа затравили». Как мне после удалось узнать, главным образом обвиняли меня в том, что я поминал «раба Божия Александра», а не «учителя Александра».

Вот что писал мне Иван Потапов: «Разве Вы хоть раз упомянули в панихиде про учителя Александра? Разве Вам запрещено поминать учителей? Что за преступник наш незабвенный Александр Павлович, что Вы, батюшка, публично отказывались помолиться за него, только под давлением, под видом какого-то родственника, согласились служить панихиду за раба Александра, считая, что служите не о Серафимове».

Добрая половина крестьян была возмущена этой выходкой трезвенников. Последнее доказывается тем, что женщины в тот же день тожественно у меня просили прощения за односельцев, а один крестьянин (Степан Бурмистров) готовил корреспонденцию в газету, и только из боязни преследования Братчиков задержал ее.

После 17 октября

Как только крестьяне получили манифест (о свободе слова, собраний, союзов и неприкосновенности личности), то стали открыто собираться в школе. Собрания происходили ежедневно. В первые же дни они решили: «Земля наша, и лес наш».

22 -го, в субботу, приехал становой пристав (о манифесте он только слышал, но не читал его). Сам идти на собрание он побоялся и послал урядника. Но крестьяне, узнавши, что среди нас находится урядник, стали его искать, и ему пришлось удалиться.

По окончании собрания социалы пошли к въезжей квартире, где остановился становой пристав, и решили его попугать. Они несколько раз пробежали мимо дома, и при этом все стреляли из револьверов. Не довольствуясь этим, они стали кататься на лошади мимо того же дома и опять с выстрелами. Выстрелов было так много сделано, что в близ стоящих домах были все встревожены, просыпались не только взрослые, но и ребятишки, у которых, как известно, сон крепче.

Демонстрация

На другой день (23 октября) после литургии мы узнали, что ожидается демонстрация. Становой пристав от народа скрылся в квартире пишущего эти строки (местного священника), и этим поставил меня в неловкое положение пред народом. Он очень волновался и только тогда успокоился, когда пришел посланный им урядник с докладом.

Он рассказал, что сначала шествие с четырьмя знаменами (двумя старыми и двумя новыми) направилось к казенной винной лавке. Здесь они поставили знамена, заколотили дверь лавки и вывеску перевернули обратной стороной. Когда урядник хотел подойти поближе, демонстранты стали стрелять из револьверов и кричать: «Долой полицию!» Даже ребятишки, поощряемые большими, стреляли из игрушечных револьверов. Оттуда шествие направилось по улицам с пением и выстрелами.

На следующей затем неделе крестьяне постановили, чтобы при начале собраний звонить в большой колокол. «Мы, — говорят, — свою всеночную начинаем». Когда сторож сказал, что нужно спросить позволения священника, ему возразили, что «нечего его спрашивать, колокол наш».

С этого времени почти каждый день приходилось слышать о новых и новых постановлениях социалов. Особенно важные из них следующие.

1) отобрать церковную землю у причта и наделить их наравне с крестьянами; 2) не давать за требоисправления более составленной таксы (за венчание 3 руб., крещение 30 коп., погребение с выносом 1 руб., молебен 15 коп. и т. д.); 3) учреждается народный суд и народное управление; 4) благочинному церковных денег не давать; 5) уничтожить взъезжую квартиру и чиновников не принимать; 6) изгнание лесных удельных сторожей и т. д.

Военные походы «граждан»

20 ноября вечером из с. Старого Буяна пришла весть, что там на другой день ожидаются казаки. Царевщинцы живо по звону в колокол собрались, вооружились и помчались в Буян, чтобы сразиться. Но весть оказалась ложной и на другой день «бойцы вернулись с рати».

На следующий после возвращения день около 11 часов вечера вдруг... набат. Ужасно переполошились. Оказывается, опять та же история. Собираются ехать в Буян. В набат звонили три раза, а потом отправились.

Случайно вышло так, что в эти дни 22, 23 и 24 ноября) я ходил с постной молитвой. Из разговоров с крестьянами я узнал несколько интересных подробностей. Громадное большинство населения очень несочувственно относится к движению, и в Буян многие поехали под угрозами меньшинства. Угрожали тем, что если добудут землю и лес, то несочувствующим и не помогающим ничего не дадут, выгонят из села и даже будут поголовно избивать их, стреляя в окна. Кроме того, как рассказывают, во время тревоги по некоторым домам ходило человек пять и силой заставляли ехать. Поехавших «страха ради иудейска» была добрая половина. Надежда на их боевые доблести была плохая, но вот плачевная повесть о другой категории бойцов, бойцов по убеждению и об их вооружении.

«Товарищ» Иван купил револьвер.

— Иван! Ну казаки придут, ты что будешь делать? — спрашивает его сосед.

- Стрелять буду.
- Да ты в казака не попадешь.
- Попаду.
- Нет.

– Попаду.

– Ну вот что: испробуем. Я повешу полушубок, а ты стреляй. Если попадешь, то и в казака попадешь.

Товарищ Иван отходит сажень на шесть, стреляет два раза в полушубок и оба раза неудачно. Тогда он быстро сокращает расстояние второе и «убивает» полушубок. Слышатся шум и остроты.

– У меня руки замерзли, – оправдывается он.

– Да ты и в казаков-то, чай, не с печи стрелять будешь!

Знавшему несколько подобных фактов не нужно было быть пророком, чтобы наперед сказать: «Если у царевщинцев с казаками дойдет до вооруженного столкновения, то царевщинцы потерпят поражение». Понятно, после этого с каким волнением и страхом ожидалось вести из Буяна.

Прошел один день, на другой учительница М.А. Ивлиева в классе была с револьвером за поясом. После уроков они с другой учительницей З.А. Кожениковой собрали женщин и уговорили отправиться в Буян. Сами они переоделись в полушубки и крестьянские платки, подпоясались веревками и на паре лошадей помчались. Вслед за ними отправились несколько десятков женщин.

День опасений

25 ноября крестьяне обеих Царевщин ждали со страхом. Вот уже около трех недель как ходят слухи, что в этот день придут казаки и черносотенцы и будут бить всех без разбора.

Под влиянием этих слухов жители Новой Царевщины даже написали приговор, что мы-де с царевскими не идем, мы Бога и Царя признаем. Приходили ко мне депутаты и от жителей села Царевщины (Иван Шахватов, Прокопий Хорунжин) посоветоваться о том, как им быть, не написать ли им такого же приговора. Я им сказал, что подобный же приговор написать нетрудно, но только не видно от него никакой пользы, хотя и вреда нет.

– Мы так мекаем (думаем), батюшка, – говорят депутаты, – не без разбора, если что, бить-то будут. Ведь мы, например, вовсе не виноваты.

– Этого не бойтесь, – отвечаю я, – беспорядки, конечно, при настоящем настроении народа могут быть, но чтобы, как вы говорите, казаки или черносотенцы стали бить без разбора всех, это неправда. А еще что скажу вам: что бы ни вышло, нам, христианам, нужно стараться поддерживать мир. Пусть лучше нас бьют, а мы должны даже врагов своих щадить.

В таком духе я старался высказываться везде, чтобы успокоить народ и даже 23-го числа с этой целью устроил чтение в Ново-Царевщинской школе. Но, несмотря ни на что, народ не был спокоен, да и сам-то, конечно, ни за что не поручился бы. Некоторые даже на этот день выезжали в соседние села, а некоторые готовились к смерти: исповедовались и причащались.

Так 21-го числа взрослых причастников было человек 50. 20-го и 21-го храм особенно был полон молящимися. Это не понравилось либералам. Лаврентий Шибраев говорил: «Вот дураки, испугались, повалили к попу, а он их угощает искусной эссенцией» (т. е. проповедью). К счастью, этот день ознаменовался только тем, что учитель М.А. Авдеев уехал в Буян и ученья не было, и тем, что вернулись «граждане из похода».

Вот что рассказывают о событиях в Буяне. 25-го числа приехали туда вице-губернатор, исправник и 100 человек казаков. На казаков была устроена засада под мостом, в овраге между селами Старым Буяном и Красным Яром. Засевшие крестьяне казаков не дождались и, продрогнув до костей, ушли. Казаки, не зная о засаде, прошли другой дорогой и вперед посылали разведчиков. Один крестьянин говорил: «Мы казаков боялись, а они нас боялись». Начальники объяснили, что народное управление крестьяне учредили рано, и поставили прежнего старшину, удаленного самовольно крестьянами.

Говорили, будто на станowego пристава составили протокол в том, что он вошел в дом в шапке, сел под портретом императора и закурил, и добавляли, что «вице-губернатор при нас ему «выговаривал». Если это правда, то, конечно, становой нехорошо поступил, но и жалоба крестьян есть лицемерие. Ведь царя они не признают, а за оскорбление его притягивают к наказанию станowego. Выходит, они делают это только для того, чтобы насолить человеку.

Все главные «горлогрызы», кроме одного Порфирия Солдатова, прятались позади.

Долой фельдшера Н.Н. Николаева

4 декабря крестьяне, человек 10–15, попросили фельдшера Н.Н. Николаева, поступившего в Царевщину летом 1905 года, удалиться из аптеки и даже не дали взять собственные инструменты и заколотили ее. Это они сделали, как говорят, из боязни, что фельдшер, которому земская управа по недостатку денег не дает жалованья, растратит лекарства.

Долой священника С. Самуилова

Держится слух, идущий, по-видимому, из достоверных источников, о том, что составлен приговор такого содержания.

Священник Сергей Самуилов организует черную сотню и подговаривает бить борцов за свободу. Для этого он выдумал ходить с постной молитвой, что раньше не было, для этого же он ездил в д. Новую Царевщину 23 ноября. По своей жадности к деньгам он распространяет слухи о готовящихся избиениях, чтобы к нему больше шли в храм и несли денег. Поэтому мы не желаем, чтобы он оставался у нас.

Для выяснения истины считаю долгом поместить в летописи свои объяснения.

Обычай ходить с постной молитвой раньше в Царевщине не было, но я пошел вовсе не с той целью, чтобы организовать черную сотню, а потому что захотелось ввести добрый обычай. На это хождение я смотрел как на средство сблизиться с прихожанами, и не хотелось относиться к делу формально. Поэтому оставался в каждом доме довольно долго (до обеда успевал пройти 4–6 дворов). В беседе крестьяне сами заговаривали «о злобе дней», отъезде в Буян, выражали опасения за уехавших и передавали подробности.

Правда, я старался своими речами предохранить крестьян от увлечения движением, потому что оно имеет противохристианский и противощерковный характер, старался обнаружить его противохристианские свойства.

Либералы говорят, что они против церкви и религии не идут, но зачем же они спрашивают иногда: «Какой Бог? Кто Его видел?» Зачем они встают против церковных постановлений (о постах, иконах и т. п.), рассуждая как сектанты. Почему они никогда не говеют, не причащаются, в храме бывают только на Пасху? Времени нет? Они всегда за работой? (так они обыкновенно оправдываются). А почему же тогда находится время посещать ежедневно социалистические собрания? Нет, здесь другая причина.

Правда, все это я говорил, но это ведь, кажется, идеи не черносотенные. Я только раскрывал противохристианский характер движения, лицемерно скрытый под маскою равнодушия и справедливости. Говорить же об избии «свободников» не в моих убеждениях, которые выражены в словах к депутатам села Царевщины, приведенных выше (см. «День опасений»).

Решение ходить с постной молитвой у меня явилось гораздо ранее появления слухов, летом. Немалым толчком к этому решению было высказанное крестьянином Семеном Васильевичем Суловым обвинение в том, что «пастыри наши нас не знают, к нам мало ходят, а он (пастырь) взял бы в руки палочку, да и пошел бы по нам». Вот я пошел, но что же заслужил? Титул предводителя черной сотни!

Ездил в Новую Царевщину и устраивал чтения я с тою же целью, что и ходил с постной молитвой, т. е. сблизится с народом, послужить ему, дать духовной пищи. Чтения в школе с волшебным фонарем были у нас и в прошлом году, но почему же меня тогда не причислили к какому-либо обществу, подобному черной сотне.

Говорить о своем некорыстолюбии я не буду, но в данном случае упрек в жадности несправедлив. Если бы я распространял вышепереданные слухи и из-за корысти ходил бы по домам, то я постарался бы не упустить того, что само лезло в руки, не стал бы отказываться (как то было) от денег, которые мне предлагали почти в каждом доме.

В земской школе

Ученье началось 7 ноября, так как до сих пор отстраивалось новое здание. С первой встречи (19 ноября) с учениками старшего отделения стало ясно, что так называемое «освободительное движение» отразилось и на них.

Мой приход в класс был встречен выстрелом из игрушечного револьвера. Я сделал замечание и велел читать молитву, но, увы, лучший ученик не может прочитать без многочисленных ошибок молитвы «Царю Небесный». И неудивительно, ведь в школе с нынешнего учебного года общая молитва отошла в область преданий. Учиться начали в новом неосвященном здании, и даже не отслужили молебна, как то было раньше. В младшем отделении нет икон совершенно. Их-де оставили в прежнем помещении, в народном доме, а сюда не хватило. Скажите теперь, читатель, это ли еще не противокерковное направление?

После молитвы я стараюсь овладеть вниманием учеников, чтобы начать объяснение. Но не тут-то было: внимание их уже занято заряданием вновь револьвера. Объясняю неблаговидность их поведения — не слушают и не обращают внимания, начинаю рассказывать историю — шумят, кричат, что все

это они уже знают, начинаю стыдить, а ученик, скорчивши преглупую мину, похлопывает очами, и видно, что слова как к стене горох. Несколько новых выстрелов выводят меня из терпения, и я уйду из класса.

В учительской комнате я встретил заведующего М.А. Авдеева и рассказал ему случай и просил совета. Он сказал, что выстрелы были и на его уроках, но он уговорил учеников и мне посоветовал на подобные случаи не обращать внимания.

На следующий день (26 ноября) я стал объяснять ученикам, что Закон Божий нужно знать всем христианам, и не только для настоящей жизни, но и для будущей.

– А кто ее видел, будущую-то жизнь? – возразили ученики.

– Значит, вы не верите в нее?

– Докажите, тогда поверим.

– А чему же вы верите? Священному Писанию вы, например, верите?

– Не знаем (О, дети, дети!).

– Если вы верите Священному Писанию, то должны верить и в будущую жизнь, ведь там сказано, что «дух (человека) возвратится к Богу, иже и даде его» и как Бог вечен, так и душа человека бессмертна.

– Вот вы говорите так, а у нас есть книга, где говорится, что человек от обезьяны.

Пришлось пуститься в философию. Объяснил, что самое совершенное животное не может приобрести то, что имеет даже дикарь, а именно чувство стыда или совесть. Посредством этого чувства человек узнает не только, что приятно или неприятно, но и различает добро от зла. Совесть есть прирожденное человеку свойство, голос Божий.

– Вы говорите что Бог везде, а по-нашему Он только в честных и совестливых людях, а в нечестных и бессовестных Его нет.

Объяснил что Бог не есть совесть и не честь. В таких рассуждениях прошел час. На другой час несколько учеников выразили желание заниматься Законом Божиим, и я просил учеников, которые не желают сами заниматься, не мешать остальным, но эта просьба не была уважена.

29 ноября я спрашивал Преосвященного Константина о том, что ввиду такого настроения учеников не будет ли полезнее для прихода мне совсем не заниматься в старшем отделении, а посвятить эти часы церковной школе в деревне. Преосвященный сказал, что пока есть желающие, нужно с ними заниматься, нежелающим можно позволять выходить из класса.

В следующий раз я так и сделал, но, к моему удивлению, никто не вышел. Шалости продолжались, но из класса никто выходить не хотел, несмотря на мои настоятельные просьбы и даже требования. Ученики позволяли себе говорить дерзости вроде того, что «сами выходите из класса, мы распоряжаемся классом, а не вы» и т. п.

Наконец, дело дошло до того, что ученики старшего отделения перед моим приходом в младший класс писали на доске «долой попа». Во время урока отворяли дверь класса, кидали горохом, свистели и пр.

По моему убеждению, виноваты в таком поведении учеников семья и школа.

Либералы добираются до церковной школы

24 ноября я читал в Ново-Царевщинской школе народу житие Св. мученицы Екатерины. По окончании чтения, когда народ расходился, несколько человек из местных либералов просили меня дозволить им собрания в школе. Я отказал. Меня спрашивают: «Почему? Чья это школа? Народная? Значит наша?

— Ваша? Вы ее строили? Вы ее отапливаете? Вы почему летом не переложили печей? Вы нанимаете сторожа? Нет, она не ваша. Она принадлежит тому, кто ее строил и содержит. Строилась она на средства Епархиального училищного совета, заведу же этой школой я. Но так как она существует для народа, то я спрошу и у народа:

— Мужики! Вы хотите, чтобы здесь были собрания, как в Царевщине?

Дружные голоса:

— Нет! Нет! Не хотим! Они народ смущать будут! Под праздники песни будут петь! Не пускайте их, батюшка.

— Видите, и общество не желает собраний в школе, а спор давайте прекратим, от него пользы не будет.

— Как не будет пользы? — возразил Алексей Тарасов, парень 16 лет. — В этих спорах все образование.

— Извини, брат, образование не в спорах, от споров только неудовольствия зло.

Подобный же разговор и на ту же тему произошел после чтения 6 декабря.

Как отразились забастовки на Царевщине

В конце года стали ясны следствия забастовок. Потерпевши убыток, скупщики хлеба не приехали. Благодаря этому крестьяне обеих Царевщин лишились возможности во всякое время продавать хлеб. Они лишились возможности сдавать за подходящую цену свои амбары, сени и сараи для сыпки хлеба.

Постоялые дворы, которых целая улица, лишились постояльцев, а весной крестьяне будут лишены возможности заработать при грузке хлеба. По случаю забастовок крестьяне лишились возможности работать в лесу, в горах, а для многих, не сеявших хлеба или сеявших мало, это был единственный источник добыть денег на покупку хлеба. (На этих промыслах крестьяне зарабатывали в зиму от 20 руб. до 150 руб. и более). Многим придется теперь голодовать.

Священник Сергей Самуилов

Примечания

¹ Самарские Епархиальные ведомости. 1867.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Печатается по ЦГАСО. Ф. 32. Оп.34. Д.7 Л. 12-21об.

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Е.Ю. Федорова*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ КАМЕННОГО СТРОЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ И ИСКУССТВОВЕДОВ

Проблемы русской архитектуры и градостроительства имеют долгую историю исследования, как историками, так искусствоведами и теоретиками архитектуры. В данной статье мы остановимся на оценках русского градостроения второй половины XVIII века, характер которого в это время во многом определялся деятельностью учрежденной 11 декабря 1762 г. Комиссии каменного строения.

Весь пласт литературы по данному вопросу мы разделили на две группы, в рамках которых проводили анализ. **Первая группа** – работы, в которых прослеживаются общие тенденции развития российской архитектуры и градостроения данного периода, причем деятельность Комиссии здесь рассматривается как неотъемлемая составляющая этих процессов. В этой группе работ мы также выделяем некоторые аспекты, по которым характеризовалась деятельность Комиссии.

Характер и цели деятельности Комиссии – здесь выделяются три точки зрения: *классовый поход*, согласно которому переустройство городского пространства отвечало задачам оформления сословной иерархии в городском пространстве; представители второй группы рассматривают работу Комиссии как *объективное требование времени, связанное с ростом числа городов*. Несколько компромиссная точка зрения декларирует, что *функциональное зонирование городского пространства сопровождалось социальным зонированием*, по которому беднейшие жители переселялись на окраины, так как не могли позволить себе постройку каменного здания, как того требовала Комиссия.

Количество проектов, разработанных Комиссией, в литературе варьируется от 200 до 400.

Периодизация деятельности Комиссии

Автор первой периодизации (**Н.А. Евсина**) выделяет три периода работы Комиссии, а в качестве логического основания выделяет количество разработанных Комиссией планов: 1766–1774 гг. – 16 планов; 1776–1786 гг. – 287 планов; 1792–1794 гг. – 4 плана. Интенсификацию деятельности во второй период автор связывает с губернской реформой 1775 г.

Т.Е. Каменева, автор второй периодизации, основывает ее на деятель-

---

* © Федорова Е.Ю. – студентка V курса исторического факультета Самарского государственного университета, 2010

ности главных архитекторов Комиссии. Таким образом, она выделяет три периода: 1762–1772 гг. – А.В. Квасов, когда происходило конституирование основополагающих принципов работы и их первое воплощение на практике; 1772–1774 гг. – И.А. Старов – апогей в работе Комиссии, когда была найдена золотая середина между предписаниями времени (каменная регулярная застройка) и историческим наследием городов. 1774–1796 гг. – И. Лем – схематизация работы Комиссии, когда ранее выработанные планы и схемы применялись на новое городское пространство без учета существующих особенностей городского.

Напротив, **С.С. Ожегов** в качестве фактора выделения периодов рассматривает основные проблемы, которыми занималась Комиссия в периоды своей деятельности. Поэтому автор обозначает два периода: 1760-е гг. – разработка планов крупных городов; 1770-е гг. – члены Комиссии обращаются к решению градостроительных задач и мелких городов.

Вторая группа работ затрагивает вопрос деятельности Комиссии в связи с изучением пространства отдельно взятого города.

Авторство проектов – исследователи спорят о том, кому принадлежала инициатива переустройства города и непосредственно план переустройства. **Одни авторы** сходятся во мнении, что все проекты исходили непосредственно из центра – здесь они разрабатывались и посылались на места для утверждения, некоторой корректировки и воплощения на практике. Но **большинство исследователей** полагают, что Комиссия была лишь корректирующей и согласующей инстанцией, а изначально все планы разрабатывались на местах. В частности, отмечают, что ввиду нехватки квалифицированных кадров архитекторов планировочной деятельностью занимались местные топографы и землемеры под чутким руководством генерал-губернаторов.

Характер проектной деятельности – в основе разногласий вопрос о том, учитывались ли при новой планировке ранее сложившиеся особенности городского пространства. Так, **одни авторы** полагают, что в основе деятельности лежал принцип регулярства, чему и подчинялись все проекты Комиссии. **Другие** в защиту деятелей Комиссии утверждают, что первостепенной задачей было сохранение исторического центра города и «безболезненное» его перевоплощение в административный центр.

Причины того, что проекты редко воплощались на практике полностью – в этом вопросе также усматривается некий дуализм. **Одни авторы** называют основополагающей причиной недостаточный контроль над выполнением планов, однако, принимая во внимания то мнение, что зачастую создание нового плана инициировалось непосредственно с места, эта точка зрения подвергается сомнению. **Другие авторы** видят причину в том, что в условиях частной собственности было сложно заставить домовладельца тратить деньги на переустройство.

Общие моменты в оценке деятельности Комиссии: 1. Единый принцип планировочной деятельности – регулярство; 2. Деятельность Комиссии обусловила распространение в пространстве русского города второй половины XVIII в. стиля классицизм; 3. Комиссия каменного строения – уникальное явление российского и мирового градостроительства.

С.С. Кочережко*

ДВОРЯНСКИЕ МЕМУАРЫ О ПОВЕДЕНИИ ДВОРЯН ВО ВРЕМЯ «ПУГАЧЕВЩИНЫ»

Источниковой базой исследования послужили шесть мемуаров дворян, упоминавших Пугачевское восстание. П.С. Рунич, Г.Р. Державин, Е.П. Чемесов, Д.Б. Мертваго имели непосредственное соприкосновение с восстанием, а И.И. Дмитриев и А.Т. Болотов получили информацию о бунте от третьих лиц (по слухам, предупреждениям и т. д.).

Дворянские мемуары упоминают о **трех основных формах поведения дворянства во время восстания**: бегство от него, переход на сторону пугачевцев (предательство), а также участие в борьбе с «пугачевщиной».

1. Предательством (преступлением) считался лишь *переход на сторону восстания и сдача Пугачеву*. Г.Р. Державин приравнивает «сложение оружия» к «умышленному преступлению»¹. Все остальные формы спасения дворян-помещиков не считались преступлением, а попадали лишь в сферу моральной оценки других дворян.

Исходя из представленного в мемуарах материала, можно выделить следующие *мотивы перехода дворян на сторону Пугачева*.

а) *Страх смерти и стремление выжить*.

б) *Стремление спасти, кроме своей, жизни других дворян*.

Прекрасной иллюстрацией этих мотивов может послужить повествование Д.Б. Мертваго о смене воевод в г. Алатыре во время восстания. Бежавшего законного воеводу Белокопытова пугачевцы заменили прапорщиком инвалидной команды Сердешевым, которому было приказано «вешать всех дворян», но он решил воспользоваться своим положением и спасти дворянские жизни: приказал не убивать дворян, а свозить их в город и сдавать ему в обмен на 10 рублей. За день тюрьма оказалась полна дворянством. С уходом пугачевцев в город вернулся прежний воевода с солдатами, арестовал Сердешева и начал формировать отряд для борьбы с повстанцами. Однако, приняв только что прибывший казачий карательный полк за пугачевцев, Белокопытов «в испуге спрятался в огороде...», и когда казаки привели его к ротмистру, он, «думая, что он стоит перед Пугачевым, объявил себя слугою самозванца; ротмистр, дав ему несколько пощечин, вывел несчастного на площадь и при множестве собравшегося народа высек плетью»². В этом рассказе легитимный воевода Белокопытов олицетворяет стремление выжить любой ценой (сначала бегством, затем — предательством), а назначенный Пугачевым Сердешев — стремление спасти и свою, и чужие жизни.

в) *Недовольство властью*.

Примером может послужить свидетельство Г.Р. Державина, который в конце 1773 г. в Петербурге слышал, что Владимирский гренадерский полк (который собирались послать на борьбу с восстанием) заявил готовность по-

* © Кочережко С.С. — студент V курса исторического факультета Самарского государственного университета, 2010

ложить «ружья пред тем царем, который... появился в низовых краях, кто бы таков он ни был». Причиной было недовольство полка тем, как его приняли в Петербурге на свадьбе царевича Павла (их заставили «бить сваи на реке Неве, как строилась дворцовая набережная» и даже не дали им «по чарке вина»)³.

г) *Агитация пугачевцев.*

П.С. Рунич указывает, что Пугачев при осаде Татищевой крепости, Казани и Саратова со своими командами, «безпрестанно с криком подходя к самым укреплениям, уверял и обольщал ласками солдат», «угрожал их, чтобы не дрались против своего государя». В Саратове солдаты открыли двери города восставшим⁴.

2. Мемуары рисуют картину *массового бегства дворян* (как дворян-помещиков, так и дворян, занимавших военные и гражданские должностные посты). В изученных мемуарах *бегство дворян-военных и дворян-чиновников* обычно не подвергается моральной оценке со стороны авторов мемуаров, а просто констатируется ими. Довольно часто повествуется о том, как такие дворяне бежали из городов, чтобы спрятать документацию и казну (а заодно и спасти собственные жизни). Бегство же *дворян-помещиков* не осуждалось вообще, а считалось вполне допустимым и даже необходимым.

3. Дворяне-помещики могли *участвовать в подавлении восстания* опосредованно — посредством направления своих проверенных крепостных в «уланские корпуса» или «отряды копейщиков» (как, например, Болотов), а дворяне-чиновники и дворяне-военные могли участвовать напрямую — лично возглавлять карательные отряды или собирать их, проводить допросы и т. д. (например, Чемесов). Возможен был и еще один вариант: пойти на службу в главные правительственные войска, как и поступили Рунич и Державин.

Можно сконструировать некий «кодекс чести» дворянина — *идеальный образ такого поведения*, которое в условиях восстания позволяло не уронить дворянского достоинства. Эти принципы во многом повторяют традиционные идеалы высшего сословия.

Сохранять верность присяге законной императрице.

Не бежать от опасности и не бояться отдать жизнь за службу. Этот принцип относится, безусловно, к служащим дворянам, а не к помещикам.

Честно и в полной мере исполнять свою службу (быть инициативным и деятельным, четко исполнять приказы).

Помогать другим дворянам, их семьям и детям.

Не скрывать свой дворянский статус перед бунтовщиками. Так, Д.Б. Мертваго, будучи 14-летним подростком, скрываясь от пугачевцев в лесах и отлично понимая, что статус дворянина означал неминуемую смерть, на вопрос встречный: «Кто такой?» — всегда отвечал, что он дворянин⁵.

Таким образом, представления дворян об идеальном поведении и их реальные действия совпадали далеко не всегда. Преступлением считалось не бегство, а переход на сторону восстания. Наиболее массовой формой поведения дворян во время бунта было бегство, которое не осуждалось.

Примечания

¹ Державин Г.Р. Записки. М., 1860. С. 55–56.

² Мертваго Д.Б. Записки // Екатерина II. Фасад и задворки империи. М., 2007. С. 113, 114.

³ Державин Г.Р. Записки. С. 52–53.

⁴ Рунич П.С. Записки сенатора Павла Степановича Рунича // Русская старина. 1870. Т. 2. СПб., 1875. С. 87, 115, 116.

⁵ Мертваго Д.Б. Записки. С. 107, 110.

П.А. Мистрюгов*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ОРГАНОВ ВЧК НА МЕСТАХ

Деятельность чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем как структурное подразделение советской власти, обладавшее судебными-карательными функциями, всегда привлекала внимание исследователей. В изучении этой темы традиционно выделяется три этапа. На первом этапе, в 1920–1950-е гг., работы создавались в условиях военно-политического и идеологического противостояния Советской России и стран Запада. В связи с этим они носили преимущественно пропагандистский характер, были нацелены на обоснование выдающейся роли ВЧК в разгроме контрреволюции¹. Кроме того, в это время единственно возможной теоретической основой исследования было учение И.В. Сталина о социалистическом государстве и его функциях. На втором этапе, во второй половине 1950 – первой половине 1980-х гг., появились исследования, в которых описывались наиболее громкие операции, которые она проводила, затрагивались аспекты нормативно-правового оформления структуры². Итогом советского изучения темы стала разработка концепции причин возникновения ВЧК, основных целей и этапов ее деятельности. На третьем этапе, в конце XX – начале XXI вв., исследователи подвергли кардинальному пересмотру проблемы исторических причин создания и реорганизации ВЧК, стали анализировать методы ее карательной деятельности, соотношение законодательного и незаконного в осуществлении репрессий. На основе расширяющейся документальной базы стало возможным начать выявление роли ВЧК в системе органов власти и управления, действительных и надуманных угроз безопасности РСФСР³. В целом вопросы становления ВЧК и особенно деятельности местных ЧК, их взаимодействие с органами власти и управления, общественными организациями изучены недостаточно. Требуют рассмотрения вопросы формирования и функционирования чрезвычайных структур в первые годы советской власти, политические и ментальные аспекты их создания.

Самарская губернская чрезвычайная комиссия была образована 1 декабря 1918 г. В октябре–ноябре 1918 г. в Самарской губернии действовала фронтовая ЧК при штабе 4-армии. Переформирование фронтовой ЧК в губернскую было закончено лишь к 23 декабря 1918 г. согласно штатному расписанию, утвержденному II Всероссийской конференцией ЧК⁴. Судебное строительство в губернии, в частности организация ревтрибунала, как показывает анализ источников, «...затягивалось сознательно, дабы не стеснять деятельности ЧК, нуждающейся в известной свободе действий в борьбе с контрреволюцией ввиду прифронтового положения»⁵. В конце 1918–1919 гг. стали организовываться губернские и уездные аппараты СамгубЧК. Первый ее председатель И.Г. Бирн вопросам внутренней организации практически

* © Мистрюгов П.А. – студент V курса исторического факультета Самарского государственного университета, 2010

не уделял внимания, в результате чего аппарат ЧК пришел в крайнее расстройство и упадок: плохая организация разведки, запущенность и задержка дел, мягкость наказаний за контрреволюционные преступления. Возникла необходимость учредить постоянный действующий орган контроля над ГубЧК⁶. В ноябре—декабре 1919 г. началось реформирование губернской ЧК. Вторым председателем СамгубЧК Д.Г. Морозов провел ряд реорганизационных мероприятий, нацеленных на укрепление аппарата органов ЧК. В отделы ЧК были назначены его помощники для организации секретно-оперативного отдела, организованы столы информации и связи, информационных сводок и статистики, начался инструктаж и практическое обучение сотрудников оперативно-разведывательного отдела. Разведка была разбита на три группы: наружного наблюдения, внутреннего наблюдения и особых поручений⁷.

Создание и реорганизации уездных структур ЧК началось также в декабре 1918 г. Уездным ЧК было предоставлено право открыть отделения Комиссии и разбить уезды на несколько районов с назначением в них комиссаров⁸. В феврале 1919 г. было решено продолжить деятельность Бугурусланской уездной чрезвычайной комиссии⁹. К концу 1919 г. состояние уездных структур было крайне дезорганизованным: не были налажены связи с ГубЧК, отсутствовали реальные результаты работы. В связи с этим их деятельность была подвергнута губернским центром критике, упорядочены полномочия местных отделов. Для этого у чекистов отобрали широкие мандаты, разрешающие им обыски, аресты и т. д., запретили гоняться за мелкими спекулянтами и перегонщиками спиртосодержащих напитков¹⁰. Основные трудности в работе как губернской, так и уездных ЧК в 1918—1919 гг. были связаны с организационной и технической слабостью отделов, нехваткой кадров, низкой квалификацией работников¹¹. Весной—летом 1920 г. положение с кадровым обеспечением еще больше осложнилось¹².

Особую роль в организации и деятельности органов ЧК на местах играли партийные органы ВКП(б). В декабре 1918 г. сложились остроконфликтные взаимоотношения между Самгубкомом ВКП(б) и ГубЧК, когда Губком выразил недоверие ГубЧК и требовал замены ее состава, обвиняя последнюю в освобождении контрреволюционных элементов, расстрелах невинных людей, хаотическом ведении дел и следствия¹³. Тем не менее итогом противостояния стало мирное урегулирование всех противоречий, а дальнейшее сотрудничество развивалось по линии взаимоконтроля и обмена сотрудниками, осуществлялась совместная информационная деятельность для пресечения «вылазок контрреволюционных элементов». Одним из основных вопросов совместной деятельности было кадровое обеспечение ЧК. В январе 1919 г. на заседании фракции коммунистов /большевиков при СамгубЧК было постановлено «предложить президиуму СамгубЧК беспартийных на службу не принимать...»¹⁴. Сотрудников в ЧК направлял как губком, так и сами органы ЧК постоянно запрашивали сотрудников. Самгубком стал основным источником пополнения кадрами СамгубЧК по причине нехватки кадров в Центре¹⁵. В то же время СамгубЧК не всегда принимала присылаемых партий работников¹⁶.

Анализируя деятельность местных чрезвычайных структур в первые годы советской власти необходимо выделить не только причины их создания, но и социоментальные особенности функционирования. На начальных этапах становления советской государственности сказалось не только идеологическое, но и организационное влияние радикальных партий – эсеров-боевиков, большевиков, стремившихся к революционному насилию. В связи с этим окружающая социальная и политическая реальность формировала довольно однозначные представления у молодой советской номенклатуры: либо «наши», либо «классовые враги». Кроме того, необходимо отметить фанатичную веру в правоту и важность осуществляемого дела – строительства нового справедливого общества.

Примечания

¹ Лаиц М.Я. (Судрабс) Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М.: Государственное издательство, 1921; Он же. Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, преступлением по должности. М.: Государственное издательство, 1920; Софинов П.Г. Страницы из жизни Ф.Э. Дзержинского. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1956.

² Кравченко В.Ф. Первые шаги ВЧК (новое о заговоре Локкарта) // Советское государство и право. 1967. № 3; Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» (1917–1922 гг.). М.: Госуд. изд-во полит. литературы, 1960; Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2 кн. М.: Изд-во полит. литературы. 1986; Портнов В.П. ВЧК 1917–1922 М.: Юридическая литература, 1987.

³ Камалова Г.Т. Подразделения ВЧК-ГПУ-ОГПУ в системе органов государственной власти (1921–1929 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 11. № 2. 2009; Леонов С.В. Создание и реорганизация ВЧК // Исторические чтения на Лубянке 1997–2007. М., 2008; Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М.: «Наука», 2000; Павлов, Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917– середина 1950-х годов М.: РОССПЭН, 1999; Голиков Д. Правда о врагах народа. М.: Алгоритм, 2006.

⁴ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 22.

⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 1868. Оп. 2. Д. 3. Л. 14.

⁶ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 32.

⁷ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 46.

⁸ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 22–23.

⁹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 1.

¹⁰ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 46.

¹¹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 44–45.

¹² СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 258. Л. 125.

¹³ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.

¹⁴ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 24.

¹⁵ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 43.

¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 97, Л. 118, 126, 140.

Т.О. Гурьева*

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕВОЕННОГО ДВОРА

Понятие «двор» предполагает наличие нескольких значений. Прежде всего, под *двором* понималось некое замкнутое пространство, ограниченное зданиями, сараями и заборами и соответствующее почтовому адресу. Но *двором* называлась и некая община, совокупность всех людей, живших в одном доме. Целью нашей работы является рассмотрение форм освоения двора детьми и другими возрастными группами, непосредственно связанными с миром детства. Под возрастной категорией «детство» мы понимаем период с 5 до 16–17 лет, т. е. лишь тех, кто мог создать — письменно или устно — документы самоописания и вербальной саморепрезентации.

Дворы можно классифицировать по времени постройки домов. *Дореволюционная* застройка составляла большую часть городского жилого фонда вплоть до конца 50–60-х гг. XX в. Можно выделить *несколько этапов функционального использования двора*.

Судя по нормативным документам, единственной предусмотренной во дворе формой деятельности *до революции* была хозяйственная, которая осуществлялась в основном дворниками¹.

После революции контингент «слуг» стремительно сокращался, что вовлекло большинство жителей дома в дворовый быт. Вынужденной мерой мог считаться и детский дворовый досуг, вызванный занятостью родителей или неимением пространства в жилищах.

Другим типом двора, рождавшим новые формы дворового быта, был *двор в советских новостройках*. Хозяйственные объекты в таких дворах выносились на периферию, освобождая центральную часть для досуга².

В послевоенное время, до начала 60-х, основным обитателем улиц была «дворовая шпана», «бракка», «кодла». О таких детях говорили «рванина», «дети улицы», «воспитанники дворов и подворотен», почти все они курили, ругались матом. Часты были конфликты таких детей с «правильным миром» — участковыми, управдомам. Детям из «хороших» семей выходить во двор и общаться со «шпаной» запрещалось. *Детских* игр и забав было великое множество. Одним из распространенных занятий во дворе детей, подростков и молодежи были *спортивные и подвижные игры*. Также были и довольно рискованные, граничащие с уголовщиной. Одними из самых популярных здесь были *расшибалка, пристенок*, которые считались азартными играми и преследовались милицией. Кроме постоянных дворовых игр были и временные, игры-поветрия, возникавшие после выхода на экраны какого-нибудь фильма и забывавшиеся с выходом другого. Например, показ «трофейного» американского фильма «Три мушкетера» привел к массовым сражениям на шпагах. Фильм «Александр Невский» добавил к обычным шпагам латы, шлемы и мечи.

Обитателями двора были не только дети, но и *другие половозрастные груп-*

* © Гурьева Т.О. — студентка V курса исторического факультета Самарского государственного университета, 2010

ны, составлявшие неотъемлемую часть двора, — сообщества — мужчины и бабушки. *Мужской дворовый досуг*, как правило, основывался на совместной выпивке. Наиболее «знаменитой» дворовой группой были т.н. «доминошники». Совершенно иную позицию в структуре взаимоотношений жителей дома занимало *сообщество бабушек*. Бабушки выполняли коммуникативную функцию. Они нередко оказывались, с одной стороны, «информационным центром», а с другой — своего рода контролирующей инстанцией, обладавшей если не властью, то во всяком случае некоторым авторитетом в вопросах, касающихся повседневного дворового быта.

Дворовая жизнь была как бы продолжением другого стандарта советского городского существования — «коммуналки». Но если «коммуналка» представляла собой мир взаимоотношений взрослых, то двор был главным местом обитания детей и подростков. Современный двор практически утратил прежние функции. Теперь он не играет роли в формировании общественного мнения. Двор перестал быть той единой общиной, центром взаимовыручки, которым он был в советский период. Сегодня делаются попытки возродить дворовый быт — двор облагораживается, там строятся детские площадки с песочницами и качелями, кое где можно увидеть дворовый каток. Но вернуть то чувство защищенности, открытое общение с соседями и товарищами, которое было присуще советскому периоду вряд ли удастся.

Примечания

¹ Алфавитный сборник распоряжений по С.-Петербургскому Градоначальству и Столичной полиции, извлеченных из приказов за 1886—1890 гг. СПб., 1892.

² Хазанов Д.Б. Унификация и стандарт в строительстве и архитектуре. М.,1967. С. 23.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Н.Н. Кабытова, М.И. Леонов, М.М. Леонов*

РУССКИЙ ИСТОРИК: ОТ ЭПОХИ СОЦИАЛИЗМА ДО НЫНЕШНИХ ДНЕЙ

— Михаил Иванович, к юбилейным датам принято подводить итоги прожитого и пережитого. Несомненно, ваш жизненный опыт, путь в науку, радости и печали, победы и трудности интересны и поучительны. Формирование личности начинается в семье, в детские годы. Ваше детство пришлось на военное время. Трудно жилось?

— Да, отца взяли в армию, когда мне не было еще и года. Он был убит на Курской дуге. А нас у матери осталось четверо. Старшему в 1941 году было 14 лет. Естественно, нужда была запредельная. Тогда все так жили, точнее говоря, многие. Кусок хлеба был радостью, а кусок хлеба, посыпанный сахаром — счастьем.

— Село Аксарка было населено русскими или там жили также представители коренных северных народов?

— Разные национальности. У нас в классе был один хант. Это уже были оседлые, ассимилированные ханты. Мне довелось общаться также с кочующими, или, как говорили на севере, «кослающими» хантами-оленоводами. Зимой они шли от океана на юг, поскольку холодно, снег большой, а олень — он ягель ест. А с весны шли обратно. К слову, когда говорят о передовых и отсталых народах, это противоречит моим представлениям. Наблюдая хантов, нанайцев и ульчей, я видел, как они добры, расположены ко всем, даже совершенно незнакомым, готовы прийти на помощь, приютить.

— Как складывалась жизнь после школы?

— Я окончил школу лучшим в классе, но сразу учиться не поехал, просто потому, что средств не было. Мать одна кормила нас всех. Надо было устраиваться на работу. Буквально через несколько дней по окончании школы мне предложили зайти в районный отдел народного образования. Им руководил наш бывший директор М.А. Баев. Он сказал, что нужен человек для ликвидации неграмотности и малограмотности у коренных народов. Я согласился, и меня направили в рыбацкую бригаду. На Севере это место называлось «песок». В большом бараке с нарами там жили ханты-рыбаки и я среди них. Ловили рыбу, ставили переметы на налима. Там я провел два месяца. По-

*© Кабытова Н.Н. — доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

© Леонов М.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

© Леонов М.М. — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и правовых дисциплин Самарской академии государственного и муниципального управления, 2010

сле этого нас направили в другое место, где были ханты и русские. Извечная картина: когда по соседству живут несколько этносов, это не значит, что они взаимопроникаемы. Каждый народ жил сам по себе, отдельным миром. Ханты отличались и одеждой, и бытом. Жили в разных домах и практически не общались. Я был единственным, кто контактировал с обоими мирами. Занимался с хантами, учил их письму и чтению. Затем меня направили работать в школу-интернат воспитателем. Туда собирали детишек хантов из «кослающего» племени. Я стал свидетелем любопытных с этнографической точки зрения сцен. Взрослые ханты привязывали оленя и перерезали ему горло, а детишки бежали с кружками, пили кровь. В сущности, это у них повседневное событие. Но для русского, со стороны, это выглядело необычно.

– Почему вы решили поступать в МГУ, где наверняка был высокий конкурс?

– Трудно сказать. Мысль пришла сама собой. Я знал, что это хороший, известный университет. Никаких прагматических замыслов не было. По приезде в МГУ я подал сначала заявление на юридический факультет, но оказалось, что здоровье не позволяет, сердце плохое. Поэтому я решил поступать на исторический. Это был 1960-й год. Тогда действовал «хрущевский закон», по которому 80 % поступавших на гуманитарные дисциплины должны были иметь стаж работы не менее двух лет, остальные 20 % шли как «школьники». Конкурс среди «школьников» был значительно выше, 13–14 человек на место. Профилирующие экзамены я сдал на пятерки. У меня была трудовая книжка и необходимый стаж, но случилась накладка, и я был зачислен как «школьник». Такие студенты первый год учились заочно, а потом их переводили на дневное отделение. Сначала это меня обескуражило. Я обратился к заместителю декана, подтвердил документами свой стаж. Он признал мою правоту и разрешил ходить на занятия с дневным отделением, но предупредил, что первый семестр я не буду получать стипендию, поскольку приказ о зачислении уже был издан.

– Как вы вышли из положения?

– Жить в Москве эти полгода мне было не на что, и я уехал в Алапаевск. Под Алапаевском у меня жила сестра. Там я устроился на работу в школу рабочей молодежи № 1. Она была ориентирована на рабочих Алапаевского металлургического комбината, на тех, кто не имел начального образования. У меня был опыт работы с такими людьми, ведь я начал трудовую деятельность ликвидатором неграмотности. Руководство комбината всячески поощряло рабочих к посещению школы. Директор должен был отчитываться, что его подчиненные учатся. Мне выписали пропуск на комбинат, и, пожалуй, много позднее я не имел такого легкого доступа ко всем начальникам. Стоило прийти, как меня вели к главному инженеру, начальнику цеха, и все были очень любезны. Проработав там весь первый семестр, я создал класс, в котором был самым молодым. Учились дружно, вместе ходили в кино. Когда я после первой сессии приехал увольняться, ученики плакали. После меня пришла другая учительница, но она была занята семьей, и отношения с классом у нее были прохладные.

– **Расскажите о своих студенческих годах. Как был решен вопрос с переводом на дневное отделение?**

– Я сдал экзамены первой зимней сессии в МГУ и пошел к замдекану К.Г. Левыкину. Он сказал, что мне придется учиться на очно-заочной форме весь год. Тогда я обратился к декану И.А. Федосову, который распорядился, чтобы меня перевели на дневное отделение со второго семестра. На втором курсе я пришел к профессору Е.Д. Черменскому с идеей писать о партии эсеров. Поскольку я был одним из первых, кто занимался этой темой по-настоящему, я сразу пошел в музей книги, получил разрешение пользоваться литературой спецфонда. С третьего курса стал постоянным посетителем спецхрана на четвертом этаже библиотеки имени Ленина. Работать было удобно, книги, журналы, газеты приносили через 15 минут, в большом количестве. Дипломное сочинение получилось неплохим, все хвалили. На защите диплома у меня было два оппонента, В.Я. Лаверычев и Л.Г. Захарова, словно я защищал кандидатскую. Председателем комиссии был В.А. Федоров.

– **Вы были кандидатом в мастера спорта по шахматам. Когда вы начали играть?**

– Еще в школе, хотя там это слабо было поставлено. Достойным противником был только наш историк, М.А. Баев, у него был второй разряд. Мы как-то организовали турнир, я занял первое место, он – второе. Мы с ним оторвались от всех на огромное количество очков. Потом, когда работал у хантов, играть было не с кем. А вот когда приехал в МГУ, попал в состав факультетской команды. Играл вместе с Юрой Разуваевым, который позднее стал гроссмейстером. Там я выполнил 1-й разряд, набрал кандидатские баллы... Позже играл sporadически, на рубеже 1970-80-х годов, уже в Куйбышеве.

– **Когда вы поступили в аспирантуру и как выбрали тему диссертации?**

– Я окончил МГУ с отличием в 1965, был среди лучших студентов курса, но аспирантом стал не сразу. В те годы существовало правило, что выпускники должны уезжать по распределению, работать три года. Меня распределили в Хабаровский политехнический институт. Вообще-то у меня была рекомендация ученого совета для поступления в аспирантуру, и я мог рассчитывать на открепление. Я зашел к заместителю декана по науке Ю.С. Кукушкину (будущему академику) и попросил помочь. Кукушкин обещал решить вопрос в министерстве, но через неделю развел руками: ничего не вышло. Поэтому я поехал в Хабаровск, работал три года на кафедре истории КПСС. Это был молодой вуз. Новое, хорошее здание, прекрасные условия для занятий. Учились в одну смену. Преподавательские кадры были собраны из разных городов. Нас, выпускников МГУ, на кафедре в Хабаровске было очень много, восемь человек. Позже, из Хабаровска, я написал Е.Д. Черменскому письмо, где изложил свои намерения продолжить разработку истории партии социалистов-революционеров, и в 1968 году поступил к нему в аспирантуру.

– Вы учились на историческом факультете, затем работали на кафедре истории КПСС, но не вступили в партию. Почему?

– Верно. Я был марксистом, но не был членом КПСС. У нас на курсе было много взрослых людей, среди них несколько партийных. Они выделялись деловой хваткой, прагматизмом. До поступления в МГУ они работали по пять-шесть лет, из-за большого перерыва после школы по уровню знаний они уступали остальным, зато вели общественную работу. Когда я преподавал в Хабаровске, мне предложили вступить в КПСС. Назвали людей, готовых дать рекомендацию. Но я уклонился от этого предложения, и мое место быстро занял другой. Тем не менее в ту пору я совершал много дел, которые можно считать общественными. Я ездил читать лекции по международному положению, побывал в тех краях, где добывают золото, где заканчивается узкоколейная дорога... В самом политехническом институте я сотрудничал в редакции газеты, постоянно занимался со студентами, организовал шахматную команду, шахматную комнату.

– Как вы оказались в Куйбышеве и когда завершили работу над кандидатской диссертацией?

– В Куйбышеве открылся университет, остро нуждавшийся в преподавателях. С мая 1972 года я пришел читать лекции на первом и втором курсе. Уже со следующей осени я читал весь курс истории России XIX – начала XX веков, отдельные разделы историографии и источниковедения, спецкурс, вел семинарские занятия. Каждую неделю, оба семестра. Первый год работы здесь я был сосредоточен только на преподавании. Требовалось составить огромный лекционный курс, 140 часов лекций. Я очень ответственный человек, не мог работать спустя рукава. Кандидатскую диссертацию я защитил в МГУ только в 1975 году. Тогда ввели закон, что диссертация должна быть не больше 195 страниц. У меня сначала получилось больше, на сокращение тоже ушло время.

– Как складывались отношения с преподавателями кафедры?

– Я не конфликтный по своей природе человек. Кафедрой заведовал профессор Ефрем Игнатьевич Медведев. Когда я приехал, ему было 69 лет. Меня с ним связывали теплые, хорошие отношения. Когда я защищал кандидатскую, он находился в Москве, пришел на заседание и с присущим ему юмором сказал: «У нас Михаил Иванович – «бригадир». Всюду ездит, куда пошлют». Я был у Медведева заместителем, вел всю документацию по кафедре. Ефрем Игнатьевич был человеком с большой природной одаренностью, пользовался уважением, любил поговорить, но не хотел заниматься бумажными делами. Как человек крестьянской закалки, деликатный, старался как-то компенсировать мои усилия по бумажному делу, поэтому освободил меня от кураторства и всяких мелких поручений. Затем приехал Федор Андрианович Каревский. Он немножко сторонился всех на кафедре, но деловые отношения у нас были хорошие. Также у нас работали молодые, общительные Геннадий Афанасьевич Широков, Галина Ивановна Матвеева. Потом приехал Петр Серафимович Кабытов, мы дружили с ним домами, ходили в гости.

Он написал об этом в своих мемуарах. Надежда Николаевна Кабытова стала работать на кафедре чуть позже, с осени 1972 года. Позднее в коллектив кафедры органично включились П.И. Савельев и Ю.Н. Смирнов.

– **Между защитами двух диссертаций прошло двадцать лет.**

– Да, кандидатскую я защитил в декабре 1975 года, а докторскую – в декабре 1995-го. Тема, которую я избрал, и усердие, с которым я занимался, потребовали времени. Надо сказать, что моя тема вызывала настороженность у функционеров. Я помню, в 1984 году во Владимире прошла конференция по Морозовской стачке, собирали материалы для сборника. Моя статья «Эсеры и рабочее движение в Центрально-промышленном районе» вызывала опасения. Обсуждение текста шло под лозунгом «как бы чего не вышло». Редколлегия настаивала на использовании в заголовке ярлыков «кризис эсеров», «антирабочая организация эсеров» и т. д. Не всякую статью удавалось напечатать. Но я полагал, что я должен заниматься этим делом, мне это было интересно. Может, я исследовал тему слишком кропотливо. В 1985 году я выступал на конференции в Казани, написал статью. Ее отругали, как слишком острую. Позже я опубликовал ее в Самаре, а в 1992 году Л.Г. Захарова и другие исследователи провели специальное обсуждение этой работы и единодушно признали, что она по-новому ставит целый ряд вопросов. В 1988-м я получил годичную стажировку в Москве, в Институте истории. Я выступил там с докладом о тактике партии эсеров. Письменный текст доклада занимал семь печатных листов. К тому времени сложились основные параметры диссертации, знакомые побуждали защищаться. Начались 1990-е. В Москве, да и у нас на факультете проходили семинары. В Институте марксизма-ленинизма я, беспартийный, выступил с пленарным докладом «Пролетарский и крестьянский социализм». Подчеркну: для меня это была не смена декораций, а глубокое переосмысление темы. В 1994 году я занялся написанием текста диссертации, работа шла быстро, и в декабре 1995-го я защитил ее в Москве.

– **Какие из публикаций того времени вам особенно памятны?**

– В 1983-м мы с коллегами в Институте истории решили написать книжку «Политические партии России. Количественный анализ». Это было интересно, мы взяли 5 основных политических партий. Прежде исследователи не затрагивали количественных характеристик. Книжка трудно шла в издательстве, встречала сопротивление. Но в конечном счете публикация имела шумный успех. Историки-профессионалы встретили ее очень тепло, часто цитировали. Тогда же мы написали несколько статей по историографии, они были опубликованы в журналах «Вопросы истории» и «История СССР». Хорошие были статьи, надо сказать.

– **Над чем вы работаете сейчас?**

– Помимо глав в коллективных монографиях, я написал 3 книги и сейчас работаю над четвертой. Большая ее часть уже написана. Мне думается, очень

важно увидеть, что представляли собой социалисты в России, что представлял собой социализм. Важно понять, как эта вера воздействовала на людей, что они считали возможным, когда проникались этой верой. Предметом исследования станут террор, призыв к ниспровержению строя, девиз «Цель оправдывает средства». У нас эти сюжеты мало проанализированы. Мы еще недалеко отошли от той эпохи. Есть несколько вещей о социализме, например, «Социализм как явление мировой истории» И.Р. Шафаревича. Это хорошая книга, но она ставит вопросы не так, как их поставил и решил бы историк.

– Расскажите о ваших учениках.

– У нынешних студентов есть интерес к теме террора. Я отговариваю своих учеников от этой темы. Она требует большой подготовки, скрупулезных архивных разысканий. К тому же это тонкая работа. Важно выяснить для себя, что представляли собой террористы – убийцы, в сущности. Несколько человек, принимавшихся за эту тему, не сумели ее должным образом раскрыть. Своим первым аспирантам я предлагал темы по истории партий эсеров, энесов. Впоследствии К.Н. Морозов защитил докторскую диссертацию в Москве, уже не под моим руководством; А.В. Сыпченко защитила докторскую диссертацию под руководством Петра Серафимовича Кабытова. Мне приятно сознавать, что среди моих дипломантов есть люди, которые теперь занимают видное место среди самарских историков: Ю.П. Аншаков, Л.М. Артамонова. За эти годы у меня было много толковых учеников.

– Так сложилось, что от историков общество ждет объяснения прошлого, оценки настоящего, прогнозов на будущее. Как вы ответите на эти вызовы?

– Почти сто лет тому назад распалась связь времен. В июне 1917 года С.Ф. Платонов завершил последнюю редакцию своего учебника по истории для гимназий словами: «Господи, спаси и сохрани Россию!» Время после 1917 года свидетельствует, как трудно пришлось стране. И не случайно сегодня на ум приходят слова великого историка.

ДИАЛОГ ИСТОРИКОВ О НАШЕЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

(*П.С. Кабытов, О.Б. Леонтьева* *)

П.С. Кабытов. Когда вчерашний школьник выбирает вуз, куда он пойдет учиться, он может исходить из самых разных соображений. Он может, например, чувствовать, что ему по силам учиться в Московском университете, или осилить программу физико-технологического института, или, допустим, рискнуть поступить в институт международных отношений. Но если для москвичей при этом относительно легко решаются вопросы повседневной жизни, — есть квартира, есть родители, не надо никуда ехать, не стоит проблема, где жить, — то абитуриент из провинции должен учитывать множество обстоятельств. Способны ли его родители помочь ему получить образование (может быть, он сам об этом не думает, но родители-то думают непременно)? Где он будет жить в Москве? Если абитуриент, а потом студент живет у родственников, то возникает множество проблем совместимости характеров, согласования интересов родственников и его личных интересов. И не всегда родственники так уж рады дать приют студенту-провинциалу. Обычно они по-настоящему радуются только тогда, когда студент заканчивает учебу и наконец уезжает; хотя это вслух и не говорится, но в воздухе ощущается. А чтобы жить в общежитии, нужно отойти от привычного жизненного уклада, по сути дела, сломать себя, потому что привычки и неписанные традиции обычной семьи ни в коей степени не совместимы с той жизнью, которая идет в общежитии. Если взять мои воспоминания об «общежитских» годах, то, за редким исключением, жизнь в общежитии начиналась где-то часов в одиннадцать вечера, а заканчивалась для некоторых где-то в четыре или пять утра. Это не значит, что все так жили; но те, кто вел ночной образ жизни, не давали жить другим. Допустим, ты только что уснул — и тут вдруг вламывается толпа людей, включают свет, начинают жить своей жизнью, а на тебя смотрят в лучшем случае как на чудака. И от этого никуда не уйдешь, невозможно закрыться, уединиться хотя бы на несколько часов — для этого нужно, чтобы те четыре человека, которые живут в одной комнате с тобой, куда-то все одновременно ушли, провалились. Поэтому процесс адаптации для молодого человека, который до этого жил в семье, был «домашним», может быть очень трудным. Поэтому у меня вопрос такого плана: из чего исходили вы, выбирая место своей учебы? Для начала: в какой школе вы учились?

О.Б. Леонтьева. В 29-й, на улице Челюскинцев.

П.К. Эта школа давно существует?

О.Л. Давно. Не знаю точно, с каких пор, но раньше она находилась в том

---

* © Кабытов П.С. — доктор исторических наук, профессор, первый проректор Самарского государственного университета, 2010

© Леонтьева О.Б. — доктор исторических наук, профессор Самарского государственного университета, 2010

здании, где сейчас духовная семинария, на Радонежской. Это очень хорошее здание, великолепной старой постройки, с толстыми стенами, зимой там всегда было тепло и уютно. А потом, где-то в 1982 году, когда я перешла в пятый класс, нас переселили в новое школьное здание, а в старом открыли Дом пионеров, и я ходила туда в драмкружок.

П.К. Да, когда впоследствии здание Дома пионеров отдали семинарии, Октябрьский район фактически лишился прибежища для детей, где они могли заниматься танцами, творчеством... А вообще меня несколько удивило то, что вы учились в обычной школе. Мне самому часто задавали вопрос, почему мои дети, Катя и Николай, учились в обычной школе. Катя начинала учиться в 41-й школе, на улице Молодогвардейской, потому что там выделили два этажа нашему историческому факультету, у нас там шли занятия, поэтому было удобно взять дочь за руку, отвести в школу, а потом, когда занятия закончатся, забрать ее и отвести домой. И мне часто задавали вот какой вопрос: как же так, вы кандидат наук, доцент, жена у вас потом стала кандидатом наук и доцентом, и, мол, неужели у вас в голове даже мыслей таких не возникало — отдать детей в специальную школу? Вопрос к вам, кстати. Я-то ответил на этот вопрос?

О.Л. Петр Серафимович, хотя, по большому счету, это вопрос не ко мне, а к моим родителям, но я могу сказать, что у нас в семье тоже не возникало даже мыслей о том, что дочь нужно отдавать в какую-нибудь специальную школу. Никто этого не добивался. Я пошла учиться в ту школу, которая была ближе к дому.

П.К. Что ж, это однозначный ответ. Я считаю, что сама по себе школа не очень важна, особенно общеобразовательная. Все зависит от тех целей в жизни, которые избирает человек. Можно окончить московскую школу имени Зои и Шуры Космодемьянских и быть негодяем. А можно окончить сельскую школу и вырасти достойным человеком...

Скажите, а почему вы выбрали именно исторический факультет? Были ли в школе любимые предметы и нелюбимые?

О.Л. Ну, любимым предметом у меня всегда была литература...

П.К. А учиться, тем не менее, вы пошли на историка?

О.Л. Наверное, я вас разочарую своим ответом, но тут тоже решение давалось очень просто. Когда в девятом—десятом классах встал вопрос о выборе будущей специальности, мне было совершенно ясно, что это будет специальность гуманитарная. Точные науки мне легко давались, но особой склонности я к ним не питала, так что колебалась между филологическим и историческим факультетами. А мне все говорили: ну зачем тебе этот филфак? Представь себе, пойдешь работать в школу учительницей русского языка и литературы, и будешь каждую ночь проверять гору тетрадок с диктантами и сочинениями...

П.К. Я так понял, что у вас в школе не было такого учителя истории, который мог зажечь интерес к своему предмету?

О.Л. К сожалению, нет. Единственное, что могу сказать — у меня в семье все очень любили историю, начиная с бабушки, которая мне в детстве вместо сказок рассказывала про Петра Первого... Да и папа у меня всегда интересуется историей, особенно отечественной — историческими загадками, биографиями знаменитых личностей...

П.К. Значит, здесь все же сказалось влияние семьи?.. А почему вы выбрали университет, а не педагогический институт? В принципе, если посмотреть на географическое расположение вашего дома, то улица Льва Толстого к вам все-таки ближе, а университет стоит где-то в «козьей слободе», какие-то неизвестные дяди и тети там преподают...

О.Л. Нет, очень даже известные! Я же с девятого класса ходила и в школу юного историка, и на подготовительные курсы при историческом факультете. До сих пор помню, что первой лекцией, которую я прослушала в своей жизни, была лекция Юрия Николаевича Смирнова по эпохе дворцовых переворотов. Это было настолько блестяще, ярко и интересно, что с тех пор для меня не было сомнений, куда именно поступать. А в десятом классе весь учебный год я ходила на подготовительные курсы, лекции по отечественной истории там читал Эдуард Львович Дубман, и это тоже было потрясающе ново и интересно. Они оба работали с будущими абитуриентами не для отписки, не для галочки. Эдуард Львович так вдохновенно рассказывал про Поволжье шестнадцатого века, что я с тех пор на всю жизнь запомнила, например, имя купца Надея Светешникова... А в дополнение к лекциям он нам читал стихи А.К. Толстого, про то, что «земля у нас богата, порядка только нет»...

П.К. Да, эта проблема у нас до сих пор актуальна. А вставала ли перед вами потом проблема адаптации к студенческой жизни? Все-таки школа — это одно, а вы пришли в университет, встретились с совершенно иной ситуацией, где вольность, можно было так вот уплыть куда-нибудь...

О.Л. Да, я помню это ощущение новизны: в университете нас ждала новая система работы, совсем не похожая на школьную, лекции и семинары радикально отличались от привычных уроков. Помню ощущение свободы: кончилась школа, где, как ни крути, ты все время под постоянным контролем...

П.К. Под колпаком. И девочка должна выполнять ту роль, которая ей предназначена.

О.Л. Каждый должен выполнять ту роль, которая ему предназначена. Причем эти роли расписаны еще на уровне начальной школы: кто отличник, кто активист, кто хулиган, а кто неисправимый двоечник, и так далее... Поэтому первое, что меня поразило и восхитило в университете — отсутствие

этого тотального контроля. Помню чувство удивления, когда я поняла, что здесь преподаватели не спрашивают никого по журналу, не вызывают к доске, что в целом действует принцип добровольности: хочешь — готовишься и отвечаешь, не хочешь — тихо отсиживаешься где-нибудь на «галерке»... Непривычно, но интересно было то, что на дом задают не параграфы из учебника, а целые списки литературы, что надо было идти в библиотеку, искать эти книжки, отстоять за ними очередь, собрать, иногда по крупицам, нужную информацию... Но, конечно, самоконтроль оставался, и был не менее жестким. Помню, перед семинаром по средним векам мы с подружкой, Машей Еньковой, поздно вечером ездили через весь город к другой нашей однокурснице, Иоланте Наумовой, потому что только у нее на руках была книжка Неусыхина. И мы, как сумасшедшие, весь вечер напролет выписывали куски из этого Неусыхина, чтобы подготовиться к семинару. Первый курс...

П.К. А в те годы еще сохранялось обязательное конспектирование классиков марксизма-ленинизма?

О.Л. А как же. Мы ведь еще изучали историю КПСС. Я поступила в университет в конце 1980-х годов, и, по-моему, мы были последним курсом, испытывавшим это «счастье»...

П.К. Значит, у вас была и марксистско-ленинская философия, и политэкономия?

О.Л. Философия была, но уже не вполне марксистско-ленинская. Курс философии у нас читала Наталья Юрьевна Воронина, которая теперь возглавляет Самарскую гуманитарную академию, и это были совершенно нестандартные лекции. Помню, как Наталья Юрьевна, — тоненькая, в элегантном черном костюме, с пышным ореолом светлых волос, — вошла к нам на свою первую лекцию, встала за кафедру и как-то очень легко и непринужденно произнесла: «Основной вопрос философии — это не вопрос о том, что первично, а что вторично: бытие или сознание. Основной вопрос философии — это вопрос о смысле человеческой жизни». Конечно, после такого вступления мы затаили дыхание! А дальше она рассказывала нам про Ильенкова и Мамардашвили, про Сартра и Камю, и для нас, вышедших из советской школы, это было расширением горизонтов сознания, открытием совершенно нового мира.

П.К. А историю КПСС кто у вас вел?

О.Л. Симатов, конечно.

П.К. Кинофильмы показывал?

О.Л. И не только кинофильмы... Он нам приносил в аудиторию телевизор, и мы смотрели в прямом эфире трансляцию первого Съезда народных

депутатов. Он задавал нам не только труды «классиков», но и, скажем, остроактуальные статьи из «Огонька» про Бухарина, про «ленинское завещание», про культ личности Сталина... В общем, даже история КПСС была в те годы по-своему интересной. Но конспекты классиков марксизма-ленинизма, конечно, приходилось делать, и не скажу, чтобы это было самым увлекательным занятием...

П.К. А у вас на курсе поддерживалась старая студенческая традиция — «конспекты с конспектов»?

О.Л. Ну да, я свои конспекты всегда давала списывать. Не знаю, сколько человек они обходили... и во что превращались в конечном итоге...

П.К. А как складывалась жизнь вне вуза? Где студенты собирались, куда ходили? Допустим, в наши студенческие годы в Казани мы могли пойти на танцы в Дом ученых, или на вечера в здании химического корпуса университета, где находился исторический факультет, ну, или в общежитие... Помню, в общежитии танцы начинались где-то после десяти часов в субботу или воскресенье; диджеев тогда не было — крутили пластинки или магнитофон такой примитивный, большой, где-нибудь в углу стоял... А вот как складывалась студенческая повседневность у вас?

О.Л. Да, наверное, очень похоже — времена не так уж сильно изменились по сравнению с вашими студенческими годами. Точно так же ходили на вечера в общежитие, собирались там у кого-нибудь в комнате, где комната была побольше и попросторнее, танцевали, пели песни под гитару... Особенно любили на нашем курсе бардовские песни — Володя Климов, Лариса Никишкина потрясающе пели под гитару, знали множество песен, и философских, и лиричных... Весь репертуар Окуджавы, Визбора, Кима я знаю наизусть именно с тех лет. Ну и, конечно, вся наша археологическая практика прошла под бардовские песни...

П.К. И, конечно, значительный интерес вызывала музыкальная, художественная жизнь?

О.Л. Да, в те годы были потрясающие «студвесны». Мода на КВН пришла чуть позже, а вот студвесны превращались в самые настоящие спектакли на актуальные сюжеты, часто даже на политические темы.

П.К. Уже тогда студенты истфака непременно плясали канкан на сцене или эта мода тоже пришла позднее?

О.Л. Нет, тогда плясали ламбаду. Рубеж восьмидесятых-девяностых был очень интересным временем, потому что именно тогда шло бурное, стремительное освобождение от советской идеологии, и, как всегда бывает, это освобождение началось со студенчества. Ведь когда мы учились в школе, система преподавания была, безусловно, советская, глубоко идеологизирован-

ная. Гуманитарные предметы преподавали по такой схеме: существует некая единственно верная точка зрения и единственно правильная логика мышления, эту логику и эту точку зрения можно найти в определенных книжках, ее следует запомнить, выучить наизусть, и ты готов к ответу на экзамене или к выпускному сочинению. Причем «единственно правильная точка зрения» предусматривалась на все: на исторические события, литературные произведения и их персонажей и на те азы обществознания, которые были заложены в школьной программе...

П.К. Обществоведения.

О.Л. Да, тогда этот предмет назывался обществоведением. И только в университете, на первом или втором курсе, я сделала для себя очень важное открытие, которым, помню, была совершенно потрясена. По сути дела, я поняла, что есть разные логики мышления, что существует множество систем, объясняющих мир, что может существовать множество взглядов на одну и ту же проблему, причем нельзя сказать, что какой-то из них верный, а все остальные неверные: каждый из них интересен по-своему... Я помню, что уже на первом курсе, когда кто-то из преподавателей начинал активно внедрять в наше сознание постулаты марксизма-ленинизма, соцреалистические шаблоны, это вызывало протест, эмоциональное отторжение. Мол, хватит, сколько можно, у нас еще в школе все это в зубах навязло...

П.К. Вы поступили в университет в 1989 году?

О.Л. Нет, в восемьдесят седьмом.

П.К. То есть в пору «муравьевских митингов» вы были еще школьницей?

О.Л. Уже студенткой. Митинги против Муравьева [первого секретаря областного комитета КПСС в ... – 1988 гг.] прошли летом 1988-го, мы как раз были в археологической экспедиции. Помню, приезжают родители меня навестить, сидим мы на бревнышке, пьем кофе с бутербродами, и вдруг они невзначай сообщают: «Вы тут знаете, что у нас происходит? У нас Муравьева свергают». Так что в тот раз политика прошла мимо нас.

П.К. Вам в экспедиции удалось сварить кашу? Или там повар был?

О.Л. Нет, мы дежурили по очереди. Мне очень повезло: моей напарницей оказалась Галя Николаева, которая замечательно готовила. Я делала все вспомогательные работы, вроде чистки картошки, она от меня ничего большего и не ждала, а я тогда готовить совсем не умела.

П.К. Я в этой ситуации вспоминаю рассказ Аннеты Яковлевны Басс о том, как они с однокурсниками, студентами Ленинградского университета, работали на лесоповале. Дело было после войны, народ в университете собрался довольно внушительных размеров, и юноши, и даже девочки были

мощные. А Аннета Яковлевна всегда была малышкой. Вот она один день поработала на этом лесоповале, собирала сучья, — но и сучок поднять ей достаточно сложно было, — а потом ее однокурсники придумали вот что. Она, кстати, училась вместе с Ананьичем и с Панеяхом — такая подобралась компания. Они решили ее больше с собой не брать, сказали: «Неточка, ты не обижайся, мы тебе нашли занятие, ты будешь варить кашу». И вот подошла она к громадной плите, и выяснилось, что там еще и котел большой — она даже не может до него достать. Тогда однокурсники склотили ей табуретку, дали длинную палку, заостренную в виде лопатки, чтобы можно было ею в котле помешивать, и вот так Аннета Яковлевна несколько дней поработала... Потом что-то случилось, она упала, сломала руку, и ее пришлось увозить обратно в Питер. А у вас эта повседневность археологическая обошлась без травм?

О.Л. Абсолютно без травм. Было очень интересно, хотя и обидно, что другая экспедиция, работавшая по соседству, нашла больше — им удалось раскопать целый погребальный комплекс, конное захоронение с оружием и украшениями, а нам попадались в основном глиняные черепки и пряслица... Зато на всю жизнь запомнились вечера в экспедиции, с песнями у костра, с разговорами обо всем на свете, о прошлом и о настоящем.

П.К. Есть такое древнее китайское проклятие: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!» А что вы можете сказать о своей жизни в эпоху перемен? Она была серой, скучной — или она была все-таки насыщенной и интересной, иной, чем жизнь в советскую эпоху?

О.Л. Потрясающе интересной, хотя и очень трудной в бытовом плане, особенно в ранние 1990-е.

П.К. Знаете, что меня тогда особенно потрясло? Я как-то вообще с большим недоверием отношусь к людям, которые вчера были профессорами, а сегодня стали главами города. Когда я приезжал в 1992, 1993 годах в Москву, я был в шоке. Я никогда Москву такой не видел. Полки были пустыми. Впервые витринная матушка-Москва оказалась обнаженной. А почему? Потому что мэром Москвы стал Гавриил Попов, «выдающийся» — в кавычках — экономист. Вы не поверите, но я отсюда, из Самары, возил тогда своим друзьям в Москву колбасу, водку, молочные продукты, даже творожную массу «Самара-Лакто». И они меня ждали, они от этого «продпайка» были просто в восхищении. Когда я приезжал в Москву, для них это был праздник, понимаете?

О.Л. По поводу «продпайка» у меня есть свои воспоминания. Мы в 1991 году, летом, ездили на музейную практику в Ленинград — тогда еще это был Ленинград, — и руководителем практики у нас был Владимир Владимирович Кутявин. Он, как ленинградец, конечно, стремился показать нам город «по максимуму»; однажды он сказал: «Сегодня постарайтесь выспаться днем, а ночью мы пойдем гулять по городу, смотреть на белую ночь». И вот

вечером, где-то часов в девять, мы вышли из общежития, пешком дошли до Дворцовой площади, посмотрели, как разводят мосты над Невой, а потом через весь город, через жемчужную белую ночь, неторопливо пошли обратно. И когда уже подходили к своему общежитию, увидели такую картину: магазин, вывеска «Мясо», абсолютно пустая витрина — хоть шаром покати, — и посередине этой витрины лежит, свернувшись, огромный рыжий котяра.

П.К. Действительно, красиво.

О.Л. Жаль, не было фотоаппарата, потому что это был бы памятник эпохе!

П.К. Ну, вообще на рубеже 1980-1990-х события шли с обвальнoй скоростью. Никто не ожидал, что Горбачев так быстро сдаст все, и если поначалу были иллюзии по поводу возможной реанимации КПСС, то в 1991 году они развеялись мгновенно... Мне довелось в 1992 году приехать в Казань на защиту очередной кандидатской диссертации, я пришел в гости к моему давнему другу Бухараеву, и вот какую историю он мне рассказал о своем отце. А отец его в свое время был заведующим лекторской группы обкома КПСС, к началу 1990-х уже вышел на пенсию и возглавлял партийную группу при домоуправлении. Так вот, когда началась вся эта катавасия с крахом ГКЧП и Горбачева, то Бухараеву-старшему стали звонить домой члены КПСС: «Слушай, ты чего сидишь? Чего мы ждем? Мы должны выйти на улицу, отстаивать идеалы КПСС, завоевания революции, те блага, те преимущества, которые нам дала революция»... Что же, по-вашему, он им ответил? «Сидите дома, никуда не ходите». — «А почему нельзя выйти?» — «Нет команды». Команды нет, понимаете... Это очень симптоматично, потому что показывает, что партия рухнула не случайно. Когда все делается по команде, то отсутствие командарма ведет к деморализации, к распаду.

Конечно, то время само по себе было удивительно насыщенным. Переломный исторический момент, выбор пути общественного развития, свежий ветер, Цой там поет что-то невнятное про перемены, за окнами звучит совершенно иной шум, течение времени меняется...

О.Л. И историческая наука стремительно менялась. Сколько появлялось тогда новых публикаций — и по истории сталинского периода, и по истории дореволюционной России...

П.К. Вы стояли в очередях за газетами у киосков?

О.Л. Наша семья тогда выписывала «Огонек».

П.К. А из газет?

О.Л. Всегда выписывали «Правду», «Известия», «Литературку», «Комсомолку», которая была тогда совершенно другой — не бульварной, а политически острой газетой.

П.К. Кстати, «Комсомолка» первой опубликовала обращение Алексан-

дра Исаевича Солженицына...

О.Л. Да, и там же опубликовали его работу «Как нам обустроить Россию», отдельной брошюрой, с пунктирными линиями на газетном листе, чтобы было видно, как эту брошюру вырезать и как складывать странички. А сколько тогда появилось и интересных фильмов, и интересных спектаклей... «Покаяние» Абуладзе вышло на экран, по-моему, когда мы были на первом курсе; на втором или на третьем курсе мы всем коллективом ходили в драмтеатр на спектакль «Дальше... дальше... дальше», по Шатрову, где Ленин критикует Сталина за уклонения от демократии и гласности...

П.К. Вторая половина 80-х годов — это, безусловно, было время очень интересное, в какой-то мере напоминавшее первую половину 50-х годов. Только там все шло несколько иначе, и началось, как известно, с погромно-разгромного выступления Хрущева против «культы личности» Сталина. Я думаю, что на самом деле Хрущев был одним из самых ярких сталинистов, и под многими постановлениями о расстрелах стояла его подпись... Одним словом, он повинен в репрессиях не в меньшей степени, чем Сталин, Каганович, Молотов, Маленков и другие. Это была одна компания — палачей, которым было все равно, кого казнить — русских, татар, чувашей, евреев, чеченцев или кого-то еще... Их логика была проста: все, кто противостоит им или якобы противостоит, тот достоин — не просто кары, а «распыления». Это был термин эпохи гражданской войны, но употреблялся он и в 1930-е годы: человек должен стать пылью... А при Хрущеве, как и в 1980-е, в обществе поначалу преобладали настроения, которые можно выразить формулой «назад, к ленинизму». Утверждение демократии казалось «восстановлением ленинских принципов». Но можем ли мы однозначно считать, что Ленин — демократ? Разумеется, нет. По большому счету, уже с момента взятия власти Ленин выступает в качестве диктатора...

О.Л. Скорее, еще до момента взятия власти, потому что весь знаменитый спор на Втором съезде РСДРП, который привел партию к расколу на большевиков и меньшевиков, шел вокруг вопроса, должна ли РСДРП быть партией демократического или авторитарного типа. Что сам Ленин был лидером явно авторитарного склада — это совершенно очевидно. Еще Плеханов отмечал, что партии большевиков и меньшевиков строятся совершенно по-разному, что у большевиков «все вертится вокруг одного человека». И когда Михаил Иванович Леонов на своих первых лекциях рассказывал нам, что в партии эсеров не было ярко выраженного лидера, не было одного лица, к которому сходились бы все нити руководства, — это вызывало у нас шок и недоумение: как же это так — партия без единого лидера?

П.К. Все-таки даже во второй половине 1980-х годов многие ошибочно надеялись на то, что ситуацию можно поправить, что партию можно реформировать, что социализму можно придать какой-то человеческий облик. А что думали по этому поводу студенты, каким было восприятие текущей политики?

О.Л. Ну, Петр Серафимович, тут невозможно сказать обо всех сразу. Естественно, что все мы были разными людьми с разным жизненным опы-

том... Я помню, на первом курсе один молодой человек ходил на семинары по истории древнего мира с «Кратким курсом истории ВКП(б)» и пытался зачитывать оттуда что-то про «революцию рабов». Хватило одного саркастического замечания Игоря Геннадьевича Гурина, чтобы «Краткий курс» исчез с семинаров навсегда.

П.К. Это симптоматично. У молодого человека была ностальгия фамильная по сталинским временам?

О.Л. Я думаю, там отец или дед сказал что-то вроде: «Вот, сынок, возьми эту книгу»...

П.К. «Это Библия!»

О.Л. Вот-вот. Но для нашего поколения отношение к одной-единственной книге как к Библии все-таки было нетипичным. Ведь это было время, когда одна за другой появлялись очень нестандартные, нешаблонные публикации по истории дореволюционной России. Скажем, работы Эйдельмана про декабристов, где был представлен опыт «истории в сослагательном наклонении»: что было бы, если бы декабристы победили? Тогда же стали переиздавать работы русских философов XIX – начала XX века: на втором курсе, например, я писала у Надежды Николаевны курсовую работу по Чаадаеву... Для меня чтение Чаадаева было открытием другой логики мышления, другого видения мира, совершенно не похожего на то, к которому я привыкла. И, конечно, тогда я попала под обаяние этой мысли и именно поэтому заинтересовалась русской религиозной философией.

П.К. И тут мы подошли к очень любопытному моменту. Как вы дошли до жизни такой, что стали заниматься Бердяевым?

О.Л. Петр Серафимович, это провокационный вопрос – вы же сами предложили мне эту тему!

П.К. Да-да, это был очень интересный эпизод, о котором я просто не могу не вспомнить. Когда я встретился с вами в моем замечательном «кабинете», – а «кабинет» этот представлял собой холл на первом этаже университета, где было множество цветов и киоск «Академкнига», – так вот, когда я вас встретил в этом «кабинете» и спросил: «Знакомо ли вам понятие “бердяевщина”?» – вы просто подпрыгнули от радости. Очевидно, к тому времени вы этот термин уже слышали или встречали где-то в книгах? Ведь вообще-то этот термин относится к 1920–1930-м годам. Это слово – «бердяевщина» – можно было встретить в художественной литературе советских времен, когда там описывался, допустим, якобы слабохарактерный интеллигент, в очках, в шляпе, который противостоит власти, пытается что-то доказать, что-то такое невнятное сообщает, и это вызывает у окружающих раздражение – человек внешне непохож на других, да еще и не на нашем

русском языке выражается, а на каком-то странном диалекте...

О.Л. Какие-то там у него персонализмы, экзистенциализмы...

П.К. Вот-вот. Так когда же вы сами заинтересовались «бердяевщиной»?

О.Л. Впервые я узнала о Бердяеве при довольно необычных обстоятельствах. Все началось летом восемьдесят восьмого года, после того, как я окончила первый курс университета. Тем летом мы с мамой ездили в Москву и там попали — это тоже был символ эпохи — на выставку картин Ильи Глазунова. Гвоздем выставки было огромное полотно «Сто веков — Великая Русь» (потом Глазунов изменил название, и картина стала называться «Вечная Россия»). На эту выставку стояла огромная очередь, наверное, не меньше, чем в советские годы в мавзолей; прежде чем войти в выставочный зал, мы в ней отстояли не меньше часа. И вот, пока очередь медленно двигалась, желающим уже продавали репродукции «Вечной России». На этой картине был изображен грандиозный крестный ход, выходящий из ворот Кремля; бок о бок шли деятели самых разных эпох российской истории, не менее полутора сотен персонажей. А чтобы зрители могли разобраться, кто есть кто, к репродукциям прилагались схемы картины с указателями: все персонажи были пронумерованы, а внизу под порядковыми номерами указаны их имена и фамилии. И вот люди, стоя в очереди, разглядывали схему, обсуждали, какие фамилии им знакомы, а какие нет, кто чем известен, кто чем прославился; это напоминало коллективное отгадывание кроссворда. Помню, что я более или менее идентифицировала для себя всех персонажей этой картины, но вот под номером, по-моему, девяносто восьмым — где-то так, ближе к сотне, — значился «философ Бердяев», чуть ли не единственный во всем списке, у кого был указан род занятий. И меня это почему-то сразу задело за живое: почему же я ровным счетом ничего не знаю об этом философе, который, наверное, был очень знаменит в свое время? И когда мы вернулись из Москвы, я, занимаясь своими текущими делами в областной библиотеке, попутно выписывала из всех энциклопедий и словарей, которые мне попадались, любую информацию о Бердяеве. А прочитать о нем тогда можно было совсем немного: что он был «проповедником мистицизма и поповщины», боролся против советской власти и за это был выслан за границу... Эти короткие статьи из советских энциклопедий только заинтриговывали, вызвали желание разобраться — что же там случилось на самом деле, почему он не принял советскую власть, почему его выслали и так далее.

П.К. А тут еще как раз о нем Кабытов говорит...

О.Л. Да-да, а тут вы с этими словами про «бердяевщину». Я тогда решила, что это перст судьбы, не иначе.

П.К. На самом деле, обычно любой преподаватель, руководящий научной работой студентов, занимается «ловлей человек». Кого я хотел бы поймать в свои сети, если честно сказать? Я хотел бы привлечь к научной работе таких людей, которые бы увлеченно занимались ею, для которых она

стала бы частью жизни, частью судьбы. Меня в 1970-е годы тоже волновали концептуальные воззрения дореволюционных философов, тем более что я усиленно занимался изучением этих проблем. Но тогда, к сожалению, народ в университете был несколько иной, — я имею в виду студентов, — и найти людей, которые стали бы заниматься этой тематикой, было довольно сложно. Поэтому для меня ваше появление было своеобразной находкой. А потом, конечно, это направление стало разрабатываться более широко: была защищена диссертация Ирины Зайцевой о Г.П. Федотове, очень интересную работу написал Михаил Михайлович Леонов о князе В.П. Мещерском, Екатерина Федакина — о Питириме Сорокине... Я очень хотел, чтобы она в этой работе попробовала объяснить: что подвигло Сорокина заняться наукой, социологией? Ведь он был из крестьян, и, попав в городские джунгли, он мог бы там и потеряться. Но у него было высокое предназначение, может быть, даже ниспосланное свыше, и он это осознал очень рано. Когда он, еще мальчик, стал подниматься на церковные крыши, на купола, у него раздвинулись горизонты видения. Ведь что мы видим в селе? Небосклон, линия горизонта, поле, лес, дома — вот и весь кругозор, масштаб видения сельского человека, крестьянина: буквально верста-две. А поднимаешься на высоту — и видишь совершенно иное; а когда приходишь в церковь, здесь тоже свой космос, который возвышает душу, заставляет человека задуматься... Я думаю, что совокупность факторов, конечно, повлияла и на становление личности Сорокина, и на нашего замечательного философа Бердяева. Хотя если Сорокин в свое время увлекался революционными идеями, даже был секретарем Керенского, то Бердяев все-таки в меньшей степени болел этой краснухой...

О.Л. Переболел в юности...

П.К. Но переболел быстро. Знаете, почему я дал вам эту тему? Мне-то хотелось, чтобы вы попытались выявить, как ведет себя человек в экстремальных обстоятельствах (а революция — это экстрим). Как он воспринимает этот революционный пик, что с ним происходит, как меняются его концептуальные воззрения... Мы видим, что период революции — очень короткий во времени, но при этом очень благотворный для формирования новых представлений о жизни, о мире: если в период эволюции переосмысление старых концепций происходит медленно, то здесь сама жизнь заставляет задуматься и перейти к новым оценкам.

О.Л. Что касается Бердяева, то он, безусловно, был дальновиднее многих своих современников. Еще в самом начале первой мировой войны он почувствовал на интуитивном уровне, что дело закончится какой-то страшной, неслыханной исторической катастрофой. Он понял, что состояние человеческих душ, человеческой психики таково, что просто так, бесследно эта война не пройдет, чем бы она ни закончилась...

П.К. Бердяев, конечно, не напоминал наших слишком быстро перестроившихся современников, скажем, того же Волкогонова, который сегодня читал с кафедрального амвона одно, а завтра пришел — и стал читать совсем

другое. Тут, конечно, был мощный пласт внутренней работы...

О.Л. Конечно. В этом плане творчество Бердяева — это потрясающе богатая тема, и я вам признательна, что вы мне ее тогда предложили. Удивительно, насколько красивая, яркая, яростная, напористая человеческая мысль билась в его трудах и насколько насыщенную интеллектуальную жизнь он прожил, ведь, допустим, Бердяев 1915 года не похож на Бердяева 1920 года, а тот — на Бердяева 1940-го. По этой интенсивности мысли, по способности перерастать свои прежние воззрения Бердяев, пожалуй, из всех мыслителей XIX века напоминает только Герцена.

П.К. По способности к адаптации?

О.Л. Скорее, по способности подниматься над происходящим, оценивать его совершенно иначе, вдруг понимать, что в свете новых событий твои прежние представления о мире уже никуда не годятся, что надо строить что-то новое. И вызывают уважение те люди, которые находили в себе душевные силы не ломаться, не пугаться, а мыслить.

П.К. Если посмотреть первый вариант вашей дипломной работы, то вы сначала сделали из Бердяева эдакого небожителя, который одиноко живет где-то в космосе... На самом деле, конечно, если мы показываем развитие концепции Бердяева на фоне остальных его современников, то особенности его мышления высвечиваются более объемно.

О.Л. Дело было в том, что я первоначально подошла к этой теме не столько с исторической, сколько с философски-методологической точки зрения. Мы — три человека с нашего курса: Бэла Никитина, которая теперь работает на факультете социологии, Володя Климов и я — тогда ходили на внеурочный семинар к Наталье Юрьевне Ворониной. Это был самый настоящий философский клуб, туда приходили и аспиранты, и студенты, и преподаватели, при этом все общались на равных. Заседания проходили раз в неделю, по четвергам, каждый раз назначали докладчика, который должен был подготовить сообщение на определенную тему, — например, о Ницше, или о Фрейте, или о Пастернаке, — и дальше начиналось обсуждение, неформальное и очень острое. Мне эти заседания философского кружка дали очень много: это была великолепная школа дискуссии, школа умения отстаивать свою точку зрения, свой взгляд. Я настолько тогда была поглощена философией, что и на Бердяева смотрела с чисто философской точки зрения: есть совокупность созданных им текстов, и надо проследить логику его мысли, существующую внутри этого герменевтического круга.

П.К. Но ведь это некоторая оторванность от действительности...

О.Л. Это другой подход. Есть разные подходы к изучению явлений культуры: философский, исторический, культурологический. И если удастся их совместить, может получиться очень интересное исследование.

П.К. Конечно, для того, чтобы заниматься интеллектуальной историей,

историографией или историософией, нужно владеть исследовательским инструментарием, иметь какую-то универсальную отмычку, которая помогает проводить соответствующий анализ. Если же мы просто будем пересказывать содержание чужих трудов, то у нас получится скорее аннотированная библиография, а не научный труд. Это самый худший вид историографии.

О.Л. Пусть будет хорошая аннотированная библиография, в этом нет ничего плохого. Но тогда она и называться должна библиографией, а не историографией.

П.К. Конечно. Здесь же все-таки нечто иное, и, рассматривая любое историографическое сочинение, мы должны видеть и предшественников автора, и тех людей, которые сегодня работают над этой или над сходной проблематикой. Ведь иногда в процессе исследования происходят совершенно удивительные вещи: можно найти недостающие звенья цепи доказательств в художественной литературе или в какой-нибудь маленькой статье по лингвистике (например, о том, как меняется стилистика речи, жанры, терминология в революционную эпоху)...

О.Л. Чем мне нравится моя нынешняя область интересов, интеллектуальная история — именно возможностью совместить разные сферы исследования, допустим, поставить вопрос о взаимовлиянии историков на философов, социологов на историков, тех и других — на художественную литературу, изобразительное искусство... По сути дела, здесь мы можем взять интеллектуальную жизнь какой-либо эпохи целиком и посмотреть, насколько сходные процессы происходили тогда в самых разных сферах культуры. Допустим, эпоха Великих реформ в России 1860–1870-х гг. — это время торжества реализма в литературе, эпоха крупного реалистического романа, который в идеале должен был отобразить течение жизни как она есть. В изобразительном искусстве это была эпоха передвижников, для которых опять-таки было характерно стремление к полному реализму, к иллюзии «прозрачного стекла» между зрителем и тем, что изображено. Музыка той эпохи, «Могучей кучке» тоже была присуща тенденция к естественности, Мусоргский, например, всю жизнь стремился к тому, чтобы музыка передавала естественные интонации, человеческую речь. И в это же самое время в исторической науке ведущие позиции завоевал позитивизм, то есть господство факта, стремление отобразить историю, как она была сама по себе...

П.К. Мы здесь подошли к очень интересной проблеме — воздействия Великих реформ на духовную жизнь России. Развернувшаяся тогда модернизация как будто приоткрыла какую-то завесу, в обществе повеяло свежим воздухом, и это состояние интеллектуального, духовного подъема, безусловно, сказалось и на исторической науке. О русских позитивистах конца XIX века много писали и в советские времена, особенно в 1970–1980-е годы, — тут, конечно, прежде всего надо вспомнить труды Б.Г. Могильницкого, но в советской историографии общепринятым был тезис о кризисе исторической науки в России рубежа XIX–XX веков. Причем считалось, что этот кризис

был глубоким и всеобъемлющим. Я вспоминаю один методологический семинар под руководством Бориса Дмитриевича Козенко, на котором обсуждались эти проблемы. Так вот, когда докладчику задали вопрос: «А все-таки, каковы были истоки этого кризиса?» — он слегка вздрогнул и сказал: «Ну, появились большевики, и кризис обозначился»... Конечно, возможно, какие-то кризисные явления были. Но что такое кризис? Кризис — это признак развития, так что говорить об упадке российской исторической науки второй половины XIX — начала XX века, видимо, нельзя...

О.Л. Всем бы нам такой кризис!

П.К. Согласен. Такие методологические изыски тогда появились, такие мощные историографические исследования, учебники по историографии, курсы лекций...

О.Л. Шаг в развитии исторической науки, безусловно, был сделан колоссальный, причем одновременно в нескольких сферах. Смотрите: в начале XX века появилось множество методологических трудов, от Н.И. Кареева до А.С. Лаппо-Данилевского — по сути дела, методология истории оформилась как самостоятельная дисциплина. Сформировалась историография как особая отрасль науки; и это неудивительно — ведь к тому времени было создано столько ярких исторических трудов, красивых и интересных концепций. Это была эпоха, когда заканчивал свою научную карьеру В.О. Ключевский, а одновременно с ним работали и П.Н. Милюков, и С.Ф. Платонов, и А.А. Кизеветтер, и Н.П. Павлов-Сильванский, и Н.А. Рожков, попытавшийся объединить историю с социологической схемой...

П.К. Да, а потом появились и А.В. Чаянов, и П.А. Сорокин... Хотя, казалось бы, их работы носят исключительно социологический характер, но наблюдения Питирима Сорокина о голоде и революции очень ценны и для историков. Наука той поры — это вообще уникальное явление.

О.Л. Еще очень важно отметить, что в ту эпоху, в конце XIX века, ученые-гуманитарии работали не только для своих коллег, но и для читающей публики в целом. «Толстые журналы» того времени — «Русская мысль» или «Вестник Европы», — где на соседних страницах публиковались литературные произведения, публицистика, фундаментальные исторические или социологические труды, отражали реальный круг интересов читающей публики...

П.К. Показывали, что существует потребность общества в серьезном чтении.

О.Л. Конечно. И в этом плане можно провести параллель между рубежом XIX—XX веков, «оттепелью» 1950-х годов и временем «перестройки» рубежа 1980—1990-х. Во все эти периоды гуманитарное знание было востребовано, люди захлеб читали толстые журналы, потому что надеялись найти в них ответы на насущные вопросы современности, понять, в чем истоки наших проблем...

П.К. В этом плане я вспоминаю, кажется, 1988 год, когда я был на совещании в Институте истории СССР. Созвал его один из самых выдающихся историков-аграрников — Андрей Матвеевич Анфимов, и речь там шла, казалось бы, о частном вопросе. Дело в том, что в 1920-е годы Николай Петрович Макаров издал двенадцать томов статистического сборника «Движение землевладения в России» (имелось в виду движение помещичьего землевладения, его купля-продажа). И вот в 1988 году Анфимов решил издать тринадцатый и четырнадцатый тома, тем более что все материалы для них были подготовлены еще Макаровым до его ареста в 1930 году, он просто не успел их издать. На этом совещании был и Александр Иванович Данилов, и в ходе обсуждения сначала Анфимов, а потом Данилов рассказали о своей встрече с М.С. Горбачевым. Горбачев тогда впервые за свою политическую карьеру общался с историками. Вообще, для власти, особенно для коммунистической, нехарактерны встречи с учеными: если власть и общалась с ними, то в форме директивных указаний. Можно вспомнить товарища Сталина и то знаменитое письмо, которое вместе с ним в 1934 году подписали Жданов и Киров — замечания на учебник истории СССР. Если вспомнить более близкое прошлое, то приходит на память фигура бывшего председателя Совета министров Михаила Касьянова, который как-то сказал: «Не так историю написали!» Да и совсем недавно Путин тоже говорил, что историю не так пишут и не так преподают. А Горбачев, общаясь с историками, вел разговор совсем по-другому: он хотел понять — почему же, допустим, Александр I в 1801 году не стал проводить реформу по отмене крепостного права, почему Николай I не освободил крестьян, и так далее. Мол, если бы реформы были проведены еще тогда, то вполне возможно, что дальше модернизация в России пошла бы ускоренными темпами, с экономикой все было бы нормально, мы бы не хлебали щи лаптем и вообще вся наша история сложилась бы иначе, всей этой катавасии бы не было. Но, понимаете, в этих вопросах Горбачева все-таки наглядно выразилось, что наши политики, как правило, не знают собственной истории. Поэтому, наверное, правы были последние Романовы, когда поручали обучение своих наследников великим русским историкам — С.М. Соловьеву, В.О. Ключевскому, С.Ф. Платонову: незнание истории порождает множество ошибок.

Содержание

Н.Н. Кабытова

Профессор Михаил Иванович Леонов (к 70-летию доктора исторических наук, профессора кафедры российской истории СамГУ) 3

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ

М.А. Ицкович

Эпоха великих реформ в исторической памяти конца XIX – начала XX века 6

А.Ф. Галузин

Об истории прокуратуры и прокурорах Самарской области 12

В.А. Тюрин

Деятельность полиции в городах Среднего Поволжья конца XIX – начала XX веков..... 29

Д.В. Серых

Из истории ходатайств Московского археологического общества о награждении государственными орденами 33

М.И. Леонов

Союз русских социалистов-революционеров..... 37

И.С. Аброскина

А.М. Анфимов и «новое направление» в советской исторической науке 41

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Э.Л. Дубман

Хозяйственно-промышленные занятия городского населения
Понизового Поволжья в XVII веке..... 46

А.И. Натаров

Артиллерия Симбирско-Корсунской засечной черты во второй половине XVII века. 56

Белюсов С.В.

Об участии уроженцев Симбирской губернии в Бородинском сражении 61

Г.Ю. Пяткова

Легкая промышленность Самарской губернии в условиях новой
экономической политики советского государства (1921–1925 гг.) 67

С.А. Иванушкина, П.С. Кабытов

Научно-организационная и общественная деятельность
Веры Владимировны Гольмстен в Самарской губернии (1919–1929 гг.) 76

Г.Н. Федорова

Хлебные карточки в СССР 1945–1947 гг.:
плюсы и минусы послевоенного снабжения 84

САМАРСКИЙ АРХИВ

Церковноприходская летопись событий, составленная священниками
Христорождественской церкви с. Царевщина Самарского уезда
и губернии, 1905 г. (*Публикация подготовлена Г.В. Галыгиной*) 89

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Е.Ю. Федорова

Деятельность Комиссии каменного строения
в исследованиях отечественных историков и искусствоведов 100

С.С. Кочережко

Дворянские мемуары о поведении дворян во время «пугачевщины»..... 102

П.А. Мистрюгов

Политические и ментальные аспекты создания органов ВЧК на местах..... 105

Т.О. Гурьева

Повседневная жизнь послевоенного двора 108

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Н.Н.Кабытова, М.И.Леонов, М.М.Леонов

Русский историк: от эпохи социализма до нынешних дней 110

Диалог историков о нашей повседневной жизни в годы перестройки
(*П.С. Кабытов, О.Б. Леонтьева*) 116